КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

ТОМЪ I.

ІЮЛЬ.

1882 г.

КІЕВЪ.

Типографія **Г. Т. Корчакъ-Новицкаго,** Михайловск. ул., собств. домъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ТОМЪ III. 1882 г.

Іюль.

Августъ.

Сентябрь.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

ТОМЪ III.

1882 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 26-го августа 1882 года.

Забытыя иноческія обители.

(Монастыри холмскій и замостьскій въ общей судьбѣ русско-уніатскаго монашества).

Въ составѣ обширнѣйшихъ въ мірѣ русскихъ владѣній, на дальнемъ русскомъ западѣ, есть не малая часть земли искони русской, съ несомнѣнными слѣдами русской жизни, не находящая однако себѣ мѣста въ общей русской исторіи, всегда обходимая нашими изслѣдователями, давно забытая исторіею и обществомъ. Это Холмщина и Подляхія, соединяемыя подъ общимъ названіемъ холмской земли, а въ дѣлахъ вѣры — холмской епархіи, и составляющія значительную часть нынѣшнихъ губерній люблинской и сѣдлецкой. Населеніе ихъ искони русское (долго православное, потомъ уніатское, но все же русское, нынѣ опять и православное и русское) никогда не пользовалось вниманіемъ нашей исторіи и общества, потому, быть можетъ, что политическая судьба его издавна слилась съ судьбою Польши и мало ознаменована кровавыми битвами, великими переворотами, громкими по участію въ тѣхъ и другихъ дѣяніями такъ называемыхъ великихъ мужей—что все и наполняло нѣкогда нашу исторію. Но эти забытые уголки были передовые наши посты со стороны налегавшаго на насъ, въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ, польско-католическаго запада; на нихъ, какъ на Шипкѣ, стояли наши братья, подъ градомъ особыхъ выстрѣловъ, поражавшихъ на близкомъ разстояніи, при вихрѣ и стужѣ холодившихъ сердце русское ученій религіозныхъ и политическихъ и такихъ условій жизни семейной и общественной, умственной и нравственной, государственной и экономической, не исключая и прямыхъ преслѣдованій, мученій и самой смерти, которыя, при отсутствіи согрѣвающаго и подкрѣпляющаго духа со стороны далекаго духов-

наго центра, дѣйствовали губительнѣе всѣхъ ужасовъ внѣшней войны. Стояли и сражались они, пока окоченѣлыя руки ихъ держали оружіе въ рукахъ, или не истощался запасъ самаго оружія; жили и умирали незримо, безъвѣстно, по завѣту предковъ, живота не щадя, сраму не имѣя. Но въ вѣковой бурѣ всяческихъ вліяній затемнялся мало по малу свѣтъ вѣры отеческой, поколебалось наконецъ самое сознаніе русской народности, оставалось лишь одно имя русское—безъ жизни и духа; но и въ предсмертной агоніи, теряя вѣру и народность, они лепетали еще: *Русь наша*, пока и самое это имя не замѣнилось словомъ *уніатъ*, не означавшимъ уже ни вѣры, ни народности.

Думаемъ, что эта вѣковая борьба на западной нашей окраинѣ за сохраненіе вѣры и народности представляетъ собою не менѣе интереса, какъ и кровавыя войны вообще за цѣлость государственную, политическую независимость, сохраненіе излюбленной формы правленія и т. под. Къ сожалѣнію, въ смутное время послѣднихъ дней Польши и тщетныхъ попытокъ къ ея возстановленію, погибли большею частію письменные памятники, на основаніи которыхъ можно было-бы воспроизвести полную картину этой борьбы въ указанной мѣстности; но и то, что, быть можетъ, уцѣлѣло отъ нихъ, не приведено въ извѣстность и хранится въ невѣдомыхъ рукахъ и мѣстахъ. Дождется-ли Забужная Русь,—Холмщина и Подляхія, своей исторіи? Спасены-ли, собраны-ли будутъ письменные и другіе памятники минувшей ихъ жизни? Сосѣдняя Галиція имѣетъ свою хорошо разработанную исторію; даже отдѣльные города ея, какъ Львовъ, Перемышль и др., и отдѣльныя учрежденія, какъ львовскій ставропигійскій институтъ,—древнее братство, нашли своихъ историковъ, а Русь холмская не имѣетъ для своей исторіи ничего, кромѣ нѣсколькихъ статеекъ и отдѣльныхъ документовъ давно прекратившагося холмскаго календаря и недавно начавшагося холмско-варшавскаго Епархіальнаго Вѣстника. Пожелаемъ, чтобы возникшая теперь мысль объ учрежденіи музея холмскихъ древностей получила скорѣйшее осуществленіе и мѣсто для него было-бы выбрано въ Холмѣ, а не Варшавѣ,—чтобы готовому еще съ начала 1875 года проэкту учрежденія коммисіи для разбора и, конечно, изданія древнихъ актовъ при варшавскомъ генералъ-губернаторѣ, по примѣру существующихъ въ Кіевѣ и Вильнѣ, былъ данъ хотя теперь надлежащій ходъ и чтобы разбросанные тамъ русскіе ученые приложили свой трудъ къ разработкѣ мѣстной исторіи по

частямъ, дабы современемъ могла явиться полная исторія этого забытаго угла земли русской.

Предлагаемая статья касается одной изъ сторонъ печальной вообще жизни этого края, именно перерожденія русскаго монашества изъ православнаго въ уніатское, а потомъ почти польское и католическое, въ лицѣ двухъ выдающихся монастырей данной мѣстности—холмскаго и замостьскаго. Судьба этихъ монастырей характеризуетъ общее положеніе религіозныхъ дѣлъ въ краѣ. Служивъ прежде православію, они являются орудіями подавленія его и распространенія уніи и дѣйствуютъ въ видахъ ея, не замѣчая, какъ ихъ самихъ отъ уніи влекутъ къ латинству. Любопытна борьба ихъ, въ лицѣ всего ордена, за независимость отъ власти митрополита и епископовъ, интересны и частныя черты управленія и строя монастырской жизни, равно какъ самое возникновеніе замостьскаго монастыря спеціально для цѣлей уніи.

Въ предѣлахъ Холмщины и Подляхіи, въ дни владычества надъ ними Польши, было много русскихъ монастырей, но большая часть ихъ давно прекратили свое существованіе, до послѣдняго же времени (60-хъ годовъ) уцѣлѣли лишь слѣд. шесть: варшавскій, холмскій, замостьскій, люблинскій, бѣльскій и яблочинскій. Изъ нихъ первый возникъ на почвѣ уніи и хотя за предѣлами русскаго прибужнаго поселенія, но въ видахъ навязанной ему уніи, послѣдній никогда не принадлежалъ уніи и до послѣднихъ дней остался вѣренъ православію и народности русской, остальные же четыре, первоначально православные, стали потомъ и остались до своего уничтоженія уніатскими, наравнѣ съ учрежденнымъ митрополитомъ Львомъ Кишкою варшавскимъ уніатскимъ монастыремъ. Монастыри эти представляютъ интересъ для нашей исторіи по своему положенію въ краѣ, гдѣ православно-русскій элементъ находился всегда подъ непосредственнымъ давленіемъ польско-католическаго. Скорѣе и легче другихъ южно-русскихъ монастырей они стали жертвою уніи, но въ этомъ видѣ существовали гораздо долѣе тѣхъ уніатскихъ монастырей, которые послѣ раздѣла Польши вошли въ составъ русскаго государства. Возникши въ нѣдрахъ православія, они служили оплотами православія и народности русской въ этой отдаленной нашей окраинѣ и вызывали сочувствіе къ себѣ и по-

мощь со стороны центральной Украйны. Съ переходомъ въ унію, роль бывшихъ православныхъ монастырей измѣняется, — они начинаютъ служить дѣлу уніи, а съ тѣмъ вмѣстѣ прерывается ихъ связь съ единовѣрною когда-то и единоплеменною Украйною. Скоро послѣ того всѣ указанные нами монастыри, за исключеніемъ яблочинскаго, одинъ за другимъ вошли въ составъ сплоченной по католическимъ образцамъ монашеской уніатской корпораціи, извѣстной подъ именемъ базиліанскаго ордена и быстро стали утрачивать не только свой прежній вѣроисповѣдный, но вмѣстѣ и русскій національный типъ. Раздѣлы Польши 1772, 1793 и 1795 годовъ между тремя сосѣдними державами разбили и базиліанскій орденъ на части и не только положили конецъ его дальнѣйшему развитію, но отчасти уменьшили его наличный составъ и ослабили его внутреннюю организацію. Но это роковое въ жизни ордена событіе не коснулось холмско-подлясскихъ базиліанскихъ монастырей, только продлившихъ, благодаря этому обстоятельству, свое существованіе. Въ то время, когда при Екатеринѣ II и отчасти Павлѣ I принимались рѣшительныя мѣры къ ограниченію базиліанскихъ монастырей въ Россіи, холмско-подлясскіе монастыри находились подъ властію австрійскаго и прусскаго правительствъ, которыя не имѣли ничего противъ ихъ существованія. Затѣмъ они вошли въ составъ герцогства варшавскаго, преобразованнаго въ „Царство Польское“, которое, подъ владычествомъ Россіи, существовало со своей особой администраціей и законами до послѣдняго польскаго мятежа. Пользуясь исключительнымъ, привилегированнымъ положеніемъ Царства Польскаго, оставшіеся въ предѣлахъ его уніатскіе монастыри не участвовали въ общемъ возсоединеніи уніатской церкви съ православною въ 1839 году, продолжали удерживать у себя корпоративный духъ и формы орденскаго управленія и такимъ образомъ долго еще служили немаловажнымъ оплотомъ для доживавшей свой вѣкъ уніи въ нынѣшней холмско-варшавской епархіи.

Вотъ общій ходъ исторіи уніатскихъ монастырей Холмщины и Подляхіи. Мы не имѣемъ возможности говорить обо всѣхъ указанныхъ нами монастыряхъ и коснемся только холмскаго и замостьскаго; но и относительно ихъ мы не располагаемъ такими источниками, которые были бы достаточны для обстоятельнаго и полнаго

изложенія ихъ исторіи. Мы передадимъ только тѣ немногія о нихъ свѣдѣнія, которыя уяснятъ мѣсто и участіе ихъ въ общей судьбѣ русско-уніатскаго монашества и, слѣд., не коснемся вовсе ихъ жизни въ православномъ мірѣ. Главнымъ источникомъ свѣдѣній, которыя мы можемъ о нихъ предложить, служитъ связка бумагъ этихъ двухъ монастырей, предоставленныхъ въ наше распоряженіе Ѳ. Г. Лебединцевымъ. Правда, что онѣ разрознены и даютъ лишь отрывочныя, хотя и весьма любопытныя свѣдѣнія, но этотъ недостатокъ мы будемъ, по возможности, пополнять общими историческими свѣдѣніями о базиліанскомъ орденѣ, исторіей котораго спеціально занимались мы, лѣтъ десять тому назадъ, въ архивѣ и библіотекѣ почаевской лавры и библіотекѣ волынской дух. семинаріи, а также нѣкоторыми печатными источниками [1]).

Исторія базиліанскаго ордена или чина св. Василія Великаго, какъ тѣсно сплоченной корпораціи уніатскихъ монастырей, распадается на три періода: 1) періодъ возникновенія этого ордена, отъ основанія его въ Литвѣ Іосифомъ-Вельяминомъ Рутскимъ до окончательнаго сформированія его въ обязательный для всѣхъ уніатскихъ монастырей базиліанскій орденъ, на основаніи постановленій замостьскаго собора 1720 года; 2) цвѣтущій періодъ состоянія базиліанскаго ордена, подъ управленіемъ своего орденскаго генерала или протоархимандрита, независимаго отъ епархіальной власти, съ замостьскаго собора 1720 года до перваго раздѣла Польши въ 1772 году, и 3) періодъ упадка базиліанскаго ордена съ 1772 года и до послѣдняго времени его существованія, имѣющій свои частныя подраздѣленія.

Соображая имѣющіеся у насъ документы названныхъ уніатскихъ монастырей съ общей исторіей базиліанскаго ордена, мы находимъ, что документы холмскаго каѳедральнаго богородичнаго монастыря, относясь главнымъ образомъ къ XVII вѣку, восполняютъ собою

---

[1]) По исторіи базиліанскаго ордена извѣстны слѣд. сочиненія: 1) Исторія базиліанскаго ордена, Кояловича, въ Христ. Чтеніи, за январь и апрѣль 1864 г.; 2) »Очерки уніатской церкви«, въ Чтеніяхъ общества исторіи и древн. россійскихъ при москов. университетѣ. 1881 г., кн. 1 и 2, и 3) »Очеркъ исторіи базиліанскаго ордена въ бывшей Польшѣ», въ Трудахъ кіев. дух. академіи 1870—72 гг., въ 9-ти книжкахъ, Н. Петрова.

первый періодъ исторіи базиліанскаго ордена, тогда какъ документы замостьскаго монастыря, образованнаго изъ приходской церкви уже въ XVIII вѣкѣ, излагая судьбу православія въ Замостьѣ въ XVII вѣкѣ, дополняютъ собою второй цвѣтущій періодъ исторіи базиліанскаго ордена и даютъ новые матеріалы для послѣдняго періода исторіи, если не всего базиліанскаго ордена, то по крайней мѣрѣ тѣхъ частей его, которыя достались сначала Австріи и Пруссіи, а потомъ вошли въ составъ герцогства варшавскаго и Царства Польскаго.

Обращаемся къ исторіи холмскаго монастыря.

I.

Сами польскіе и уніатскіе писатели признаютъ, что городъ Холмъ и земля холмская издавна находилась въ тѣснѣйшей связи съ Южной Русью и въ частности съ г. Кіевомъ. Уніатскій холмскій епископъ XVII в. Яковъ Суша передаетъ баснословное преданіе о томъ, будто-бы по раздѣленіи Руси между тремя первыми ея князьями Кіемъ, Щекомъ и Хоревомъ, холмская земля и сосѣднія съ нею страны достались Щеку *). Съ большею вѣроятностію тотъ-же писатель утверждаетъ, что холмская земля просвѣщена свѣтомъ крещенія при св. равноапостольномъ князѣ Владимірѣ, который построилъ въ Холмѣ въ 1001 году каѳедральный храмъ, снабдивъ его чудотворнымъ образомъ пресв. Богородицы, писаннымъ, по преданію, евангелистомъ Лукою, и основалъ спасскій монастырь близь г. Холма, въ селѣ Столпѣ [1]). Какъ бы ни было, русскій характеръ холмской земли и древнее ея православіе неоспоримы и не подлежатъ сомнѣнію. Но съ весьма давняго времени и русская народность и православіе въ холмской землѣ стали подвергаться стѣсненіямъ со стороны польско-католическаго элемента, а ихъ подавленіе стало предметовъ особыхъ заботъ не только польско-като-

---

*) Преданіе это обще было кіевской и холмской землѣ. Подтвержденіемъ этого можетъ служить то, что и теперь одна изъ горъ, лежащихъ между Холмомъ и дерев. Столпе, носитъ названіе Щековицы, подобно одной изъ кіевскихъ горъ. *Ред.*

[1]) Phoenix tertiato redivivus, Якова Суши, 3 изд., въ Замостьѣ, 1684 года.

лической іерархіи, но и самихъ польскихъ королей. Въ этихъ видахъ въ Холмѣ еще въ началѣ XV в. учреждается польско-католическая епископская каѳедра. Въ привилеѣ польскаго короля Владислава II, данномъ холмскому католическому епископу Іоанну въ 1429 году, читаемъ между прочимъ слѣдующее: „обращая вниманіе на доблести превосходнаго служенія, съ которыми превелебный о Христѣ отецъ господинъ Іоаннъ, епископъ холмскій, профессоръ свящ. богословія, монахъ ордена проповѣдниковъ св. Доминика, устрояя церковь свою новосозданную примѣромъ жизни и знаніемъ добродѣтелей, *не перестаетъ словомъ св. ученія наставлять къ жизни народъ схизматическій, живущій въ окрестности*, и посему желая, чтобы церковь каѳедральная новооснованная, которую мы воздвигли, по внушенію Божію, въ честь раздѣленія св. апостоловъ, въ память побѣды, одержанной ихъ помощію, въ священный ихъ день, надъ врагами нашими крестоносцами въ Пруссіи, получила спасительное преуспѣяніе и проч., учреждаемъ на вѣчныя времена двухъ прелатовъ, т. е. препозита и декана, и десять канониковъ“. На содержаніе ихъ Владиславъ II назначилъ доходъ съ холмской своей таможни въ Рубешовѣ [1]), по 100 грошей монеты польской въ годъ, и отдалъ село Парипсы, близъ Холма. Итакъ холмская католическая каѳедра, основанная Владиславомъ II въ память побѣды надъ крестоносцами, имѣла своимъ назначеніемъ обращеніе схизматиковъ, т. е. православныхъ русскихъ, къ католической вѣрѣ. Неудивительно, что Казиміръ IV, извѣстный своею особою ревностію къ католической церкви, въ 1456 году подтверждая приведенный привилей Владислава II, отдалъ также католическому холмскому епископу Іоанну и его преемникамъ приходскую холмскую православную церковь во имя Успенія пресв. Богородицы, съ деревнею Савинъ. Все это подтверждено привилеями того-же Казиміра, 1485 г., и Сигизмунда I, 1508 года [2]). Пропагаторская дѣятельность католическихъ епископовъ и ихъ капитулы, въ первое время ихъ жизни въ Холмѣ, не осталась безъ послѣдствій. Въ

---

[1]) Нынѣ Грубешовъ, уѣздный городъ любл. губ., граничащій съ Волынью

[2]) См. подтвердительный привилей Сигизмунда I, 1508 г., и копію съ него между документами холмскаго монастыря.

Phoenix-ѣ Якова Суши есть извѣстіе, что около 1566 года холмскій епископъ Захарія испросилъ у Сигизмунда II Августа подтвержденіе привилея *католической уніи*, даннаго русскому клиру венгерскимъ и польскимъ королемъ Владиславомъ Ягеллоновичемъ въ 1443 году [1]); но, какъ видно, паства не пошла за своимъ отступникомъ пастыремъ. Православіе сильно поддерживалось въ краѣ мѣстными вельможами и дворянами, и однимъ изъ видныхъ центровъ этого православія является въ XVI вѣкѣ древній Спасскій монастырь въ селѣ Столпѣ, близь Холма. Когда въ 1569 году состоялось окончательное соединеніе Литвы съ Польшею въ одно политическое тѣло, то съ этого времени до самой церковной уніи 1595 года мы видимъ цѣлый рядъ королевскихъ привилеевъ на Спасскій монастырь и церковь въ Столпѣ, выданныхъ русскимъ попамъ Ивану Гавриловичу и сыну его Өеодору; потому что, какъ говорится въ одномъ привилеѣ, объ этомъ „представлено было намъ нѣкоторыми чинами царства нашего, обряда греческаго". Такіе привилеи даны были на Спасскій монастырь и церковь въ селѣ Столпѣ Сигизмундомъ II Августомъ въ 1570 году, Стефаномъ Баторіемъ въ 1578 году и Сигизмундомъ III въ 1590 и 1595 годахъ [2]).

Не смотря однако на эти подтвержденія, благопріятствовавшія повидимому православію, ему здѣсь, какъ и во всей соединенной съ Польшею южной Россіи, подготовленъ былъ рѣшительный ударъ въ видѣ такъ называемой брестской уніи, къ которой присталъ въ томъ-же 1595 году и холмскій епископъ Діонисій Збируйскій. Извѣстна исторія ея введенія и распространенія и мы не будемъ останавливаться на ней. Для насъ важно то, что однимъ изъ главныхъ орудій ея распространенія избираются монастыри, каковыми являются сперва холмскій, а потомъ замостьскій. Силу монастырей въ дѣлѣ распространенія уніи отлично понималъ главный виновникъ брестской уніи, владимірскій епископъ, Ипатій Поцѣй, потому онъ на первыхъ-же порахъ задумалъ провести католическія начала во внутреннюю организацію русскаго монашества, передѣлать его по образцу римско-католическихъ орденовъ и сдѣлать его передо-

---

[1]) Phoenix, Якова Суши, 1684 г., стр. 36.

[2]) См. привилеи 1570 и 1595 гг. между документами холмскаго монастыря.

вымъ отрядомъ въ наступательномъ движеніи католичества на православную церковь. Преобразованное въ базиліанскій орденъ, уніатское монашество удачно выполнило свою миссію по отношенію къ православной церкви, и однимъ изъ первыхъ и важныхъ центровъ и разсадниковъ уніатскаго базиліанскаго ордена въ юго-западной Россіи является городъ Холмъ.

Холмскій уніатскій епископъ Яковъ Суша въ донесеніи своемъ „Конгрегаціи распространенія вѣры“ въ 1664 г. писалъ слѣдующее о началѣ базиліанскаго ордена въ Россіи: „Преемникъ Рагозы, превелебнѣйшій Поцѣй, заботясь объ уніи, въ видахъ необходимости имѣть для обращенія народа монаховъ, пріобрѣлъ сначала монастырь виленскій и собралъ юношество, изъ коего вышли блаженный мученикъ Іосафатъ (Кунцевичъ), Іосифъ Рутскій, столпъ уніи, и очень многіе другіе монахи, знаменитые ученостію и благочестіемъ, изъ коихъ нѣкоторые взяты были на епископства и прелатства [1]). Главнымъ помощникомъ Поцѣя и орудователемъ въ этомъ дѣлѣ былъ Іосифъ Вельяминъ Рутскій. Получивъ воспитаніе въ греко-римской коллегіи, при выходѣ изъ нея, онъ „предпринялъ намѣреніе помочь, по своей возможности, обряду греко-католическому и относительно этого далъ обѣтъ въ Римѣ. Съ этою цѣлію онъ обошелъ важнѣйшія мѣста Россіи, былъ даже въ самой Московіи и столицѣ ея Москвѣ. Онъ нашелъ, что не иначе можетъ помочь, какъ сдѣлавшись монахомъ обряда греческаго. Прежде чѣмъ приступить къ этому, онъ отправился въ Римъ и, послѣ многихъ бесѣдъ со многими духовными людьми, съ вѣдома и согласія верховнаго первосвященника Павла V (1605—1621 г.), въ началѣ его папствованія, вошелъ въ соглашеніе съ мужемъ особенной святости и учености, отцомъ Петромъ Кармелитомъ босоногимъ и съ генераломъ его ордена, чтобы этотъ отецъ послалъ къ нимъ въ

[1]) См. книгу: Sacra congregatione particulari de propaganda fide coram sanctissimo domino nostro Benedicto papa XIV Kijoviens. Jurisdictionis pro revendissimo domino Floriano Hrebnicki, archiepiscopo Polocensi, totiusque Russiae metropolita, cum domino protoarchimandrita ordinis Sancti Basilii Magni Ruthenorum supplicatio facti et juris, Romae, 1755 an.; Summarium № 1. Для краткости, мы будемъ называть эту книгу »Дѣломъ митрополита Гребницкаго съ базиліанскимъ протоархимандритомъ«.

Россію четырехъ монаховъ своего ордена, которые-бы приняли обрядъ греческій и монашескую одежду св. Василія и были-бы учителями нашими въ духовной жизни и реформаторами чина св. Василія, тогда очень неупорядоченнаго. Заключивъ такое условіе, онъ отправился въ Литву и въ Вильнѣ, въ монастырѣ пресв. Тройцы, принялъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими, монашескую одежду св. Василія Великаго. Здѣсь жилъ этотъ новицій съ другими новиціями, предаваясь благочестивому изученію хорошо устроенныхъ орденовъ латинскаго обряда, съ которыми онъ познакомился, когда еще былъ свѣтскимъ, и съ которыми имѣлъ тогда въ Вильнѣ сношеніе. Но какъ тогда въ орденѣ отцовъ босоногихъ не было поляковъ, кромѣ развѣ одного, то посему и разсѣялась эта миссія. А между тѣмъ умеръ помянутый о. Петръ, насъ-же окружили безчисленныя бѣдствія, какъ внѣшнія отъ схизматиковъ, такъ и внутреннія отъ нашихъ старыхъ монаховъ, которые, какъ только узнали о нашемъ предположеніи, возбудили противъ насъ сильное подозрѣніе, будто этимъ способомъ мы хочемъ уничтожить обрядъ греческій... Между тѣмъ въ нашъ благоустроенный монастырь поступало много юношей, преимущественно изъ учениковъ іезуитскихъ школъ, которымъ мы приказывали заниматься науками въ тѣхъ-же школахъ, освобождая ихъ отъ монашескихъ обязанностей. Такимъ образомъ въ одно тѣло мы соединили около 100 человѣкъ, и стали умножаться монастыри“ [1]). Первые базиліанскіе монастыри основались первоначально въ епархіи Поцѣя. По свидѣтельству того-же Якова Суши, Рутскій „многихъ и знатныхъ юношей принялъ въ орденъ, коего колоніи основалъ сначала въ Новогрудкѣ, потомъ въ Минскѣ, Жировицахъ, Бытенѣ [2])“. Соображая этотъ порядокъ распространенія базиліанскихъ колоній съ историческими обстоятельствами, мы приходимъ къ заключенію, что новогрудская и минская базиліанскія колоніи основаны Рутскимъ около 1611—1612 г., когда онъ былъ коадъюторомъ литовской митрополіи; затѣмъ явились бытенскій монастырь и жировицкій, основанный въ 1613 году для базиліанъ Яномъ Мелешкомъ [3]).

---

[1]) Тамъ-же, Summarium, № 80.

[2]) Письмо Якова Суши къ секретарю «конгрегаціи распространенія вѣры», 1684 г., въ почаевскомъ архивѣ, № 20.

[3]) Труды кіев. дух. академіи, ноябрь, 1870 г., стр. 347.

Сдѣлавшись въ 1613 году, по смерти Поцѣя, уніатскимъ митрополитомъ, Рутскій позаботился распространить базиліанскій орденъ и внѣ предѣловъ своей епархіи. Въ 1616 году онъ выпросилъ у Сигизмунда III подтвержденіе грамоты Сигизмунда I, данной въ 1519 году кіевскому митрополиту Іосифу Солтану о подчиненіи и подсудности ему всего духовенства греческаго обряда въ Польшѣ, дабы, на основаніи этой грамоты, имѣть право вмѣшиваться въ дѣла другихъ уніатскихъ епархій и распространять въ нихъ базиліанскій орденъ [1]), и въ слѣдующемъ 1616 году созвалъ въ Новогрудкѣ первую конгрегацію (съѣздъ) базиліанскую изъ представителей пяти монастырей—виленскаго, новогрудскаго, минскаго, жировицкаго и бытенскаго. На этой конгрегаціи, на которой, по просьбѣ Рутскаго, присутствовали два іезуитскіе доктора богословія [2]), положено было ходатайствовать предъ королемъ, чтобы митрополитъ выбираемъ былъ изъ базиліанъ и чтобы епископства давались не свѣтскимъ людямъ, но людямъ монашествующимъ, которые провели извѣстное время въ орденѣ и получили отъ митрополита одобреніе относительно благочестивой жизни и достоинства; притомъ, таковымъ епископамъ передъ ихъ поставленіемъ митрополитъ долженъ внушать, что они постоянно должны считать себя членами ордена и должны быть защитниками и распространителями его въ своей епархіи [3]). Испрашиваемая привиллегія дѣйствительно дана была ордену Владиславомъ IV въ 1635 году, и въ ней говорилось слѣдующее: „епископства, архимандріи, игуменства никому другому не будемъ давать мы и преемники наши, какъ только заслуженнымъ монахамъ чина св. Василія, находящимся въ уніи, которыхъ теперешній отецъ митрополитъ унитъ и преемники его униты будутъ представлять намъ и преемникамъ нашимъ“ [4]). Для укорененія орденскаго корпоративнаго духа, Рутскій устроилъ для

[1]) См. это подтвержденіе въ книгѣ »Дѣло м. Гребницкаго съ базиліанскимъ протоархимандритомъ«, 1755 г., Summarium, № 99.

[2]) »Истор. базиліанскаго ордена«, Кояловича, въ Христ. чтен., апрѣль, 1864 г., стр. 443.

[3]) Дѣло м. Гребницкаго съ базиліанскимъ протоархимандритомъ, 1755 г., Summarium, № 2.

[4]) Христ. чтен., 1864 г., январь, стр. 46. примѣч. 2.

своихъ монаховъ новиціатъ, „въ который введены были имъ монахи іезуитскаго ордена, какъ говоритъ Суша,—для духовнаго наставленія нашихъ (базиліанскихъ) монаховъ, такъ что оный превосходный пасторъ (т. е. Рутскій) посылалъ упражняться въ сей новиціатъ настоятелей разныхъ монастырей и почтенныхъ лѣтами въ орденѣ, для возстановленія монашескаго духа [1])". Въ 1624 году, по просьбѣ базиліанъ, наставники ихъ іезуиты, уже слишкомъ усердно поведшіе базиліанъ къ латинству, замѣнены были босоногими кармелитами, но съ обязательствомъ, чтобы „послѣдніе пришли къ намъ (базиліанамъ) въ одеждѣ св. Василія, отпускали волосы на головѣ и бородѣ, также исполняли все по обряду греческому и принесли себя въ жертву Господу Богу, если-бы необходимо было, до конца ихъ жизни" [2]).

По мѣрѣ водворенія уніи въ Холмщинѣ система базиліанскаго ордена захватила собою и холмскую епархію, находившуюся нѣкоторое время въ администраціи митрополита. А унія привилась здѣсь скоро и въ послѣдствіи, съ помощію базиліанъ, пустила глубокіе корни. Въ 1617 году мы видимъ древній холмскій каѳедральный монастырь въ рукахъ уніатовъ, и староста холмскій, подскарбій королевства, Николай Даниловичъ, назначая десятину со вновь распаханныхъ въ окрестностяхъ Холма полей, отъ людей религіи римской—на гошпиталь холмскій, опредѣлилъ такую-же отъ людей религіи греческой—на церковь и капитулу церкви каѳедральной *монастыря* холмскаго Рождества Дѣвы Маріи и на духовенство, на тотъ часъ при ней находящееся, состоящія въ уніи вѣры и въ подчиненіи святой римской церкви [3])". Страшный пожаръ 1638 г.

---

[1]) Письмо Суши см. въ Дѣлѣ м. Гребницкаго съ базил. протоархимандритомъ, 1755 г., Summarium № 1.

[2]) Тамъ-же Summarium, № 80. См. книгу Sacra congregatione de propaganda fide coram sanctissimo, eminentissimo et reverendissimo Domino Cardinali Caraffa ponente ordinis S. Basilii Magni Ruthenorum provinciae Poloniae cum reverendissimis patribus provinciae Litvaniae, facti. Romae. 1747 Summarium, № 28. Для краткости, мы будемъ называть эту книгу—»Дѣло польской базиліан. провинціи съ провинціей литовской о 12-ти монастыряхъ, 1747 г.«

[3]) Документъ холмскаго монастыря.

не оставилъ и слѣда этого монастыря, пощадивъ одну только каѳедральную церковь [1]), но въ 1621 году холмскій уніатскій епископъ Аѳанасій Пакоста спѣшитъ устроить въ своей епархіи новый монастырь и ввести туда монаховъ базиліановъ. Задумано это, какъ открываетъ намъ привилей Сигизмунда III, данный этому епископу въ 1621 году, *для найлучшаго содѣйствія уніи церкви восточной греческой съ костеломъ римскимъ католическимъ.*

Епископъ просилъ для этого церковь, издавна называемую монастыремъ Куленчицкимъ, находящуюся въ повѣтѣ городельскомъ [2]), и ревностный католикъ—король удовлетворилъ его желаніе, такъ что въ 1629 году монастырь уже существовалъ, и Сигизмундъ III презентуетъ тогдашнему администратору холмской епархіи, митрополиту Рутскому на настоятельство въ этомъ монастырѣ базиліанина Филарета Заваду [3]). Хотя куленчицкій монастырь не игралъ сколько нибудь значительной роли въ своемъ орденѣ и послѣ войнъ Богдана Хмельницкаго приписанъ былъ къ возобновленному холмскому каѳедральному монастырю; но этотъ послѣдній съ 1638 года, получивъ новыя подкрѣпленія, становится главнымъ центромъ уніи и базиліанскаго ордена для холмской епархіи. Этимъ онъ обязанъ холмскимъ уніатскимъ епископамъ изъ тѣхъ-же базиліанъ—Меѳодію Терлецкому и Якову Сушѣ.

Въ 1638 году, епископъ Меѳодій Терлецкій, какъ повѣствуетъ Суша, возобновилъ послѣ пожара древнюю каѳедральную церковь пресв. Богородицы, расширилъ ее, выбросивъ изъ нея алтарную колонну, на которой означенъ былъ 1001 годъ основанія храма, и въ церковной оградѣ открылъ фундаментъ древняго храма временъ св. Владиміра, во имя св. Василія Великаго; при послѣднемъ храмѣ, по преданію, жили прежде монахини [4]). Вслѣдъ за симъ, именно въ 1639 году, Меѳодій Терлецкій основалъ при своей каѳедрѣ уніатскую гимназію и, съ согласія митрополита Корсака, тогдашняго начальника базиліанскаго ордена, вызвалъ изъ Литвы въ Холмъ, для преподаванія въ этихъ школахъ, Якова Сушу съ

[1]) Phoenix Якова Суши, 1684 г., стр. 123.
[2]) Привилей Сигизмунда III, 1621 г., въ бумагахъ холмскаго монастыря.
[3]) Тамъ-же, королевскій дипломъ, 12 сентября, 1629 года.
[4]) Phoenix tertio redivivus, Суши, 1684 г., стр. 17—19.

другими базиліанами, давъ ему въ управленіе запустѣлый спасскій монастырь [1]). Учрежденіе гимназіи, въ видахъ подкрѣпленія ордена и уніи, считалось и тогда настолько важнымъ, что король Владиславъ IV, утверждая ее особымъ привилеемъ 7 іюня 1640 года, говоритъ, что не могъ не принять съ благодарностью такого благочестиваго и достохвальнаго намѣренія епископа, а какова была дальнѣйшая цѣль этого намѣренія, видно изъ послѣдующихъ словъ того же привилея, въ которомъ говорится, что Терлецкій побуждался къ этому *„особою ревностію къ распространенію православной вѣры въ схизматическихъ окрестностяхъ“*. Ближайшимъ образомъ гимназія учреждена для обученія юношества греческимъ и латинскимъ наукамъ. Епископъ „фундовалъ“ ее отъ себя, т. е. назначилъ ей нѣкоторыя угодья, принадлежащія къ его епископскому столу [2]). Но и этимъ не ограничился ревностный епископъ въ своихъ заботахъ объ успѣхахъ уніи и базиліанскаго ордена: въ 1644 году онъ испросилъ у тогдашняго митрополита и протоархимандрита базиліанскаго ордена Антонія Селявы дозволеніе открыть въ Холмѣ новиціатъ для воспитанія уніатскихъ монаховъ въ орденскомъ духѣ [3]).

Обезпечивъ такимъ образомъ дѣло уніатской пропаганды и, какъ лучшаго ея орудія, возсозданнаго имъ базиліанскаго холмскаго монастыря, Меѳодій Терлецкій не упускалъ изъ виду положенія всего базиліанскаго ордена, справедливо разсуждая, что, если не удержится цѣлое, не сдобровать и отдѣльной его части. Выше мы сказали, что первыми устроителями и наставниками базиліанъ были іезуиты, а потомъ кармелиты. Они строили его по образцамъ католическимъ, а тамъ орденъ монашескій не зависѣлъ отъ власти епископовъ, но, пользуясь полнымъ самоуправленіемъ, подъ начальствомъ своего генерала, подчинялся только папѣ. Такая независимость тѣмъ болѣе нужна была для ордена базиліанъ. Руководители его и сама контрегація de propaganda fide хорошо понимали,

---

[1]) Труды кіевской дух. академіи, май, 1870 г., стр. 476—7. Королевское утвержденіе этого монастыря за базиліанами послѣдовало позже, какъ увидимъ ниже.

[2]) Привилей Сигизмунда III въ бумагахъ холмскаго монастыря. См. также Труды кіев. дух. акад., ноябрь, 1870 г., стр. 352.

[3]) Листъ м. Селявы отъ 17 сент. 1744 г. находится въ бумагахъ холмскаго монастыря.

что въ представителяхъ уніатской церкви еще не умерли традиціи восточной церкви и духъ русскій не ослабѣлъ въ такой степени, чтобы они могли уже идти прямо на полное соединеніе съ латинствомъ. Имъ не трудно было сообразить, что не бывавшіе въ базиліанахъ уніатскіе епископы и митрополиты могутъ и всему базиліанскому ордену дать не желательное направленіе и что только подъ управленіемъ собственнаго генерала или протоархимандрита, подчиненнаго непосредственно одному лишь папѣ, онъ можетъ достигать предположенной для него цѣли. А между тѣмъ уніатскіе епископы въ большей части считали этотъ орденъ католическимъ нововведеніемъ и не хотѣли выпускать изъ своихъ рукъ власти надъ его монахами, тѣмъ болѣе, что и въ восточной церкви эта власть принадлежала мѣстнымъ епархіальнымъ епископамъ. Еще при жизни Рутскаго уніатскіе архіепископы и епископы грозились ордену, что по смерти митрополита они постараются о томъ, чтобы взять монастыри изъ-подъ власти виленской конгрегаціи [1]). Сами митрополиты, которые долженствовали быть, по идеѣ Рутскаго, защитниками и покровителями ордена, не разъ поднимали на него свою властную руку. Митрополитъ Анатолій Селява, вскорѣ по вступленіи своемъ на митрополичій престолъ, созвалъ въ 1642 году генеральную конгрегацію въ Вильнѣ для избранія протоархимандрита и изъявилъ желаніе, чтобы въ протоархимандриты избрали его самого; онъ даже заболѣлъ, когда монахи не хотѣли было удовлетворить его желанію. Базиліане согласились на избраніе его въ протоархимандриты, но требовали отъ него росписки въ томъ, что такая уступка съ ихъ стороны дѣлается на этотъ только разъ и не должна служить примѣромъ для будущихъ митрополитовъ, его преемниковъ, притомъ домогались установленія особыхъ правилъ, которыя опредѣляли-бы отношенія митрополитовъ къ ордену [2]). Селява согласился на эти требованія и въ слѣдующемъ 1643 году просилъ римскій дворъ о подтвержденіи декрета „конгрегаціи распространенія вѣры“, изданнаго 4 октября 1624 года касательно

---

[1]) Дѣло м. Гребницкаго съ базиліанскимъ протоархимандритомъ, 1755 г., Summarium, № 13.

[2]) Исторія базил. ордена, Кояловича, въ Христіан. чтеніи, янв., 1864 г., стр. 50—51.

избранія генерала или протоархимандрита базиліанскаго, но съ прибавленіемъ къ сему декрету слѣдующихъ словъ: „и все вышесказанное нужно разумѣть безъ ущерба древней и законной власти митрополита Россіи надъ помянутыми монахами и ихъ игуменами, архимандритами и самимъ протоархимандритомъ, каковой власти свящ. конгрегація никоимъ образомъ не должна ослаблять и ограничивать, поелику монахи базиліане обряда греческаго во всей Греціи не изъяты изъ власти мѣстныхъ епископовъ“ [1]). Конгрегація распространенія вѣры одобрила это прибавленіе и 3 іюля 1643 г. издала о семъ декретъ [2]). Но базиліане усмотрѣли въ этой прибавкѣ окончательное подчиненіе своего ордена митрополиту, уничтоженіе своей самостоятельности и съ жалобой на м. Селяву отправили въ Римъ холмскаго уніатскаго епископа Меѳодія Терлецкаго, который и успѣлъ повернуть дѣло въ пользу базиліанскаго ордена. На засѣданіи „конгрегаціи распространенія вѣры“, происходившемъ 28 августа, 1643 года, „по выслушаніи устнаго объясненія достопочтеннаго отца господина епископа холмскаго русина унита“, постановлено было сдѣлать такое поясненіе испрошеннаго Селявою декрета, что-де „въ этомъ декретѣ его святѣйшество выразилъ мысль свою соединить помянутыхъ монаховъ, для лучшаго управленія ихъ ордена, въ конгрегацію, подъ властію одного генерала или протоархимандрита, и митрополиту, смотря по обстоятельствамъ, не дѣлать ущерба въ томъ, что̀ принадлежитъ ему по праву“ [3]). Спасая такимъ образомъ независимость всего базиліанскаго ордена отъ власти митрополита, Терлецкій подкрѣплялъ положеніе своего излюбленнаго холмскаго монастыря.

Послѣднимъ проявленіемъ его заботы объ этомъ монастырѣ было прославленіе находившейся въ немъ иконы пресв. Богородицы

---

[1]) См. книгу Sacra congregatione de propaganda fide coram Sanctissimo Domino nostro Kijoviensi praetensae jurisdictionis inter prothoarchimandritam ordïnis S. Basilii Magni Ruthenorum et mitropolitum, restrictus facti et juris, Romae, 1754. Summarium, № 20. Для краткости, мы будемъ называть эту книгу—»Дѣломъ базиліанскаго протоархимандрита съ митрополитомъ Гребницкимъ, 1745«.

[2]) Тамъ-же, Summarium № 1.

[3]) Дѣло польской базиліан. провинціи съ литовской о 12-ти монастыряхъ, 1747 г., Summarium № 57.

чудотворною. Въ 1646 году докторъ богословія, базиліанинъ, Яковъ Суша составилъ, по порученію Меѳодія Терлецкаго, книгу *Phoenix*, въ которой доказывалъ древность этой иконы и описывалъ происходящія отъ нея чудеса, а назначенная по ходатайству того же Терлецкаго, подъ предсѣдательствомъ коадъютора уніатской перемышльской епископіи, епископа самборскаго, Павла Овлучимскаго, коммисія для разслѣдованія о сей иконѣ особымъ актомъ 22 іюля 1646 года подтвердила древность иконы и чудодѣйственную ея силу [1]). Это должно было привлекать народъ къ уніи и монастырю, которымъ принадлежала столь древняя святыня.

По смерти Меѳодія Терлецкаго, для базиліановъ и уніи настали тяжелыя времена. По зборовскому договору Богдана Хмельницкаго съ поляками (1649 г.), подтвержденному на сеймѣ 1650 г., подлежали возвращенію вѣдомству кіевскаго православнаго митрополита остававшіяся вакантными епархіи луцкая, холмская и витебская, соединенная съ мстиславскою [2]). Опираясь на это, православный кіевскій митрополитъ Сильвестръ Коссовъ, прибывъ въ февралѣ 1650 г. въ Холмъ, выгналъ базиліанъ изъ каѳедры и спасскаго монастыря и поставилъ холмскимъ православнымъ епископомъ Діонисія Балабана. Администраторомъ холмской епархіи со стороны унитовъ былъ въ это время упоминаемый нами уже не разъ Яковъ Суша. Оставляя холмскіе монастыри, базиліане успѣли однако заблаговременно скрыть отъ православныхъ чудотворный образъ Богоматери и нашли себѣ пріютъ у тогдашняго католическаго епископа холмскаго Станислава Пстроконскаго. Но православные, при содѣйствіи шляхтичей Павловскихъ, нашли спрятанную уніатами икону Богоматери и перенесли ее въ каѳедральную церковь. Тогда администраторъ холмской уніатской епархіи Яковъ Суша, воспользовавшись пребываніемъ короля въ Люблинѣ, во время новаго похода противъ козаковъ (1651 г.), убѣдилъ короля отобрать у православныхъ холмскую икону Богоматери и взять ее съ собой на войну. Коммиссары, назначенные для сего королевскимъ дипломомъ отъ 25 апрѣля 1651 г., похитили икону изъ холмской каѳедральной церкви и пред-

---

[1]) Phoenix Суши, 1684 г., предисловіе.

[2]) Богданъ Хмельницкій, Н. И. Костомарова, изд. 3, 1879 г., т. II, стр. 408

ставили королю, котораго она и сопровождала во все время его экспедиціи противъ козаковъ [1]). Передъ берестечскою битвою, по рядамъ польскаго войска носили холмскую икону Богоматери, и въ этомъ-то памятникѣ былой эпохи независимости южной Руси поляки искали помощи противъ козаковъ, ополчавшихся за возвращеніе русской землѣ независимости [2]). Извѣстно, что берестечская битва была гибельна для козаковъ, и поляки побѣду свою надъ козаками приписывали чудодѣйственной силѣ названной иконы. Набожный король Янъ Казиміръ въ свою очередь искренно вѣрилъ въ чудесную помощь, оказанную ему холмской иконой, возилъ эту икону съ собою до окончанія компаніи и постарался отблагодарить Якова Сушу за его совѣтъ. Грамотой, или привилеемъ отъ 29 іюля 1651 г., онъ отмѣнилъ данныя неунитамъ права и привиллегіи и снова отдалъ холмское епископство въ администрацію Якову Сушѣ. „Посему мы,—говорится здѣсь,—отмѣняя дипломы наши старшимъ религіи греческой, въ неуніи находящимся, по причинѣ ихъ неблагодарности, отдали епископство холмское со всѣми церквами, издревле унитамъ принадлежащими, достопочтенному Іакову Сушѣ, генералу викарному холмскому ордена св. Василія Великаго (коему до выдачи дизунитамъ диплома дали мы другой привилей) въ администрацію и управленіе всѣмъ клиромъ и капитуломъ холмскимъ и белзскимъ обряда греческаго, равнымъ образомъ всѣ имѣнія и всѣ села, принадлежащія сему епископству, ему обратно уступили до дальнѣйшей нашей декляраціи“. Въ слѣдующемъ 1652 году Яковъ Суша назначенъ былъ пожизненнымъ холмскимъ епископомъ и обратился къ королю съ просьбою о возвращеніи въ Холмъ иконы Богоматери. Король съ благодарностію возвратилъ ее въ холмскую каѳедральную церковь, „съ тѣмъ условіемъ, какъ писалъ онъ въ дипломѣ отъ 30 марта 1652 г., чтобы, если-бы опять (чего не дай Богъ) стали угрожать сей св. иконѣ подобныя предыдущимъ опасности отъ дизунитовъ, тогда помянутый достопочтенный номинатъ холмскій и его монахи, въ уніи св. находящіеся, обязываются вышеозначенную икону пресв. Дѣвы вручить намъ самимъ“. При торжественной встрѣчѣ этой иконы въ

[1]) Phoenix Якова Суши, 1684 г., стр. 44—55.

[2]) Богданъ Хмельницкій, Н. И. Костомарова, 3 изд. 1870 г., т. II, стр. 330.

Холмѣ говорилъ рѣчь базиліанинъ Бенедиктъ Терлецкій, римскій воспитанникъ отцевъ de propaganda fide, бывшій впослѣдствіи провинціаломъ базиліанскаго ордена. При новомъ возстаніи козаковъ, король Янъ Казиміръ опять вытребовалъ холмскую икону Богородицы въ томъ-же 1652 году къ себѣ и возвратилъ ее Якову Сушѣ уже послѣ битвы подъ Жванцемъ (дек. 1653 г.), вѣроятно въ 1654 году [1]).

Съ прекращеніемъ козацкихъ войнъ и замиреніемъ всего края улучшилась снова судьба холмскаго базиліанскаго монастыря, а вмѣстѣ и всего базиліанскаго ордена. Въ 1654 году епископъ Суша приписалъ къ холмскому базиліанскому монастырю упомянутый выше куленчицкій монастырь и церковь любачевскую городищенскую, равно и присоединилъ къ нему православный монастырь Добротворскій и многіе другіе. Всѣми ими, какъ писалъ Суша, владѣли тогда въ епархіи холмской схизматики; не смотря на то, его захваты признаны были самимъ королемъ [2]). Въ 1662 году въ привилеѣ 20 іюля Янъ Казиміръ писалъ: „охотно склонившись на покорную просьбу (Якова Суши), заблагоразсудили мы вышепомянутыхъ монаховъ базиліанъ, живущихъ при каѳедрѣ холмской греческой и тамошнемъ чудотворномъ образѣ пресв. Дѣвы, которымъ этотъ чудотворный образъ отданъ былъ нами въ распоряженіе особымъ рескриптомъ нашимъ, даннымъ въ Варшавѣ 30 мая 1652 г., по прекращеніи непріятельскихъ опасностей,—оставить при монастырѣ св. Спаса, который всегда особливымъ привилеемъ подаванъ былъ найяснѣйшими предшественниками нашими и никогда не принадлежалъ епископству холмскому, но издавна находился въ рукахъ и распоряженіи помянутыхъ монаховъ и иныхъ частныхъ лицъ, на что и мы приказали выдать изъ канцеляріи нашей онымъ монахамъ особый рескриптъ уже въ царствованіе наше, подъ датой изъ Варшавы, 18 марта 1650 года; также при школахъ тамошнихъ, которыя вышепомянутый велебный Яковъ Суша возстановляетъ своимъ иждивеніемъ, въ которыхъ должны учить вышепомя-

---

[1]) Phoenix Якова Суши, 1684 г., стр 96—115.

[2]) Документъ холмскаго монастыря. См. Дѣло польской базиліанской провинціи съ провинціей литовской о 12-ти монастыряхъ, 1747 г., Summarium № 50.

нутые благочестивые монахи базиліане униты, находящіеся при каѳедрѣ холмской греческой, а не другіе, и при старинномъ правѣ, обращая вниманіе на эрекцію велебнаго нѣкогда Меѳодія Терлецкаго, епископа холмскаго, какъ и дѣйствительно, заботясь должнымъ образомъ объ увеличеніи славы Божіей, аппробуемъ, обновляемъ, утверждаемъ помянутыя права, привилеи, какъ всѣ вообще, такъ и каждое въ частности, ничего не изъемля и не исключая", и проч. Тѣже права подтверждены были привилеями Яна III въ 1676 и 1685 годахъ и Августа III въ 1754 году [1]).

Въ видахъ расширенія уніи, Яковъ Суша, позаботился о водвореніи въ Холмѣ и базиліанокъ. Мы видѣли, что епископъ Меѳодій Терлецкій, при реставраціи каѳедральнаго храма, открылъ вблизи его фундаментъ какого-то другаго храма, который Яковъ Суша въ своемъ „Фениксѣ" призналъ за древній храмъ бывшаго когда-то въ Холмѣ женскаго монастыря во имя св. Василія Великаго. Вѣроятно, для возстановленія въ Холмѣ женскаго монашества, Яковъ Суша началъ пріобрѣтать, съ 1654 года, въ г. Холмѣ и его окрестностяхъ земельные участки, дома и фольварки, и дѣйствительно отдалъ ихъ монахинямъ чина св. Василія Великаго, которыхъ онъ помѣстилъ при холмской церкви Успенія пресв. Богородицы. Въ 1663 году Янъ Казиміръ, по ходатайству Якова Суши, освободилъ грунты и дома холмскаго женскаго монастыря отъ податей и повинностей, что подтвердилъ въ 1679 году и Янъ III Собѣсскій [2]). Въ послѣдствіи времени и этотъ женскій монастырь отданъ былъ холмскимъ базиліанамъ [3]).

---

[1]) См. подтвержденіе Августа III, 1754 г., въ дѣлахъ холмскаго монастыря.

[2]) Тамъ-же, привилей Яна III, Собѣсскаго, 1679 года.

[3]) Въ 1723 г. холмскій уніатскій епископъ Іосифъ Левицкій, не только подтвердилъ прежнія записи Меѳодія Терлецкаго и Якова Суши въ пользу холмскаго базиліанскаго монастыря (на монастыри Куленчицкій и Спасскій, предмѣстья Вульку и Завале), но и отдалъ »монастырь женскій того-же чина, или иначе паненщизну, тѣмъ же почтеннымъ отцамъ и монастырю холмскому«, со всѣми фундушами, ланами, полями, подданными» и проч. А въ 1753 г., при настоятелѣ холмскаго монастыря Максимиліанѣ Рыллѣ, холмскіе базиліане получили въ свое пользованіе село Парипсы, когда-то данное королемъ Владиславомъ II капитулу холмской католической каѳедры.—Мѣсто женскаго монастыря указываютъ теперь на горѣ, за Холмомъ, по направленію къ д. Серебрище, гдѣ видны остатки какихъ-то развалинъ.—Грамота Левицкаго въ документахъ холмскаго монастыря.

Поставленный на ноги и обезпеченный Яковомъ Сушей, холмскій базиліанскій монастырь занялъ видное мѣсто въ ряду другихъ базиліансиихъ монастырей. Въ 1719 году здѣсь происходила, подъ предсѣдательствомъ митрополита Льва Кишки, генеральная базиліанская конгрегація, обыкновенно назначавшаяся въ знаменитѣйшихъ базиліанскихъ монастыряхъ [1]).

Подобно своему предшественнику Терлецкому, Яковъ Суша оказалъ важную услугу и всему базиліанскому ордену во время возобновившейся борьбы его съ митрополитомъ за орденское самоуправленіе. Мы видѣли, что въ 1651 году Яковъ Суша былъ викарнымъ генераломъ базиліанскаго ордена, т. е. непосредственнымъ и главнымъ его начальникомъ послѣ митрополита Селявы. Эту должность онъ занималъ вѣроятно съ 1650 года, со времени бывшей въ этомъ году генеральной виленской конгрегаціи, и исполнялъ ее до минской конгрегаціи 1652 года, на которой выбранъ провинціаломъ или викарнымъ генераломъ Бенедиктъ Терлецкій. По смерти Терлецкаго въ 1661 году, въ самый разгаръ борьбы базиліанскаго ордена съ архіепископомъ Гавріиломъ Колендой, домогавшимся протоархимандритства, Яковъ Суша выбранъ былъ на жировицкой конгрегаціи 1661 года въ протоархимандриты ордена и исполнялъ эту должность, вѣроятно, до супрасльской конгрегаціи 1665 года [2]). Онъ, кажется, и принялъ протоархимандритство только для того, чтобы защитить базиліанъ отъ притязаній уніатскаго митрополита и примирить ихъ съ нимъ. Еще до выбора своего въ протоархимандриты, Яковъ Суша и базиліане 5 іюля 1661 г. протестовали противъ выбора архіепископа Коленды въ протоархимандриты и заявляли, что Бенедикта Терлецкаго, архимандрита виленскаго уже въ третій разъ избирали на тороканской капитулѣ провинціаломъ и главою ордена, и что не желаютъ принять другаго выбора [3]). На жировицкой капитулѣ или конгрегаціи 1661 г., на которой предсѣдателствовалъ и избранъ въ протоархимандриты

---

[1]) Дѣло м. Гребницкаго съ протоархимандритомъ, 1755 г., Summarium, № 87. См. »Труды кіев. дух. академіи«, май, 1870 г., стр. 491.

[2]) »Труды кіев. дух. академіи«, 170 г., май, стр. 453. 488 и 489.

[3]) Тамъ-же, ноябрь, 1870 г., стр 467; см. почаев. архив., №№ 100 и 201.

базиліанскаго ордена Яковъ Суша, базиліане постановили жаловаться на противозаконныя дѣйствія администратора митрополіи, архіепископа Гавріила Коленды, по отношенію къ ихъ ордену, и вмѣстѣ съ тѣмъ протестовали противъ учрежденія вновь архимандрій, при митрополитѣ Антоніѣ Селявѣ, въ Полоцкѣ, Череи, Березвечьи и Дубно, гдѣ ихъ никогда прежде не было. „По сему орденъ просилъ, чтобы избранные начальники донесли о всемъ этомъ престолу апостольскому, и чтобы пожизненныя архимандріи тамъ, гдѣ ихъ не было, упразднены были и совершенно уничтожены, и чтобы всѣ монастыри и архимандріи подчинялись одному лишь избранному протоархимандриту и его преемникамъ" [1]). Въ Римъ отправился самъ Яковъ Суша, вѣроятно въ 1664 году, потому что къ этому году относится его донесеніе конгрегаціи распространенія вѣры о началѣ уніи, въ которомъ онъ жаловался папѣ, отъ лица всѣхъ уніатскихъ епископовъ, на нѣкоторыхъ епископовъ латинскихъ, ходатайствовавшихъ предъ римскимъ престоломъ объ уничтоженіи уніатской іерархіи [2]). Въ это-же, конечно, время Яковъ Суша, вмѣстѣ съ провинціаломъ базиліанскимъ Пахоміемъ Огилевичемъ, вошелъ въ „конгрегацію распространенія вѣры" съ представленіемъ, коимъ просилъ конгрегацію, чтобы воспрещено было пользоваться многими бенефиціями, чтобы епископы не расхищали монастырскихъ имуществъ, чтобы архимандрія виленская принадлежала ордену, и проч. При этомъ Суша представилъ и другіе пункты, клонившіеся къ улучшенію базиліанскаго ордена и послужившіе впослѣдствіи темой для разсужденій на базиліанскихъ конгрегаціяхъ, какъ напр. о не ношеніи монахами полнаго монашескаго одѣянія, о занятіяхъ базиліанскихъ воспитанниковъ по возвращеніи ихъ изъ заграничныхъ папскихъ алюминатовъ, о совращеніи уніатовъ іезуитами въ обрядъ латинскій и проч. [3]). Вслѣдствіе представленія Якова Суши, папа далъ, 30 мая 1665 г., своему нунцію въ Польшѣ бреве, коимъ приказывалъ ему созвать новую базиліанскую конгрегацію, подъ его предсѣдательствомъ, для из-

---

[1]) Дѣло м. Гребницкаго съ базиліанскимъ протоархимандритомъ, 1755 г., Summarium, № 17.

[2]) Тамъ-же, Summarium, № 1.

[3]) Архивъ почаев. лавры, № 201.

бранія протоархимандрита изъ простыхъ монаховъ, а супрасльскую и жировицкую конгрегаціи считать не дѣйствительными [1]). Эта конгрегація состоялась въ октябрѣ того же 1665 года въ Супраслѣ, но и она кассирована папой потому, что на ней избранъ былъ въ протоархимандриты не простой монахъ, а митрополитъ, и назначена новая конгрегація въ Брестѣ на 1 марта 1666 года. Послѣдняя, подъ предсѣдательствомъ нунція, и занялась преимущественно разсмотрѣніемъ и обсужденіемъ тѣхъ нестроеній ордена, какія указаны были Сушей и Огилевичемъ „конгрегаціи распространенія вѣры". 4-го марта, ко второму засѣданію конгрегаціи, прибылъ на нее Яковъ Суша и съ особенною полнотою и ясностію раскрылъ укоренившіеся въ базиліанскомъ орденѣ безпорядки и предложилъ соотвѣтственныя мѣры къ ихъ устраненію. Такъ, онъ предложилъ строго соблюдать обряды и обычаи греко-восточной церкви, настаивалъ на уничтоженіи новыхъ архимандрій и обращеніи ихъ въ простые игуменскіе монастыри, жаловался на угнетеніе уніатовъ латинянами, требовалъ запрещенія переходить изъ уніатскаго обряда въ латинскій и просилъ нунція ходатайствовать предъ королемъ за унію, „чтобы онъ защищалъ ее и покровительствовалъ ей какъ противъ схизматиковъ, такъ и противъ католиковъ латинскаго обряда и особенно клириковъ", и проч. Въ заключеніе Яковъ Суша доказывалъ, что благо ордена требуетъ, дабы въ протоархимандриты избранъ былъ митрополитъ, потому что протоархимандритъ изъ простыхъ монаховъ не могъ-бы справиться съ своевольными монахами и имѣть силы при дворѣ [2]). Голосъ Якова Суши убѣдилъ нунція согласиться на общее желаніе, чтобы управленіе орденомъ ввѣрено было митрополиту. Избранный, вслѣдствіе этого въ протоархимандриты, Коленда благодарилъ все собраніе за довѣренность къ нему, просилъ забыть давніе споры, происшедшіе вслѣдствіе взаимныхъ недоразумѣній, и, по примѣру своего предшественника Анатолія Селявы, обезпечилъ права ордена на свободное избраніе протоархимандрита изъ простыхъ монаховъ письменнымъ актомъ [3]).

---

[1]) Исторія базиліанскаго ордена, Кояловича, въ христіан. чтеніи, янв., 1864 года, стр. 56, примѣч. 2.

[2]) Дѣло м. Гребницкаго съ базиліан. протоархимандритомъ, 1755 г., Summarium, № 90.

[3]) Христіан. чтеніе, янв., 1864 г., стр. 60—61.

Въ другой разъ Яковъ Суша оказалъ базиліанскому ордену услугу при преемникѣ Коленды, митрополитѣ Кипріанѣ Жоховскомъ, вошедшемъ въ острыя, непріязненныя столкновенія съ орденомъ. Ближайшимъ поводомъ къ этимъ столкновеніямъ было слѣдующее обстоятельство. Около 1681 года папскій нунцій въ Польшѣ, „спросивши одного іезуита богослова, расположеннаго къ базиліанамъ, отъ чего базиліанскій орденъ не только не усиливается, но даже и упадаетъ, тогда какъ прежде онъ славился, если не числомъ, то превосходными людьми, получилъ отвѣтъ, что прелаты угнетаютъ монаховъ разными способами. Получивъ такой отвѣтъ, нунцій призвалъ къ себѣ нѣсколькихъ настоятелей и разпросилъ ихъ объ угнетеніяхъ, о которыхъ они и устно передали и на письмѣ изложили. Вслѣдствіе этого онъ приказалъ имъ обратиться къ священной конгрегаціи монаховъ (regularium), которая приказала нунцію употребить надлежащее врачевство; „нунцій-же, пишетъ Суша, послалъ представленные ему монахами пункты къ митрополиту, ко мнѣ самому и другимъ епископамъ нашимъ. Тотчасъ вскипѣлъ митрополитъ, написалъ нунцію на монаховъ не хорошее, тотчасъ-же сталъ притѣснять орденъ и порѣшилъ низложить протоархимандрита и заставить избрать самого себя“ [1]). На минской конгрегаціи, бывшей въ іюлѣ 1683 года, митрополитъ Жоховскій низложилъ генерала Мартышкевича-Бусинскаго и консульторовъ, заставилъ собравшихся на конгрегацію базиліанъ избрать себя въ протоархимандриты, взялъ у прежнихъ начальниковъ ордена принадлежавшіе имъ монастыри и роздалъ ихъ вновь назначеннымъ должностнымъ лицамъ ордена [2]). Мартышкевичъ-Бусинскій думалъ было уже перейти, отъ преслѣдованій митрополита, въ латинскій обрядъ, но Яковъ Суша убѣдилъ его остаться въ уніатскомъ обрядѣ и въ базиліанскомъ орденѣ и чрезъ нунціатуру сдѣлалъ представленія папѣ въ пользу базиліанскаго ордена. Здѣсь онъ проэктировалъ ограничить власть митрополита тридентскимъ соборомъ, учредить конгрегацію изъ монаховъ и нѣсколькихъ свѣтскихъ священниковъ изъ каждой епархіи, воспретить митрополиту визитацію (ревизію) епархій

---

[1]) Письмо Я. Суши къ секретарю конгрегаціи распространенія вѣры, 1684 г., въ почаев. архивѣ, № 201.

[2]) »Труды кіев дух. академіи«, ноябрь, 1870 г., стр. 382.

и опредѣлить ее на основаніи тридентскаго собора, управленіе же базиліанскимъ орденомъ предоставить не митрополиту, а самому ордену [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ и сами базиліане жаловались на митрополита Жоховскаго папѣ и королю. Король взялъ базиліанскій орденъ подъ свое покровительство, а папа Иннокентій XI издалъ бреве отъ 30 октября 1683 г., которымъ кассировалъ минскую конгрегацію и предписывалъ созвать новую. Но это бреве не было тотчасъ приведено въ исполненіе, потому что митрополитъ Жоховскій въ письмѣ своемъ отъ 28 февраля 1684 г. къ кардиналу Нерлію критиковалъ папское бреве и жаловался на очерненіе его базиліанами,—его, который кровію и жизнію защищаетъ апостольскій престолъ и достигъ того, что уничтоженъ былъ въ Россіи схизматическій митрополитъ и остался одинъ уніатскій, его, который присоединилъ къ уніи множество схизматическихъ церквей, выстроилъ новыя зданія для базиліанъ, выпросилъ для нихъ у республики богатыя имѣнія, возстановилъ каѳедральную церковь виленскую, и проч. Вслѣдствіе сего протеста Жоховскаго опять возобновилась переписка о возникшемъ разногласіи между митрополитомъ и орденомъ и о средствахъ къ примиренію ихъ. Конгрегація распространенія вѣры чрезъ секретаря своего спрашивала холмскаго епископа Якова Сушу о происхожденіи несогласія, объ основаніяхъ, по коимъ митрополитъ и епископы домогаются власти надъ монахами и проч., причемъ препровождена была къ Сушѣ и копія протеста митрополита Жоховскаго. Яковъ Суша, между прочимъ, отвѣчалъ, что 1) разногласіе возникло вслѣдствіе того, что базиліане указали нунцію причину упадка своего ордена въ угнетеніи его митрополитомъ и епископами и этимъ раздражили митрополита; 2) что митрополитъ напрасно требуетъ подчиненія себѣ монаховъ, потому что и въ Греціи монахи не до того подчинены своимъ прелатамъ, чтобы послѣдніе присвояли себѣ ихъ доходы, и зависятъ отъ нихъ только въ отношеніи совершенія обрядовъ и таинствъ; 3) что митрополитъ Рутскій, обративъ въ унію множество монастырей, нигдѣ не желалъ имѣть архимандритовъ,

---

[1]) Письмо Мартышкевича къ м. Жоховскому, отъ 3 дек. 1683 г., въ почаев. архивѣ, № 201.

кромѣ супрасльскаго и жидичинскаго монастырей, и испросилъ у папы Урбана разрѣшеніе самимъ монахамъ избирать себѣ генерала изъ простыхъ монаховъ; а посему должна быть ограничена власть митрополита и епископовъ надъ монахами [1]).

Это была послѣдняя услуга Якова Суши базиліанскому ордену. 4 марта 1685 года Суша умеръ; но его мнѣніе положено было въ основаніе Nexus-а или союза между базиліанскимъ орденомъ и уніатскимъ митрополитомъ, выработаннаго на новогрудской конгрегаціи 1686 года, подъ предсѣдательствомъ кіевскаго латинскаго бискупа Ѳомы Вейскаго. Хотя этотъ Nexus или союзъ и не былъ формально утвержденъ папою, но имѣлъ силу закона до 1743 года. Этимъ Nexus-омъ или союзомъ блистательно завершилась для ордена его слишкомъ 40-лѣтняя борьба съ митрополитомъ. Мысль Якова Суши о принятіи въ основу жизни базиліанскаго ордена началъ римской церкви и въ частности постановленій тридентскаго собора выразилась въ этомъ Nexus-ѣ и въ предоставленіи базиліанскому ордену внутренняго самоуправленія, и въ данномъ протоархимандриту правѣ визитовать всѣ монастыри, не исключая и архимандричьихъ, съ дозволенія впрочемъ митрополита, и въ визитаціи приходскихъ церквей ордена, и въ поставленіи и смѣнѣ временныхъ настоятелей и проч. Словомъ, въ силу условій Nexus-а, базиліанскій орденъ сталъ твердою ногою на тотъ путь, который привелъ его впослѣдствіи къ окончательному окатоличенію и уподобленію другимъ монашескимъ орденамъ латинской церкви [2]).

Со времени Nexus-а стало быстро умножаться и количество базиліанскихъ монастырей. Около времени заключенія союза съ митрополитомъ Жоховскимъ въ составъ базиліанскаго ордена входили слѣдующіе монастыри: жировицкій, бытенскій, рожанскій, полоцкій, новогрудскій, владимірскій, волненскій, казутскій, березвечскій, витебскій, черлонскій, холмскій, брестскій, лысковскій, тороканскій, красногорскій, пинскій,—и кромѣ того въ болѣе или менѣе тѣсныхъ связяхъ съ нимъ находились архимандріи: виленская, лав-

---

[1]) »Труды кіев. дух. академіи«, ноябрь, 1870 г., стр. 384—391.

[2]) Nexus см. въ Дѣлѣ м. Гребницкаго съ базиліанскимъ протоархимандритомъ, 1755 г., Summarium № 3; см. »Труды кіев. дух. академіи«, ноябрь, 1870 г., стр. 393 и слѣд.

ришевская, супрасльская, черченская, дерманская, дубенская, спасская и крестовоздвиженское пожизненное настоятельство дубенское, жидичинская, дорогобужская, брацлавская, мстиславская, онуфрейская, пустынская, гродненская, лещинская, полоцкая, борисоглѣбская, минская, кобринская, черейская, троцкая и проч., всего до 30-ти слишкомъ монастырей. Вскорѣ послѣ 1686 года присоединены были къ ордену монастыри верховскій, мирскій, доброгорскій, бучацкій, бѣльскій, ушачскій. Кромѣ того, Львомъ Кишкой возвращены ордену возведенные было въ архимандріи монастыри—виленскій, лавришевскій, минскій, пустынскій, мстиславскій, черейскій и тороканскій [1]). Но около половины XVIII в. число всѣхъ базиліанскихъ монастырей простиралось свыше 160, въ числѣ коихъ значился и замостьскій монастырь [2]), служившій въ XVIII вѣкѣ вторымъ важнымъ центромъ уніатчины въ холмской землѣ. Къ исторіи этого монастыря мы теперь и обращаемся.

II.

Замостьскій уніатскій монастырь явился въ первой четверти XVIII вѣка въ замѣнъ православныхъ замостьскихъ церквей никольской и вознесенской и долго еще потомъ боролся съ ихъ православными преданіями, невольно подчиняясь иногда ихъ вліянію. Поэтому мы должны, прежде изложенія свѣдѣній о самомъ монастырѣ, сказать объ этихъ церквахъ до перехода ихъ въ руки уніатовъ и превращенія ихъ въ замостьскій уніатскій монастырь.

Въ то время, какъ холмскій каѳедральный богородичный монастырь въ XVII вѣкѣ сдѣлался уже однимъ изъ важныхъ центровъ уніи и базиліанскаго ордена и въ лицѣ своихъ представителей оказывалъ ему немаловажныя услуги, — кругомъ Холма всюду еще господствовало православіе. Въ 1700 году въ Холмщинѣ и Подляхіи оставались еще православными монастыри: люблинскій, бѣльскій, брянскій и многіе другіе [3]), и до самаго этого года оставалось въ православіи братство замостьской никольской церкви.

---

[1]) »Труды кіев. дух. академіи«, ноябрь, 1870 г., стр. 406—407.

[2]) Тамъ-же, августъ, 1870 г., стр. 434—436.

[3]) Актъ луцкаго братства 1700 г. въ Виленскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ, 1868 г., № 21.

Городъ и крѣпость Замостье основаны были во второй половинѣ XVI вѣка короннымъ канцлеромъ Яномъ Замойскимъ, однимъ изъ лучшихъ государственныхъ людей своего времени, который любилъ просвѣщеніе и основалъ замойскую академію, отличался вѣротерпимостью и расположенностью къ русскому народу. Населеніе Замостья было смѣшанное; тутъ селились и поляки, и русскіе, и греки, и армяне, и евреи. Между другими вѣроисповѣданіями православное занимало едва-ли не самое видное мѣсто; въ XVII вѣкѣ ему принадлежали церкви вознесенская на львовскомъ предмѣстьѣ (нынѣ Новая Осада) и никольская въ самой крѣпости.

Прежде всего построена была здѣсь православная вознесенская церковь на львовскомъ предмѣстьѣ, и при ней учреждено было братство, уже существовавшее въ 1590 году [1]). Около того-же времени разрѣшена къ постройкѣ и другая православная церковь, но уже въ самомъ замкѣ или крѣпости замостьской. Разрѣшеніе на постройку этой послѣдней дано было основателемъ города, коронннымъ канцлеромъ Яномъ Замойскимъ, 10 января 1589 года, собственно грекамъ, которые, не смотря на свое недавнее появленіе въ Замостьѣ, заняли здѣсь въ ряду торговцевъ другихъ націй первенствующее мѣсто. Упомянутымъ сейчасъ привилеемъ Замойскаго имъ предоставлялось „не только имѣть складъ своихъ товаровъ и домá, но и быть распорядителями нѣкоторыхъ купечествъ, сообща составленныхъ“, а устроивъ церковь свою въ самомъ городѣ, „содержать при ней одного священника или болѣе,—равно совершать богослуженіе по своему обряду безъ всякаго препятствія отъ кого-либо“ [2]). Кому затѣмъ принадлежитъ самая постройка никольской церкви,—грекамъ или русскимъ, либо тѣмъ и другимъ вмѣстѣ,—объ этомъ свѣдѣній нѣтъ; но вскорѣ послѣ того мы видимъ грековъ и русскихъ въ дѣлахъ вѣры дѣйствующими за одно и съобща пользующимися новоустроенною въ Замостьѣ православною никольскою церковью. При этой церкви, какъ и при вознесенской на предмѣстьѣ, возникаетъ братство, въ которомъ также

---

[1]) Упоминается подъ этимъ годомъ въ универсалѣ Томаша-Іосифа Замойскаго отъ 21 апрѣля 1712 г., въ бумагахъ замостьскаго монастыря.

[2]) Копія этого документа въ бумагахъ замостьскаго монастыря.

единство исповѣданія соединило грековъ и русскихъ [1]). Учрежденіе этого братства, если не предшествовало постройкѣ каменной никольской церкви, то совпало съ временемъ оной. Легко допустить, что если раньше этого существовала русская церковь на предмѣстьѣ Замостья, то тѣмъ болѣе должна была существовать такая же церковь въ самомъ Замостьѣ, а при ней, по обычаю того времени, и братство, хотя еще безъ устава и опредѣленной организаціи. Въ *Суммаріушъ* (описи) дѣлъ замостьскаго монастыря, составленномъ 20 ноября 1775 года, мы нашли указаніе на „привилей (но не самый привилей) восточнаго патріарха, писанный погречески,

---

[1]) Учрежденіе церковныхъ братствъ было въ это время весьма распространено въ южной Россіи, но и греки были знакомы съ этимъ учрежденіемъ по существовавшимъ въ разныхъ мѣстахъ греческихъ поселеній тѣмъ-же и съ такимъ-же названіемъ обществамъ. Однимъ изъ первыхъ греческихъ братствъ, пріобрѣвшихъ найбольшую извѣстность, было греческое братство въ Венеціи. Здѣсь еще въ 1470 году греки получили позволеніе свободно отправлять свое богослуженіе въ предѣлѣ св. Власія, потомъ въ 1498 году устроить братскій домъ въ честь св. Николая, наконецъ въ 1511 году позволеніе построить новый храмъ св. Георгія, который и былъ построенъ въ 1526 году и освященъ 1527 года, когда послѣдовало окончательное утвержденіе венеціанскимъ правительствомъ патронатскихъ правъ братства по отношенію къ храму и приходу или церковной общинѣ. Были и другія братства. Въ Греціи особенную извѣстность пріобрѣло братство св. Спиридона въ Корфу. Организованнѣе другихъ было братство св. Георгія въ Венеціи. Совѣтъ братства, состоявшій до 1592 года изъ 40 членовъ, съ этого года состоялъ изъ 60-ти. Братство становилось какъ бы центральнымъ для всей Греціи. Изъ разныхъ земель и острововъ Греціи присоединялись къ нему члены и жертвователи. Аѳиняне, морейцы, ѳессалійцы, павкатцы, критяне, эвбейцы, коринѳяне, іоняне, македоняне, ѳракійцы, эпироты,—всѣ съ равнымъ жаромъ трудились для блага и чести своего народа, всѣ помогали его насущнымъ потребностямъ. Чины совѣта возобновлялись чрезъ каждые три года, выбирались на общемъ собраніи. Изъ членовъ совѣта ежегодно дѣлался выборъ лавы или скамьи представителей (кастальдъ, викарій, писарь и два дѣлопроизводителя), какъ административной или исполнительной власти въ дѣлахъ братства, также двухъ дефенсоровъ (на два года), столько же синдиковъ и контролеровъ, 12 діаконовъ, двухъ надзирателей за строеніями, журналиста и всѣхъ состоявшихъ на жалованьи какъ духовныхъ, такъ и мірянъ. Избраніе всѣхъ должностныхъ лицъ совершалось простымъ большинствомъ, а избраніе кастальда, епископа и священниковъ — не иначе, какъ двумя третями голосовъ. (См. книгу И. Малышевскаго: »Александрійскій патріархъ Мелетій Пигасъ«, Кіевъ, 1879 г., т. I, стр. 40, 509—510.

съ печатью на массѣ, въ жестянкѣ, служащій тому братству св. Николая“, т. е. являющемуся скоро съ опредѣленною организаціею и уставомъ. Вѣроятно эта греческая грамота дана была замостьскимъ жителямъ православнаго исповѣданія цареградскимъ патріархомъ Іереміею, проѣзжавшимъ черезъ Замостье въ 1588—9 годахъ. Что замостьскіе греки дѣйствовали за одно съ мѣстнымъ русскимъ православнымъ населеніемъ въ дѣлахъ вѣры и благотворенія, что въ это время въ Замостьѣ существовала греко-русская община, что эта община имѣла какую-то организацію относительно дѣлъ благотворенія и общія для того средства, что она носила даже названіе *братіи* или *братства*, объ этомъ свидѣтельствуетъ привилей канцлера Яна Замойскаго, отъ 28 мая 1601 года, данный частному лицу греческой націи по дѣлу устройства госпиталя. „Славный Яни Константиновичъ гречинъ, пишетъ въ немъ Замойскій, мѣщанинъ мой замостьскій представилъ мнѣ документы и записью предъ урядомъ войтовскимъ города моего Замостья подтвердилъ, что онъ купилъ за 40 злотыхъ польскихъ у честного Алексѣя, попа церкви русской вознесенской, на предмѣстьѣ моемъ замостьскомъ, по названію львовскомъ, и у жены его Аполлоніи половину плаца съ принадлежащимъ къ нему огородомъ, на которомъ уже теперь и домъ построилъ собственнымъ иждивеніемъ, каковой находится между погостомъ той церкви и домомъ Симоновымъ, по дорогѣ вымѣренной, на постройку и учрежденіе госпиталя для убогихъ *греческой и русской* религіи, и окончательно расплатился, о чемъ обширнѣе гласитъ подлинная его запись и обозначеніе того плаца, записанное имъ въ актахъ войтовскихъ. Каковое намѣреніе и фундацію помянутаго Яни гречина, мѣщанина моего замостьскаго, я утверждаю нынѣшнимъ листомъ моимъ на вѣчныя времена, съ тѣмъ условіемъ, что потомки его, Яни, не могутъ по смерти его обратить помянутый плацъ и построенный на немъ домъ съ огородомъ въ свою пользу, но все это будетъ вѣчно принадлежать помянутому госпиталю. Равно должно имѣть силу все то, что будетъ отказано кѣмъ либо по духовному завѣщанію на тотъ госпиталь, или что уже было завѣщано кѣмъ либо до выдачи сего привилея. Никто также не будетъ имѣть права завѣдывать тѣми имѣніями, которыя бы даны были Яномъ на тотъ госпиталь, кромѣ самого означеннаго Яни съ *братіею* его религіи греческой; и потомки его,

по смерти его, не могутъ распоряжаться безъ воли *братіи*. А если бы также завѣщали что и другіе, тогда должны быть соблюдаемы воля и надлежащій правильный порядокъ относительно завѣщанныхъ имуществъ, установленный ими съ согласія моего и потомковъ моихъ. Просителямъ изъ того госпиталя предоставляется просить на госпиталь и его нужды въ городѣ и по селамъ, безъ препятствія со стороны лицъ какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ. Въ этотъ госпиталь какъ помянутый Яни гречинъ, такъ и потомки его, провизоры сего госпиталя, могутъ принимать людей религіи греческой изъ здѣшняго города и принадлежащихъ къ нему колоній, и безъ воли ихъ не обязаны будутъ принимать убогихъ людей ни по чьей просьбѣ или ходатайству [1])". Ясно названная въ этомъ привилеѣ православная замостьская *братія*, завѣдывающая дѣлами благотворенія, вѣроятно и есть то православное братство замостьское, которое, спустя пять лѣтъ, именно 30 марта 1606 года, получаетъ отъ львовскаго епископа Гедеона Балабана благословенную грамоту и утвержденіе своего устава [2]).

Эта грамота есть буквальное почти повтореніе грамоты антіохійскаго патріарха Іоакима, данной въ 1586 году на основаніе церковнаго братства львовскаго, что совершенно натурально при однородности учрежденій и одинаковости обстоятельствъ, ихъ вызвавшихъ [3]). Кромѣ этого братства при той-же никольской церкви учреждается младшее или молодшее, подъ названіемъ братства Покрова пресв. Богородицы, и получаетъ разрѣшеніе на свое существованіе и утвержденіе своего устава въ видѣ особой грамоты отъ того-же епископа Гедеона Балабана [4]). Разница между прежнимъ старшимъ и новымъ молодшимъ братствами заключалась лишь въ томъ, что къ первому принадлежали семейные хозяева, а ко

[1]) Привилей этотъ—въ бумагахъ замостьскаго монастыря.

[2]) Подлинникъ этой грамоты въ бумагахъ замостьскаго монастыря. Текстъ ея см. въ отдѣлѣ Матеріаловъ этой же книжки «Кіевской Старины».

[3]) См. ее въ «Памятникахъ, изд. временною коммисіей для разбора древнихъ актовъ», Кіевъ, т. III, 1852 г., стр. 1 и слѣд.

[4]) Въ бумагахъ замостьскаго монастыря есть копія грамоты Геодеона Балабана младшему братству, тождественная по содержанію съ приведенной грамотой его 1606 года; но къ этой копіи привѣшена печать самого младшаго братства съ кустодіею, на которой вырѣзанъ 1656 годъ.

второму—холостые люди; но цѣль ихъ одна: содержаніе церкви, ея украшеніе, помощь старымъ, больнымъ и бѣднымъ въ приходѣ, взаимная самопомощь и охраненіе отеческой вѣры. Оба братства, выполняя свое призваніе, развивались, сообразно тому и данный имъ Гедеономъ Балабаномъ уставъ подвергался нѣкоторымъ дополненіямъ, какъ подвергался подобнымъ дополненіямъ и уставъ львовскаго братства 1586 года.

Главнѣйшее измѣненіе или точнѣе расширеніе устава братскаго произведено при митрополитѣ кіевскимъ Сильвестрѣ Коссовѣ [1]), и, въ этомъ дополненномъ видѣ, уставъ утвержденъ былъ тогдашнимъ владѣльцемъ Замостья Ѳомой Замойскимъ 4-го марта 1627 г.

Сличая сдѣланныя въ это время прибавки съ основнымъ текстомъ братскаго устава 1606 года, мы видимъ въ нихъ слѣдующія особенности: 1) сравнительно большее обезпеченіе братскихъ священниковъ вознагражденіемъ за обязательныя, по братскому уставу, службы; 2) стремленіе удержать въ составѣ братства и тѣхъ его членовъ, которые переселились въ другое мѣсто, и слѣдов. расширить кругъ дѣйствій и вліянія братства за предѣлы никольскаго прихода и города Замостья; 3) усиленіе доходовъ братства обязательствомъ, чтобы умирающіе братчики записывали часть своего имущества на убогихъ и больныхъ братства, и 4) стремленіе обязать вновь поступающихъ въ братство присягою, чтобы они до конца жизни своей оставались вѣрными православной церкви. Полагая, что эти добавочные пункты устава вызваны тогдашнимъ положеніемъ никольскаго замостьскаго братства, мы въ правѣ заключать, что въ это время нѣкоторые прежніе члены братства выбыли уже изъ Замостья и порвали всякую связь съ этимъ братствомъ, а другіе измѣнили православной вѣрѣ и церкви, вслѣдствіе чего составъ и имущественныя средства братства оскудѣли противъ прежняго.

Въ видахъ сосредоточенія силъ православной замостьской общины и наибольшаго попеченія о церкви Божіей, въ 1661 году урегулированы были отношенія старшаго никольскаго братства къ

---

[1]) Подлинная грамота Сильвестра Коссова въ бумагахъ замойскаго монастыря, но безъ начала. Тамъ-же и подтвержденіе этой грамоты Ѳомой Замойскимъ. См. отд. матеріаловъ этой-же книжки «Кіев. Старины».

младшему покровскому, существовавшему при той же никольской церкви: между ними установлена была тѣснѣйшая связь и послѣднее получало отъ перваго, по выбору, на каждый годъ двухъ старшихъ братчиковъ, которые руководили всѣми его дѣйствіями и безъ которыхъ не могло состояться ни одно его совѣщаніе и постановленіе, а для поддержанія личнаго состава обоихъ братствъ постановлено было, чтобы младшій братъ переходилъ въ старшее братство, по вступленіи въ бракъ, но не раньше, какъ чрезъ годъ и шесть мѣсяцевъ [1]).

Но не успѣло еще вполнѣ организоваться никольское замостьское братство, какъ для него настали тяжелыя времена. Прежніе владѣльцы Замостья, отличавшіеся вѣротерпимостью и нѣкоторымъ расположеніемъ къ греческимъ поселенцамъ, умерли; во второй половинѣ XVII вѣка являются владѣтельницами Замостья двѣ женщины, фанатически преданныя Риму и затѣянной имъ уніи, а именно—Гризелла-Констанція Корибутовна и Анна Замойскія, которыя не могли, по своему католическому благочестію, равнодушно смотрѣть на процвѣтаніе въ Замостьѣ православія. Да и общее настроеніе польскаго общества и государства, послѣ войнъ Богдана Хмельницкаго съ поляками, далеко было не въ пользу православія, которое называлось у поляковъ хлопскою вѣрою, связывалось въ ихъ представленіи съ такъ называемыми у нихъ хлопскими бунтами и считалось главнымъ источникомъ и очагомъ послѣднихъ. Вслѣдствіе этого права православныхъ жителей Польши постепенно ограничивались и уничтожались, и сама православная церковь стала игнорироваться, какъ будто не имѣющая и права на существованіе. Въ 1668 году король Янъ Казиміръ, по просьбѣ уніатскаго митрополита Гавріила Коленды, утвердилъ за нимъ право завѣдывать и управлять всѣми вакантными епископствами въ Польшѣ и Литвѣ [2]); а въ числѣ вакантныхъ епископствъ считались и православныя епископіи, хотя бы онѣ и имѣли своихъ наличныхъ епископовъ. Этотъ привилей Яна Казимира породилъ цѣлый рядъ насилій

[1]) Постановленіе о семъ братства въ бумагахъ замостьскаго монастыря. Текстъ его см. въ отдѣлѣ матеріаловъ этой-же книжки «Кіев. Старины».

[2]) См. этотъ привилей въ книгѣ—Дѣло м. Гребницкаго съ базиліанскимъ протоархимандритомъ, 1755 г., Summarium, № 9.

со стороны уніатской іерархіи и католическихъ магнатовъ надъ православными іерархами, монастырями, священниками и ихъ прихожанами и сильно содѣйствовалъ наружному обращенію православныхъ жителей бывшей Польши въ унію и даже католицизмъ.

Замостьскіе православные не менѣе другихъ единовѣрцевъ своихъ навлекали на себя подозрѣніе польскаго правительства и властей своими симпатіями къ бунтовавшемуся противъ Польши козачеству. Когда въ 1648 году Богданъ Хмельницкій подступилъ къ Замостью, предмѣщане собрались къ его полковнику Небабѣ толпами и начали было говорить съ нимъ, какъ русскіе; но появился трубачъ на башнѣ и закричалъ: „прочь отсюда! паны, находящіеся въ крѣпости, не станутъ унижаться, чтобъ входить съ вами, холопами, въ сношенія, а мѣщанамъ не позволяется!“ Увѣренные въ томъ, что русскіе предмѣщане готовы будутъ принять козаковъ, какъ братьевъ, и дадутъ имъ пристанище въ своихъ домахъ, паны приказали зажечь предмѣстья. Тогда поднялась сильная буря прямо въ лицо козакамъ. „Несчастные предмѣщане,—говоритъ очевидецъ,—хватали, что успѣвали, изъ своихъ пожитковъ; одни бѣжали съ ними въ подъемныя ворота къ сѣверной башнѣ; другіе карабкались по веревкамъ черезъ стѣны; крики малютокъ, вопли лишенныхъ крова и дрожащихъ отъ стужи страшно поражали слухъ. Многіе не попали въ городъ и помѣстились на возахъ съ остатками своихъ имуществъ подъ стѣнами. Никто не смѣлъ роптать, если не хотѣлъ быть отданнымъ подъ стражу двумъ дворянамъ, которыхъ выбирали стеречь подозрительныхъ, съ сотнею жолнеровъ“ [1]). По зборовскому договору 1649 г., подтвержденному на сеймѣ 1650 года, холмская епархія, въ предѣлы которой входило и Замостье, возвращена была православнымъ и, какъ мы уже видѣли, около двухъ лѣтъ управлялась православнымъ холмскимъ епископомъ Діонисіемъ Балабаномъ; но послѣ пораженія козаковъ подъ Берестечкомъ она опять отдана была уніатамъ. Поэтому, какъ только кончились войны Хмельницкаго съ поляками, начались энергическія дѣйствія со стороны римско-католиковъ для подавленія русской народности и пра-

---

[1]) «Богданъ Хмельницкій» Н. И. Костомарова, изд. 3-е 1870 г., т. II стр. 34.

вославія и введенія уніи въ холмской епархіи и, между прочимъ, въ Замостьѣ.

Первые опыты введенія уніи во владѣніяхъ графовъ Замойскихъ начались съ селъ и предмѣстій. 28 февраля 1670 года Гризелла Констанція на Замостьѣ Корибутовна Замойская презентуетъ уніатскому холмскому епископу Якову Сушѣ нѣкоего Александра Теодоровича на священническое мѣсто къ Площенской Рождество-Богородичной церкви, приведенной уже въ уніи съ римскимъ костеломъ [1]). Въ 1674 году при вознесенской церкви на львовскомъ предмѣстьѣ г. Замостья былъ уже *уніатскій* попъ Іоаннъ Кириловичъ. Онъ, какъ видно, чувствовалъ себя прочно на своемъ мѣстѣ и не побоялся пріобрѣсти недвижимую собственность, купивъ полморга земли у замостьскаго предмѣщанина Павла Пузеровича [2]). Но прихожане и братство не хотѣли его знать и не доставляли ему необходимыхъ средствъ къ жизни. Въ 1687 году холмскій уніатскій епископъ Александръ Августинъ Лодзянка особымъ декретомъ своимъ старался установить такія отношенія между священникомъ и братствомъ вознесенской церкви: „продажа свѣчъ шеляговыхъ должна принадлежать велебному приходскому священнику теперешнему и будущему, а онъ обязанъ будетъ за это содержать такого дьяка, который бы всегда при церкви жилъ въ школкѣ и училъ дѣтей, которому (попу) и паны братство должны отдавать повинность издавна установленную: по 6-ти грошей каждое воскресенье и по 6-ти грошей въ великіе праздники, когда служится всенощная. Вино и кадило будутъ доставлять пополамъ священникъ и братство. Съ поля Крушиновскаго съ копы половина снопами должна идти священнику, за что, по пропорціи покопнаго хлѣба, онъ обязанъ совершать св. литургіи за души умершихъ, а другая половина—панамъ братству на поддержаніе церкви. Огородомъ завѣщаннымъ послѣ Козака, должны завѣдывать панове братство; а если бы вздумали продать его, то половину денегъ обратятъ на поддержаніе церкви, а другую половину—на св. литургіи. Тремя моргами госпитальными, по давнимъ декретамъ, естественнѣе всего

---

[1]) Презенты въ бумагахъ замостьскаго монастыря.

[2]) Тамъ-же выпись изъ актовъ адвокатскихъ Замойскихъ, 1674 года.

долженъ пользоваться священникъ, съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы возилъ навозъ на то поле и удобрялъ его и извѣстную часть копъ, по мѣстному обычаю, отдавалъ госпиталю; а если бы онъ не сталъ унаваживать, то предоставляется панамъ братству отдавать тѣ морги на копы, кому захотятъ. Велебный отецъ приходской священникъ каждую субботу на вечерни будетъ святить воду на нужды людей, обязанъ тщательно совершать св. таинства, назидая спасенный народъ ученіемъ, примѣрною жизнію, поощряя его къ хвалѣ Божіей съ кротостію и почтеніемъ. Панове братство будутъ стараться о поддержаніи дому Божія, не дѣлая никакого насилія правамъ приходскаго священника и во всемъ соблюдая братскія правила, которыя, для лучшаго усвоенія и уразумѣнія при выборахъ, велебный отецъ приходской священникъ долженъ читать имъ въ церкви на засѣданіи“ [1]). Но прихожане и братство не хотѣли исполнять и этого епископскаго декрета. „Дошло до насъ свѣдѣніе,—писалъ тотъ же епископъ Лодзянка, два года спустя, тому же братству, что славетности ваши вторично сопротивляетесь декрету нашему, состоявшемуся въ 1687 году, равно какъ и вопреки подчиненія, изъявленнаго старшими братьями отъ имени всего братства, и вопреки пункту утвержденія братства, ненадлежаще вмѣшиваетесь въ доходы и провенты церковные, осмѣливаетесь продавать въ церкви свои шеляговыя свѣчи, отбирать присужденные декретомъ священнику доходы за похороны и стараетесь дѣлать ему другія препятствія, а что хуже,—угрожаете священнику изгнаніемъ изъ церкви“. Очевидно, что эта пертурбація происходила на почвѣ еще не отвердѣвшей уніи, которой знать не хотѣли нѣкоторые изъ братчиковъ, рѣшавшіеся принять относительно навязаннаго имъ священника радикальную мѣру изгнанія, но и епископъ находилъ въ чемъ-то опору и, не думая уступать, грозилъ непокорнымъ братчикамъ своимъ неблагословеніемъ и уничтоженіемъ самаго братства [2]).

Позже другихъ обращены были въ унію никольская замостьская церковь и ея братство. Первые опыты совращенія этого брат-

---

[1]) См. подтвержденіе этого декрета холмскимъ оффиціаломъ А. Картинскимъ въ 1743 году въ концѣ визиты подгородной вознесенской церкви, 1732 г., въ бумагахъ замостьскаго монастыря.

[2]) Листъ Лодзялы—въ бумагахъ замостьскаго монастыря.

ства въ унію относятся приблизительно къ 1690 году. 24 мая 1690 года уніатскій митрополитъ Левъ Шлюбичъ-Заленскій, владимірскій и брестскій епископъ, писалъ никольскому замостьскому братству слѣдующее: „архипастырскимъ сердцемъ пріемля чувства, выраженныя чрезъ достойныхъ делегатовъ братства, славетныхъ пановъ Матіаша Левкевича, старшаго брата, и Самуила Тарнопольскаго, втораго брата, и провизора того братства, при достоуважаемомъ ходатайствѣ за вашихъ милостей ясновельможной ея милости пани подскарбины великой коронной (т. е. Анны Замойской), госпожи и благодѣтельницы нашей,—не только принимаемъ въ общеніе святой вселенской римской церкви, которою мы, недостойные, возведены въ этотъ митрополитскій санъ, но, при благословеніи Божіемъ и архипастырскомъ, охотно надѣляемъ вашихъ милостей всѣми прерогативами, участіемъ, сообщеніемъ заслугъ отпустовъ, привиллегіями, какія даны св. апостольской римской столицей католическимъ правовѣрнымъ и православнымъ братствамъ, находящимся въ уніи св. вѣры. Принимая ваши милости въ недостойное архипастырское печалованіе наше, мы однако, по сыновнему, теплому, искреннему и неизмѣнному чувству вашихъ милостей, сильно желаемъ, чтобы вы, впредь до дальнѣйшаго распоряженія съ ясновельможной ея милостью госпожей подскарбиной или ихъ милостями панами ординатами, господами и благодѣтелями нашими, изволили довольствоваться тѣмъ священникомъ, который назначенъ и поставленъ, для удовлетворенія духовныхъ вашихъ нуждъ, превелебнѣйшимъ, его милостью, отцомъ епископомъ холмскимъ, братомъ и сослужебникомъ нашимъ, пока Господь Богъ не укажетъ лучшихъ лицъ и способа обезпеченія ихъ. Дабы все это пришло къ исполненію, мы оставляемъ помянутаго, его милость, епископа холмскаго, въ отсутствіе наше, какъ товарища и сопастыря, при особой администраціи надъ тѣмъ братствомъ и всѣми во Христѣ порученными намъ овечками, оставляя при насъ самихъ и митрополитскомъ престолѣ общую зависимость по канонамъ святымъ и обычаю церкви восточной, и вмѣстѣ (разрѣшаемъ) отъ всякихъ церковныхъ наказаній, запрещеній, клятвъ и заблужденія въ вѣрѣ святой, въ которомъ дотолѣ (находились)“ [1])...

---

[1]) См. экстрактъ изъ книгъ уряда коммисарскаго замку Замойскаго, 1699 г., въ бумагахъ замостьскаго монастыря. Но здѣсь недостаетъ конца митрополитскаго листа.

Слѣдуетъ въ этой грамотѣ отмѣтить то обстоятельство, что представители никольскаго братства, по свидѣтельству этой грамоты, обратились къ уніатскому митрополиту съ изъявленіемъ желанія принять унію при посредствѣ и содѣйствіи владѣтельницы Замостья Анны Замойской, которой, поэтому, и нужно приписать иниціативу дѣла. Слѣдовательно, обращеніе никольскаго братства, или только части его, въ унію едва ли было свободное и искреннее. Вѣроятно братчики сдѣлали это, уступая силѣ и разсчитывая на матеріальныя выгоды. Это отчасти можно видѣть и изъ акта коммисіи 1699—1701 г., занимавшейся вопросомъ относительно обезпеченія замостьскихъ церквей, перешедшихъ въ унію.

Коммисія эта собралась въ октябрѣ 1699 года и, послѣ продолжительнаго перерыва и совѣщанія съ Анной Замойской, окончила свои занятія уже въ 1701 году. Она состояла изъ двухъ коммисаровъ со стороны Анны Замойской и двухъ представителей уніатскаго митрополита и холмскаго епископа, и имѣла первоначальною задачею своею: 1) привесть въ извѣстность доходы и грунты никольской церкви, по дарственнымъ записямъ, легаціямъ и декретамъ, и разсмотрѣть, достаточно-ли ихъ для содержанія при той церкви священника и совершенія имъ, съ другими церковными служителями, богослуженія; 2) распредѣлить ближайшіе къ городу Замостью и предмѣстью его приходы, именно,—какіе изъ нихъ должны быть причислены къ городской церкви и какіе—къ предгородной. Кромѣ того, замостьское никольское братство предъявило слѣдующія свои требованія: 1) чтобы оба братства, городское и предгородное, участвовали въ управленіи госпиталемъ при церкви предгородной, который основанъ славетнымъ Константиновичемъ и утвержденъ блаженной памяти ясновельможнымъ его милостью паномъ фундаторомъ сего города; 2) чтобы отдѣлены были приходы, именно предмѣстья замостьскія, и сдѣлано было распредѣленіе между обѣими церквами; 3) чтобы пріѣзжіе люди, если кого изъ нихъ застигнетъ здѣсь смерть, погребаемы были, согласно волѣ умирающаго, при той церкви, при которой они захотятъ и 4) чтобы городская церковь зависѣла отъ одного только ясновельможнаго, его милости, отца митрополита, а не подчинялась власти ясновельможнаго о. епископа холмскаго.

Коммисія начала свои занятія разсмотрѣніемъ перваго пункта своей программы о свойствахъ и количествѣ доходовъ никольской замостьской церкви. Оказалось, что всѣ донаціи и легаціи не превышали 1225 злотыхъ, процентъ съ которыхъ и шелъ на содержаніе церкви и причта. По объясненію братчиковъ, этого процента совершенно не достаточно было для содержанія церкви, доселѣ поддерживавшейся „милостынею отъ людей украинскихъ, которая отнынѣ прекратилась вслѣдствіе принятія уніи", такъ что пришлось заложить церковное серебро. Поэтому братчики домогались, чтобы выкуплено было церковное серебро и обезпечено содержаніе церкви изъ средствъ Анны Замойской, какъ главной виновницы обращенія ихъ въ унію. Очевидно никольское братство торговалось съ Анной Замойской и старалось какъ можно выгоднѣе промѣнять православіе на унію. Въ свою очередь, коммисары Анны Замойской не довѣряли братству и подозрѣвали его въ преувеличеніи бѣдности церкви и неискренности обращенія его къ уніи. Они просили коммисаровъ духовныхъ обревизовать никольскую церковь и ея состояніе по документамъ и обратить вниманіе на то, „нѣтъ-ли какой-либо фальши (erroris) противъ уніи; ибо, говорили они, хотя мы твердо убѣждены и о Господѣ увѣрены въ прочности истиннаго соединенія всѣхъ тѣхъ людей греческой религіи и вѣримъ, что они не съ лукавымъ сердцемъ приняли ту святую унію, но что касается обряда, то сомнительно, чтобы это согласовалось съ внутреннимъ усердіемъ. Посему, если еще не отстали отъ того, или лучше — не приняли того, что̀ существенно, то теперь-же бы исправлено было чрезъ ихъ милостей тѣхъ-же духовныхъ, чтобы въ символѣ, иначе въ *Вѣрую,* ясно, по постановленію соборовъ, именно флорентійскаго, на литургіи пѣли: „вѣрую въ Духа святаго, отъ Отца и Сына исходящаго". Обревизовавъ никольскую церковь, духовные коммисары дѣйствительно нашли ее бѣдною, вслѣдствіе чего коммисары Замойской постановили выкупить церковное серебро за 641 зл. и 3½ гроша, а сама Анна Замойская, отъ имени старшаго сына своего, назначила никольской церкви ежегодное пособіе по 400 злотыхъ. При этомъ на волю Анны Замойской предоставлено было или учредить при церкви монаховъ, согласно желанію братства, съ назначеніемъ ихъ отъ духовнаго начальства, или же, по праву патронатства, назначать свя-

щенника, съ подчиненіемъ ему обѣихъ церквей, городской и предгородной, для устраненія всякихъ столкновеній. Коммисія, согласно желанію братства, сдѣлала только оговорку, „чтобы означенный священникъ, если бы онъ былъ назначенъ, былъ безженный и на поставленіе презентованъ былъ духовной власти", и проч.

Этимъ рѣшеніемъ основныхъ вопросовъ предрѣшены были и предложенные никольскимъ братствомъ четыре пункта. Очевидно, при сліяніи приходовъ подъ управленіемъ одного настоятеля, не могло быть и мѣста вопросу о разграниченіи приходовъ, исполненіи требъ въ чужомъ приходѣ, погребеніи, и проч. Коммисія оговаривается только, что, на случай существованія особыхъ приходовъ при обѣихъ церквяхъ, требы должны совержаться своими приходскими священниками, что умирающіе изъ пріѣзжихъ и даже мѣстныхъ жителей могутъ быть погребаемы при той церкви, при которой они пожелаютъ, но съ уплатою мѣстному приходскому священнику четвертой части погребальнаго дохода. Въ правѣ участвовать въ управленіи госпиталемъ было отказано никольскому братству. Что-же касается желанія сего братства непосредственно зависѣть отъ митрополита, то коммисія для рѣшенія этого пункта избрала средній, уклончивый путь, поставивъ братство въ духовныхъ дѣлахъ въ непосредственную зависимость отъ мѣстнаго холмскаго епископа, но съ предоставленіемъ братству права въ болѣе важныхъ случаяхъ обращаться къ митрополиту [1]).

Этотъ актъ коммисіи утвержденъ былъ Анной Замойской въ апрѣлѣ 1706 года [2]), но съ нѣкоторыми измѣненіями въ немъ. Мы не имѣемъ текста утвержденія Анны Замойской, но въ послѣдствіи времени видимъ, что приходы городской и предгородной замостьскихъ церквей не были слиты въ одинъ, какъ это предполагалось коммисіей, и между ними возникли споры о предѣлахъ, разбиравшіеся въ 1726 году холмскимъ уніатскимъ епископомъ Іосифомъ Левицкимъ [3]). Никольская церковь начинаетъ получать отъ Замой-

[1]) Подлинный черновый актъ коммисіи 1699 и 1701 г., въ бумагахъ замостьскаго монастыря.

[2]) Объ этомъ утвержденіи упоминается въ запискѣ, подъ заглавіемъ «Origo monasterii Zamoyscensis», 1781 г., въ бумагахъ того-же монастыря.

[3]) Instrumentum этого епископа отъ 19 сентября 1726 г., въ бумагахъ замостьскаго монастыря.

скихъ субсидію по 400 злотыхъ въ годъ, изъ коихъ 200 шло на содержаніе священника, а 200 на поддержаніе церкви [1]). Настоятелями этой церкви въ XVIII вѣкѣ являются уже не бѣлые священники, а монахи базиліане. Есть темное извѣстіе, что они введены сюда Анною Замойскою еще въ 1706 году [2]); но во всякомъ случаѣ они явились здѣсь раньше замойскаго синода 1720 года. Въ 1717 году настоятелемъ замостьской никольской церкви былъ базиліанинъ, отецъ Алексѣй Леликовичъ [3]), но раньше его былъ здѣсь другой базиліанинъ, Николай Блещинскій, впервые назначенный сюда помянутымъ епископомъ Левицкимъ [4]). Впрочемъ и около времени замойскаго синода не было еще въ Замостьѣ базиліанскаго монастыря, и замойскій синодъ происходилъ не въ базиліанскомъ замостьскомъ монастырѣ, какъ полагаютъ нѣкоторые, а въ католическомъ коллегіатскомъ костелѣ. Настоятель базиліанинъ на первыхъ порахъ исполнялъ только должность приходскаго священника, какъ увидимъ впослѣдствіи, и не имѣлъ при себѣ другихъ подчиненныхъ ему монаховъ. Превращеніе замостьской никольской церкви въ базиліанскій монастырь совершилось уже впослѣдствіи, при обстоятельствахъ, которыя изложены будутъ въ слѣдующей главѣ.

Н. Петровъ.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ).

---

[1]) Тамъ-же, декларація Томаша Іосифа Замойскаго, 21 апрѣля 1712 года; см. заявленіе базиліанина Левиковича 26 сент., 1718 года.

[2]) Тамъ-же, Origo monasterii Zamoyscensis, 1781 года.

[3]) Тамъ-же, документъ 26 сентября 1718 года, съ заявленіемъ ассигновки Томаша Замойскаго на никольскую церковь.

[4]) Тамъ-же, заявленіе чиновъ никольскаго братства, записанное въ визитѣ замостьскаго монастыря, произведенной холмскимъ уніатскимъ епископомъ Фелиціаномъ Филиппомъ Володковичемъ 16 ноября, 1752 года.

Изъ исторіи международныхъ отношеній Польши и Россіи *).

Исторія международныхъ отношеній Польши и Россіи въ XVIII в. представляетъ ту поразительную особенность, что каждый разъ православное русское населеніе Польши, возставая противъ господства польскихъ пановъ, заявляло, что имѣетъ на то царскій указъ или грамоту, въ то же время противная сторона громко винила русское правительство въ возбужденіи народныхъ движеній, утверждая, будто оно разсылаетъ тайные указы своимъ единовѣрцамъ, призывая ихъ къ истребленію шляхты, ксендзовъ и жидовъ, само же напротивъ правительство русское нерѣдко посылало свои войска для усмиренія народныхъ возстаній, строго карало возставшихъ, расправлялось съ ними само или отдавало ихъ въ руки пановъ и принимало разныя другія мѣры для поддержанія въ сосѣдственной пріязненной державѣ существующаго порядка. Не смотря на столь явное противорѣчіе политики въ этихъ случаяхъ русскаго правительства съ ходившею о ней молвою, послѣдняя находила тогда всеобщую себѣ вѣру, проникла въ современную печать и настолько глубоко пустила корни въ сознаніе польскаго общества, преданнаго горячо своей національной идеѣ, что и до сихъ поръ приходится считаться съ нею. Попытаемся разъяснить это странное обвиненіе и показать его основанія, насколько позволяютъ это какъ изданные до сихъ поръ матеріалы, такъ и тѣ, кои хранятся въ центральномъ нашемъ архивѣ.

Наиболѣе ранніе слухи, ходившіе въ православномъ населеніи Польши о царскихъ указахъ, призывающихъ будто бы его къ мятежу, слышатся во второй четверти XVIII вѣка. В. Б. Антоно-

---

*) Читано въ засѣданіи истор. общества Нестора лѣтописца, 31 января 1882 года.

вичъ, въ своемъ „изслѣдованіи о гайдамачествѣ“, изображая безплодную борьбу польскаго общества и правительства съ развившейся къ 1734 году противъ ихъ гнета народной реакціей, говоритъ, что, кромѣ тогдашнихъ мѣръ, принимавшихся польскимъ правительствомъ для ея подавленія, шляхтичи украинныхъ воеводствъ постоянно обращались чрезъ своихъ депутатовъ не только къ кіевскимъ генералъ-губернаторамъ, къ главнокомандующимъ русскими войсками, къ русскому посланнику въ Варшавѣ, но даже и прямо къ с.-петербургскому двору, съ просьбами о содѣйствіи. И дѣйствительно такого рода представленія, жалобы и просьбы не были оставляемы безъ вниманія: русское правительство принимало самыя дѣятельныя мѣры къ охраненію своей юго-западной границы отъ перехода чрезъ нее гайдамакъ: оно учредило караулы и форпосты, издало распоряженіе къ подлежащимъ властямъ о поимкѣ и выдачѣ укрывавшихся въ русскихъ владѣніяхъ преступниковъ и поручило своимъ пограничнымъ коммисарамъ, назначеннымъ для разслѣдованія и рѣшенія всякаго рода споровъ между русскими и польскими пограничными жителями, вѣдать также дѣла и о гайдамакахъ. „Но чѣмъ уступчивѣе оказывалось русское правительство“ [1]), говоритъ тотъ-же изслѣдователь, „чѣмъ болѣе оно принимало мѣръ для охраненія безопасности шляхтичей украинныхъ воеводствъ, тѣмъ требовательнѣе становились послѣдніе, тѣмъ болѣе свыкались они съ мыслью, что заботиться объ ихъ безопасности должны не они сами и не Рѣчь Посполитая, но что эта забота должна исключительно лежать на обязанности русскихъ властей. Сообразно съ этимъ взглядомъ, заявленія претензій становятся назойливѣе и пріемы дѣйствій нахальнѣе“. Въ 1748 году, по словамъ цитированнаго нами автора, шляхтичи дошли до того, что въ своемъ прошеніи, отправленномъ къ с.-петербургскому двору, заявляютъ, будто фельдмаршалъ Минихъ потому не доставилъ въ судъ гайдамацкихъ предводителей, укрывшихся десять лѣтъ тому назадъ въ запорожскихъ степяхъ, что взялъ съ нихъ взятку. Отсюда, намъ кажется, уже оставался одинъ шагъ и до обвиненія самаго русскаго правительства въ подстрекательствѣ своими указами крестьянъ и гайдамакъ къ грабежамъ и убійствамъ. Съ большой дерзостью вос-

---

[1]) В. Антоновичъ. Изслѣдованіе о гайдамачествѣ, стр. 95.

пользовались клеветники Россіи для поддержанія этого обвиненія обстоятельствами, происшедшими въ Польшѣ въ 1734 году. Со смертью въ 1733 году короля Августа II, на сеймѣ боролись двѣ партіи: одна выставляла претендентомъ Августа III, курфирста саксонскаго, а другая Станислава Лещинскаго; борьба партій отозвалась во всѣхъ областяхъ государства. Россія поддерживала перваго претендента, и потому русскій полковникъ Полянскій, читаемъ мы далѣе въ „изслѣдованіи о гайдамачествѣ“, занявъ г. Умань, отправилъ циркуляръ къ начальникамъ надворныхъ милицій въ брацлавскомъ воеводствѣ, приглашая ихъ дѣйствовать за одно противъ партіи Лещинскаго, совмѣстно съ русскими войсками. Этотъ циркуляръ былъ своеобразно понятъ, какъ милиціонерами, такъ и населеніемъ. Нѣкто Верланъ, начальникъ надворныхъ козазаковъ въ Шарогродѣ, имѣніи Любомирскихъ, получивъ циркуляръ, поднялся со своею сотнею и сталъ созывать къ себѣ надворныя милиціи изъ окрестныхъ селъ и вербовать крестьянъ въ ихъ составъ; онъ принялъ титулъ козацкаго полковника, другихъ пожаловалъ въ сотники, ротмистры и поручики,—вообще организовалъ собранную толпу и объявилъ ей, что онъ получилъ отъ русскаго полковника имянной указъ императрицы, которымъ будто-бы предписывалось истреблять всѣхъ враговъ—поляковъ и жидовъ, и разорять ихъ имущество, и что, послѣ окончательнаго ихъ истребленія, край будетъ присоединенъ къ Россіи, вмѣстѣ съ образовавшимся въ немъ козацкимъ войскомъ. Вслѣдствіе этого Верланъ привелъ свой полкъ къ присягѣ на вѣрность императрицѣ. На призывъ этого самозваннаго полковника народонаселеніе откликнулось сочувственно. Появленіе въ краѣ русскихъ и козацкихъ войскъ возбудило надежды угнетенныхъ и поддержало слухи, распространявшіеся съ легкой руки Верлана; говорили также, что для руководства возстаніемъ отправлены Танскій, послѣдній бывшій на правомъ берегу Днѣпра козацкій полковникъ, и гетманъ Самусь, давно уже умершій [1]).

Что дѣйствительно въ это время въ народѣ ходили неопредѣленные толки о такомъ указѣ, ясно изъ показаній трехъ аресто-

[1]) Ibid. стр. 104.

ванныхъ гайдамакъ. Одинъ изъ нихъ Андрей Сулакъ старался даже вспомнить на судѣ текстъ этого указа, „w ten sens pisany: „Jey Imperatorskoho Weliczeństwa y proczaia, proczaia. Daiu iemu komendu po ukazu Imperatorskoho Weliczeństwa nad wolochy, kozaki, y serby, szczob służyli Jey Imperatorśkiey Weliczeństwu do smerty...“ (więcey dalszego tenoru tego universału nie pamięta)“ [1]).

Коліивщина или возстаніе 1768 г. также приписывалась вліянію указовъ русскаго правительства. Г. Костомаровъ, въ сочиненіи о „послѣднихъ годахъ Рѣчи Посполитой“, указываетъ на вышедшую въ 1790 году въ Варшавѣ книгу [2]), авторъ которой причину бунта Желѣзняка и Гонты видитъ въ поджигательствѣ Запорожья со стороны Россіи. Ѳ. Г. Лебединцевъ, излагая разсказъ о борьбѣ ревностнаго защитника православія архимандрита Мелхиседека Значко-Яворскаго [3]), касается мимоходомъ слуховъ о ходившей будто-бы въ народѣ золотой грамотѣ Екатерины и думаетъ, что они легко могли возникнуть подъ вліяніемъ извѣстной исторіи о поѣздкѣ мотренинскаго игумена въ С.-Петербургъ съ жалобой на гоненіе отъ уніатовъ на православіе. Русская императрица принявъ его весьма благосклонно и, пожаловавъ монастырю богатую ризницу, самому Мелхиседеку приказала выдать изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ паспортъ на проѣздъ въ Варшаву, а также особый рескриптъ ея на имя русскаго посла при варшавскомъ дворѣ, князя Репнина, при содѣйствіи котораго Мелхиседекъ долженъ былъ добиваться предъ королемъ и министрами свободы православнаго исповѣданія въ русскихъ областяхъ Рѣчи Посполитой. „Самая грамота“, говоритъ далѣе г. Лебединцевъ, „если она не есть произведеніе народной фантазіи, но дѣйствительный фактъ, могла быть выдана Желѣзнякомъ и для большей силы приписана Мелхиседеку, въ которомъ народъ украинскій видѣлъ единственнаго защитника своего и ходатая“ [4]). По поводу слуховъ о царскихъ указахъ въ 1768 году,

---

[1]) Архивъ югозападной Россіи, т. III, ч. III, отдѣлъ актовъ, стр. 68.

[2]) Вотъ ея заглавіе: M. Portret Moskwy, czyli odpowiedź na pytania, co jest Moskwa i w jakim dziś znajduie się stanie? Jakie krzywdy Moskwa poczyniła Polszcze? dla czego Polska poszła z Moskwą w rozwady. W. Warszawie. 1790. Этого сочиненія, къ сожалѣнію, намъ не удалось добыть.

[3]) См. предисловіе къ Матеріаламъ для исторіи православія въ западной Украинѣ. Архивъ юго-запад. Россіи, ч. I., II. Кіевъ. 1864 г.

[4]) Ibid., стр. CCVI.

нельзя не признать также заслуживающими вниманія словъ одного изъ современниковъ Коліивщины, будто „изобрѣтателемъ этихъ указовъ былъ вышеупомянутый Мелхиседекъ, чтó показывали даже и сами чернецы". Г. Щебальскій въ своей статьѣ, помѣщенной въ „Русскомъ Вѣстникѣ" [1]), передавая разсказъ объ уманской рѣзнѣ, сообщаетъ въ переводѣ съ французскаго и самый текстъ указа Екатерины, которымъ она будто-бы подняла Запорожье. Указъ этотъ заимствованъ авторомъ изъ изданія: „Archives diplomatiques par le c-te d'Angenberg". Останавливаясь на датѣ, формѣ, тонѣ и содержаніи документа, г. Щебальскій выводитъ заключеніе о несомнѣнной его ложности. Мы думаемъ, что ложность акта еще бы болѣе подкрѣпилась, если бы можно было изслѣдовать тотъ путь, которымъ онъ дошелъ до французскаго издателя.

Въ 1789 году ожидались новыя волненія въ средѣ крестьянъ; слухи объ указѣ возобновились; начались опять преслѣдованія, мученія и казни невинныхъ священниковъ. Современникъ этихъ событій, луцкій оффиціалъ Ѳеодосій Бродовичъ, въ своихъ запискахъ о нихъ разсказываетъ, что въ порядковую коммисію, занятую разборомъ дѣлъ о предполагавшемся бунтѣ, королевскій камергеръ Каэтанъ Аксакъ представилъ на судъ сузскаго священника Лукаевича, который заявилъ, что ночевавшій у него маркитантъ уговаривалъ его поднять сузскихъ прихожанъ противъ поляковъ, показывалъ ему какое-то письмо, котораго онъ разобрать не могъ, а прочиталъ лишь въ подписи нѣсколько буквъ: *Екат*..., при этомъ маркитантъ увѣрялъ, будто-бы такова воля императрицы. Показаніе свое священникъ подтвердилъ присягой. Оговореннаго маркитанта поймали и при обыскѣ нашли только одинъ паспортъ. Тѣмъ не менѣе однакоже коммисія приговорила этого невиннаго человѣка къ висѣлицѣ и поторопилась привести свой приговоръ въ исполненіе. Послѣдними словами несчастнаго было всенародное заявленіе: „напрасно гину"! Представленный на сеймъ Лукаевичъ, хотя и не вполнѣ, подтвердилъ свое показаніе, за что и удостоился отъ короля и сеймовыхъ маршаловъ награды похвальнымъ листомъ и золотой медалью съ надписью: „pro fide, lege et patria", съ изображеніемъ короля и гербовъ: короннаго и литовскаго; величина

---

[2]) Томъ XLV-й.

медали—*„московскій рубль“*. Но все это дѣло авторъ „Widok'a“ [1]) приписываетъ подговору Аксака, откровенно признавшагося въ томъ своимъ пріятелямъ. Не беремся судить, была-ли это похвальба Аксака и не говорилъ-ли священникъ изъ страха наказанія того, что желали услышать отъ него судьи: для насъ важно лишь, что и въ 1789 году продолжаютъ ходить такіе же слухи, какіе ходили въ предшествующее смутное время.

Изложенные до сихъ поръ факты позволяютъ думать, что толки о возбужденіи русскимъ правительствомъ крестьянъ къ бунту, путемъ тайной разсылки указовъ и золотыхъ грамотъ, возникаютъ среди польскаго общества и народа, во первыхъ, изъ ложно понятыхъ распоряженій русскихъ властей во время борьбы Августа III и Станислава Лещинскаго за польскій престолъ, во вторыхъ—изъ превратно истолкованной дипломатической о диссидентахъ переписки Екатерины, оказавшей имъ свое сочувствіе и взявшей на себя защиту гонимаго православія и народности. Но такое происхожденіе этихъ слуховъ только кажущееся. Въ самомъ же дѣлѣ, какъ первое, такъ и второе обстоятельства служили, по нашему мнѣнію, лишь поддержкой и пищей имъ, а главное основаніе лежало въ нескончаемыхъ переговорахъ с.-петербургскаго двора съ варшавскимъ о выдачѣ бѣглыхъ крестьянъ и дезертировъ, къ которымъ, что̀ мы увидимъ ниже, дѣйствительно посылались, съ русской стороны, указы, а съ польской „публичные листы“.

Со времени присоединенія лѣвобережной Украины къ Россіи въ половинѣ XVII вѣка, начинается движеніе народной массы съ одного берега р. Днѣпра на другой; въ началѣ XVIII вѣка, вслѣдствіе войнъ Россіи со Швеціей и Турціей, равно какъ и вслѣдствіе возстанія козачества въ западной Украинѣ, это движеніе усилилось; населеніе представляло собой какъ бы волнующееся море; но былъ случай и одновременной, хотя и невольной, перекочевки его. По прутскому договору съ Турціей, Петръ I обязался отказаться отъ западной Украины и вывести свои войска изъ предѣловъ Рѣчи Посполитой. Въ изданномъ по этому поводу 23 сентября 1711 года

---

[1]) «Widok przemocy na słabą niewinność srogo wywartey». Изданіе Императорскаго общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, при московскомъ университетѣ. 1869 г., стр. 10 и 11, стр. 61—63.

царскомъ указѣ повелѣвалось: „со всѣхъ мѣстечекъ, селъ и деревень обитателей перевесть въ Малую Россію и *тѣмъ землямъ быть впустѣ всегда*". Въ силу такого царскаго распоряженія, населеніе перегонялось и имущество перевозилось; многіе переселялись неохотно. По счету польскаго правительства, въ это время было переведено на лѣвый берегъ Днѣпра болѣе 100,000 душъ. Овладѣвъ Украиной, шляхта озаботилась привлеченіемъ въ нее рабочихъ рукъ и съ этою цѣлью перезывала съ востока переселенцевъ, обѣщая имъ разнаго рода льготы, свободу и даже предоставляя имъ право потомственнаго владѣнія на небольшія участки земли. Старанія шляхты увѣнчались успѣхомъ, благодаря тому, что въ это время, въ русскомъ государствѣ усиленіе гнета помѣщиковъ надъ крестьянами, вмѣстѣ съ жестокимъ преслѣдованіемъ раскольниковъ, вызвало въ огромныхъ размѣрахъ побѣги и тѣхъ и другихъ на правый берегъ пограничной рѣки,—побѣги, дошедшіе крайнихъ предѣловъ къ 1734 году, когда мы въ первый разъ въ актовыхъ книгахъ нашего архива встрѣчаемъ указъ или манифестъ о возвратѣ бѣглыхъ. Но и русское правительство, въ виду такого убыточнаго и печальнаго для него оборота дѣла, не осталось недѣятельнымъ: чрезъ своихъ пословъ оно начало предъявлять къ Варшавѣ требованія о выдачѣ эмигрантовъ. Польскіе сановники вполнѣ признавали право Россіи, но только на дезертировъ и преступниковъ; что же касается крестьянъ и раскольниковъ, то объ нихъ заявляли, что въ случаѣ ихъ выдачи, они опасаются бунта, какъ со стороны своевольной шляхты, такъ и отъ самихъ бѣглецовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ они напоминали нашему послу объ указанномъ нами выше фактѣ переселенія Петромъ I народа на лѣвый берегъ и объ отказѣ выдать переселенцевъ, не смотря на настоятельныя требованія варшавскаго двора. Польскіе министры боялись также поэтому шума на сеймахъ и возбужденія ненависти къ Россіи. Впрочемъ, они обѣщали стараться, чтобы постановленіе о непринятіи бѣглыхъ было внесено въ сеймовую конституцію, а также издать о томъ предварительно универсалъ. Но изданныя распоряженія не достигали своей цѣли, потому что шли въ разрѣзъ съ видами дворянства, привыкшаго считать свою волю и свои интересы выше интересовъ общегосударственныхъ. Какъ относилось оно къ распоряженіямъ своихъ властей, показываетъ случай, переданный въ своемъ

донесеніи полковникомъ Пановымъ, отправленнымъ въ польскія владѣнія для сыску бѣглыхъ, которыхъ, замѣтимъ мимоходомъ, тамъ считалось до милліона. Въ Вильнѣ Пановъ нашелъ 50 человѣкъ бѣглыхъ солдатъ и когда потребовалъ отъ тамошняго подвоеводы ихъ выдачи, предъявляя при этомъ приказъ канцлера литовскаго князя Чарторыйскаго, то подвоевода отвѣтилъ: „это только наша польская политика". Да и само правительство Рѣчи Посполитой было въ этомъ отношеніи не безъ грѣха, колеблясь въ своихъ распоряженіяхъ и отмѣняя такія, которыя были сдѣланы изъ страха: въ инструкціи учрежденнымъ въ с. Мотовиловкѣ пограничнымъ судамъ предписывается, на требованія русскихъ коммисаровъ о выдачѣ бѣглыхъ крестьянъ и раскольниковъ, отказывать и ставить имъ на видъ указъ Петра I отъ 23 сентября 1711 года [1]). Такъ какъ это предписаніе вполнѣ совпадало съ желаніями шляхты, то и исполнялось ею неуклонно; даже въ 1764 году польскіе пограничные коммисары, представляя отчетъ королю и бывшему при немъ постоянному совѣту (rada nieustająca) о своихъ дѣйствіяхъ, указываютъ на требованія со стороны Россіи о выдачѣ бѣглыхъ и вспоминаютъ при этомъ тѣ 100,000 душъ, которыя переселены были силой въ восточную Украйну послѣ козацкихъ войнъ въ Кіевщинѣ. Такимъ образомъ, помѣщики смотрѣли на перебѣгавшихъ къ нимъ крестьянъ, какъ на возвращавшихся послѣ 1711 года. Еще болѣе хитрой политикой оказался совѣтъ польскихъ министровъ, предложенный ими русскому правительству, издать такой манифестъ, по которому возвращающіеся могли-бы надѣяться на льготы и пособія при заведеніи въ Россіи на-ново хозяйствъ, на свободу отъ податей, на забвеніе преступленій и проч. Совѣтъ былъ принятъ и исполненъ; указъ со льготами для возвращавшихся былъ изданъ, а польское правительство еще раньше заявило готовность такого рода указъ или манифестъ занести въ актовыя книги своихъ судовъ, дабы всякій могъ знать и читать его. Подъ 1734 годомъ печатный экземпляръ этого документа мы находимъ въ луцкой гродской книгѣ [2]). Въ немъ не только рисуется тяжелое положеніе бѣжавшихъ въ Польшу русскихъ подданныхъ, но исчисля-

---

[1]) Книга центр. архива № 202, л. 105, на оборотѣ.

[2]) Полн. собр. законовъ т. IX, № 6534.

ются препятствія къ возврату ихъ, выставляемыя польскими помѣщиками, и указываются средства, принимаемыя русскимъ правительствомъ на тотъ случай, если-бы его бывшіе подданные пожелали снова поселиться на родинѣ. Правительство императрицы Анны Іоанновны говоритъ, что „подданные Ея Величества, бѣжавшіе какъ изъ царской службы, такъ мѣщане изъ городовъ и изъ уѣздовъ холопы и малороссійскіе люди, живутъ за границей, гдѣ, вмѣсто надежды на пожитки и прежній покой, бѣдствуютъ и занехаютъ свой христіанскій законъ, вслѣдствіе чего гибнутъ и душей, и тѣломъ“. Помянутымъ указомъ оно объявляетъ, что въ томъ-же 1734 году, чтобы всѣмъ была извѣстна заботливость государыни, какъ матери отечества, два раза уже повелѣвалось публиковать манифестами [1]), что всѣмъ бѣглецамъ разрѣшается свободный возвратъ на родину; и на этотъ разъ, по смыслу указа, имъ не только прощается бѣгство и совершенныя прежде преступленія, но они причисляются къ вѣрнымъ подданнымъ; то-же относится и къ дезертирамъ; перемѣнившіе религію должны будутъ лишь принести церковное покаяніе; для возврата назначается два срока: послѣ первой публикаціи настоящаго указа двухмѣсячный и послѣ второй—полуторамѣсячный. „Между тѣмъ“, говорится далѣе въ указѣ „извѣстно, что не многіе возвращаются, не смотря на оказанную снисходительность, другіе бродятъ и губятъ свои души; помѣщики-же употребляютъ всѣ возможныя средства для удержанія бѣглецовъ [2]): желающихъ возвратиться въ Россію родителей разлучаютъ съ дѣтьми, увозятъ послѣднихъ въ другія имѣнія, самихъ возвращающихся подвергаютъ жестокимъ побоямъ, нерѣдко забиваютъ ихъ до смерти, а имущество захватываютъ въ свою пользу; новыхъ-же переселенцевъ приглашаютъ бѣжать въ

---

[1]) Къ сожалѣнію, этихъ манифестовъ намъ не удалось найти въ актовыхъ книгахъ, въ Полн. собр. закон. они помѣщены въ VIII т., №№ 6141 и 6181.

[2]) Объ этихъ средствахъ говоритъ въ своемъ донесеніи и полковникъ Пановъ. Начальные люди, по его словамъ, пошлютъ ловить бѣглецовъ, приведутъ человѣкъ 20 и отдадутъ одного или двоихъ, оставя у себя ихъ родныхъ, чтобы они возвратились; а кто доносилъ Панову о бѣглыхъ, тѣхъ били постромками. Ксёндзъ Аскирка, у котораго 40 деревень было населено русскими бѣглецами, объявилъ, что онъ на предписанія польскихъ министровъ и смотрѣть не хочетъ, да и съ самимъ Пановымъ грозилъ поступить дурно. (Соловьевъ. Исторія Россіи т. XVIII, стр. 273).

Польшу, обѣщая всякія льготы и выгоды". Затѣмъ въ указѣ повторяется еще разъ убѣжденіе возвратиться въ Россію, потому что имъ, бѣглецамъ, «nie tyłko winy ich odpuszczone, lecz y w komput wiernych poddannych oni przyłączone będą». Вмѣстѣ съ тѣмъ, объявлялось: „возвратившіеся освобождаются на нѣкоторое время отъ государственныхъ податей, а помѣщики, равно какъ и монастыри, по приказанію государыни, должны выдать имъ хлѣбъ и лошадей на первое обзаведеніе; пріемъ бѣглыхъ производится такъ, какъ публиковано было въ прежде изданныхъ манифестахъ; пограничнымъ крестьянамъ дается также льгота отъ платежа податей и недоимокъ и предписывается начальству оказать имъ помощь зерновымъ хлѣбомъ на засѣвъ". Въ заключеніе указъ предупреждаетъ, что бы бѣглецы переселеніемъ въ Польшу не приводили-бы своего хозяйства къ разоренію, не подвергали-бы себя ограбленію, разлукѣ съ дѣтьми и мученіямъ и не ставили-бы себя въ необходимость жить бродягами и губить свою душу [1]).

Какъ ни странно, но указъ русской государыни къ своимъ подданнымъ напечатанъ, въ с.-петербургской академіи наукъ, на польскомъ языкѣ, конечно, совершенно непонятномъ для тѣхъ, кому предназначался самый этотъ документъ, и занесенъ въ актовыя книги суда, исключительно существовавшаго для нуждъ шляхты; кромѣ того, онъ внесенъ въ книги волынскаго воеводства, гдѣ колоніи русскихъ выходцевъ были весьма малочисленны, тогда какъ въ кіевскомъ они занимали все правое побережье Днѣпра; и вотъ въ кіевскихъ-то книгахъ мы указа и не находимъ. Нельзя, намъ кажется, не видѣть и въ этомъ польской политики — накормить овецъ и сохранить сѣно. Само собою разумѣется, что этотъ указъ цѣли своей никоимъ образомъ достичь не могъ,—если книги гродскихъ судовъ были во всякое время и для всѣхъ открыты, то не для крестьянъ, находившихся во власти помѣщика, неполноправныхъ передъ королевскимъ судомъ, а всецѣло подчинявшихся доминіальной юрисдикціи; написанный-же на польскомъ языкѣ, документъ, конечно, оставался непонятнымъ русскимъ выходцамъ, не успѣвшимъ въ короткое время ополячиться. Безрезультатность двухъ предшествующихъ указовъ отмѣчена въ указѣ 1734 года: „немно-

[1]) Книга центр. архива подъ № 1659, л. 369.

гіе бѣглецы возвращались", говорится въ немъ. Не многіе возвратились и послѣ изданія послѣдняго, такъ что ровно черезъ 6 лѣтъ, 7-го февраля 1740 года, командовавшій войсками генералъ-фельдмаршалъ графъ Минихъ внесъ въ актовыя книги новый манифестъ, въ которомъ старается убѣдить бѣглыхъ солдатъ, драгуновъ и «ynnych ludzi», чтобы они возвращались обратно въ Россію безъ всякаго страха и боязни предъ наказаніемъ, потому что государыня «odpuszczają onym wszystkie winy, przyimując do łaski y mieysca, gdzie y przed tym byli». Срокъ для возврата бѣглыхъ на родину фельдмаршалъ назначилъ шестимѣсячный со дня публикаціи манифеста, поясняя, что возвращающіеся принимаются русскими офицерами на форпостахъ и снабжаются содержаніемъ до мѣста, гдѣ поселятся, и снова повторяя, что переселенцы должны являться въ свое отечество, „nie tracąc nadziej za wine sztrafu, ale jak wierne poddani". Польское правительство, въ виду, вѣроятно, его прежняго молчанія, приглашалось, въ знакъ сосѣдской пріязни, а особенно при тогдашнемъ „szczęsliwym z Portoiu Otomanskoiu pokoiu", обнародовать изданный манифестъ не только между живущими привольно, но и состоящими на службѣ дезертирами и дать этимъ послѣднимъ средства и возможность возвратиться въ свое отечество, при чемъ обѣщается, что и польскіе бѣглецы, также въ знакъ пріязни, будутъ высылаемы изъ Россіи [1]).

Не смотря на заискивающій тонъ этого обращенія русскаго полководца къ польскимъ властямъ, послѣдніе не торопились приводить въ исполненіе требованій, шедшихъ въ разрѣзъ съ ихъ экономическими выгодами. Поэтому 15-го іюля 1744 года, какъ узнаемъ мы изъ одного акта, касающагося исторіи гайдамацкаго движенія, былъ обнародованъ новый „*простительный указъ*", такъ названный русскими пограничными судьями [2]). За 12 лѣтъ до Коліивщины издается Елисаветой Петровной и Екатериной II-ой рядъ указовъ [3]) о возвратѣ бѣглыхъ. Съ особенной энергіей поляки протестовали противъ указа 1764 г. и отказывали въ ихъ выдачѣ; русскіе судьи, въ силу этого же указа, отказывали въ выдачѣ поль-

---

[1]) Книга центр. архива подъ № 4625, л. 39.

[2]) Архивъ югозапад. Россіи. Акты о гайдамакахъ. стр. 386.

[3]) Полн. собр. закон. т. XIV №№ 10454 (1755 г.), 10619 (1756 г.); т. XV. №№ 10889, 11179, 11456, 11265 (1758—1761 г.); т. XVI: №№ 11618, 11725 (1762 г.), 11815, 12011 (1763 г.), 12074 (1764 г.)

скихъ крестьянъ. Польскіе пограничные коммисары, протестуя противъ непріятнаго для нихъ указа, исчисляютъ всѣ случаи, когда русскія войска уводили будто-бы польскихъ крестьянъ, не забывая упомянуть при этомъ еще разъ и о выселеніи 1711 года, по указу имп. Петра І-го [1]). Судя по горячему протесту, какой обнаружили теперь поляки, можно думать, что и въ данномъ случаѣ Екатерина принялась за дѣло со свойственной ей энергіей. Подобный же призывъ къ бѣглецамъ видимъ въ указѣ 1779 года, подписанномъ 5 мая въ Царскомъ Селѣ, но появляющемся въ актовыхъ книгахъ только 16 августа [2]). Бѣглые крестьяне и дезертиры, говорится въ этомъ указѣ, послѣ всѣхъ изданныхъ до сихъ поръ указовъ должны быть строго судимы и вытребованы изъ Польши, но, „по врожденному состраданію и милосердію", государыня и на сей разъ прощаетъ бѣглецамъ ихъ преступленія, исключая душегубцевъ, и позволяетъ имъ возвратиться въ свое отечество. Возвращеніе предлагается на слѣдующихъ условіяхъ: 1) прощеніе преступленій дѣлается подъ условіемъ, что бѣглецы, по возвратѣ, честной жизнью загладятъ свои вины и заслужатъ то, что дастся имъ; 2) крестьяне, казенные и помѣщичьи, солдаты, запорожцы и малороссы могутъ возвращаться къ пограничнымъ комендантамъ, которые обязаны принять ихъ снисходительно и не имѣютъ права дѣлать имъ какія-либо стѣсненія; 3) запорожцамъ и малороссамъ назначаются для поселеній губерніи: новороссійская и азовская, а великороссамъ — курское, воронежское и тамбовское намѣстничества; 4) бѣглецамъ, если пожелаютъ, разрѣшается приписываться въ городахъ къ мѣщанамъ; 5) поселяющимся въ вышеозначенныхъ губерніяхъ дается свобода отъ податей на шесть лѣтъ и за тѣмъ они обязаны платить наравнѣ съ другими (при этомъ въ указѣ замѣчено, что въ тѣхъ губерніяхъ земли еще никѣмъ не занятой довольно много); 6) помѣщичьимъ крестьянамъ позволяется вступать въ военную службу, при чемъ они записываются въ число рекрутъ, причитающихся отъ ихъ господъ. Въ заключеніе, болѣе строгимъ тономъ объявляется, что о всѣхъ невозвратившихся будутъ собраны

[1]) Книга центр. архива подъ № 196, л. 177.

[2]) Книга центр. архива подъ № 4681, л. 1018 и 1019. Полн. собр. законовъ т. XX, № 14870.

точныя справки, гдѣ кто живетъ, и они будутъ вытребованы чрезъ сосѣднее правительство и строго наказаны. Сравнивая настоящій документъ съ подобными же предъидущими, мы видимъ, что онъ заключаетъ въ себѣ условія, болѣе выгодныя для крестьянъ: первые указы позволяли имъ возвращаться лишь на старыя мѣста къ прежнимъ помѣщикамъ, которые безнаказанно могли мстить довѣрчивымъ переселенцамъ; настоящій вызываетъ ихъ для колонизаціи присоединеннаго новороссійскаго края и для заселенія южной великорусской границы, отводя каждой народности болѣе знакомыя ей мѣста; словомъ, колонизація является главной цѣлью указа. Другое его преимущество въ томъ, что существамъ до тѣхъ поръ совершенно безправнымъ, обязаннымъ только нести на себѣ всѣ повинности, предоставлялась большая или меньшая свобода съ правомъ приписываться въ сословіе мѣщанъ. Что указъ, благодаря тѣмъ льготамъ, которыя и въ самомъ дѣлѣ могли оказаться дѣйствительными, безъ труда достигалъ цѣли, мы въ правѣ предполагать, какъ по горячимъ протестамъ со стороны польскихъ пограничныхъ судей противъ требованій русской императрицы о выдачѣ бѣглыхъ, такъ и изъ указаннаго проф. В. Б. Антоновичемъ [1]) факта движенія крестьянъ изъ Кіевщины и Брацлавщины на югъ,—движенія, усилившагося послѣ присоединенія запорожскихъ степей и Крыма къ Россіи.

Изъ указовъ послѣ 1779 г. мы отмѣтимъ лишь наиболѣе важные, которые изданы въ 1780, 1785 и 1788 годахъ [2]) и могли служить (особенно послѣдній) поводомъ къ толкамъ о возбужденіи Екатериной возстанія, упорно державшимся въ 1789 году. Очень возможно, что усилившаяся къ этому времени потребность въ колонизаціи южныхъ окраинъ Россіи вызвала распространеніе одного изъ такихъ указовъ (скорѣе всего послѣдняго) среди русскихъ выходцевъ въ Польшѣ, какъ болѣе подходившихъ къ заселенію новопріобрѣтенныхъ степей.

Итакъ мы видимъ, что русское правительство издаетъ рядъ указовъ, приглашая въ нихъ своихъ бывшихъ подданныхъ къ воз-

---

[1]) В. Б. Антоновичъ, изслѣдованіе о крестьянахъ въ юго-западной Россіи по актамъ 1700—1798 г. Кіевъ, 1870 г. Это изслѣдованіе показываетъ, что указъ не оставался безъ вліянія и на польскихъ крестьянъ.

[2]) Полн. собр. законовъ т. XX: № 15006 (1780 г.), т. XXII; № 16281 (1785 г.) 16645 (1788 г.)

врату на прежнія мѣста, но изъ множества такихъ указовъ въ актовыхъ книгахъ мы находимъ всего лишь три; объ остальныхъ-же имѣемъ извѣстія въ посторонних источникахъ. Ясно отсюда, что въ Петербургѣ скоро была разгадана „польская политика", и съ тѣхъ поръ „простительные указы" черезъ довѣренныхъ лицъ прямо сообщаются тѣмъ, къ кому они относятся. Этотъ путь прямаго сообщенія монархомъ своей воли подданнымъ очень часто практиковался, какъ въ московскомъ, такъ и въ польскомъ государствахъ, и въ первомъ случаѣ былъ особенно невыгоденъ и непріятенъ для шляхты, ибо въ такой странѣ, какъ бывшая Рѣчь Посполитая, поднять народную массу, вѣчно угнетаемую, постоянно недовольную и подверженную частому броженію, да притомъ пришлую, несвязанную ничѣмъ съ новымъ мѣстомъ своего поселенія, было не трудно. Неудивительно поэтому, если актовыя книги гродскихъ судовъ охотно открывались для царскихъ указовъ, этимъ путемъ объявляемыхъ, а прямое сообщеніе ихъ крестьянамъ, стоило жизни тому смѣльчаку, который рѣшался брать на себя это порученіе. Насколько враждебно относились поляки къ „простительнымъ указамъ", распространяемымъ въ народѣ русскими торговцами-офенями, могутъ служить слѣдующіе два документа, встрѣченные нами въ пограничныхъ книгахъ кіевскаго воеводства. Въ одной изъ такихъ книгъ [1]), заключающей въ себѣ перечень убытковъ, нанесенныхъ польскими войсками и обывателями русскимъ подданнымъ, подъ № 441, помѣщено, между прочимъ, донесеніе о такомъ случаѣ кіевской губернской канцеляріи 7 мая 1747 года: „изъ малороссійскихъ панствъ" обыватель *пилиповской* (т. е. раскольничьей) слободы, черниговскаго полка, Алексѣй Бугаевъ плылъ со своими людьми на четырехъ плотахъ внизъ по Днѣпру, въ Кіевъ, для торговли. И вотъ, у Мировши, гдѣ сорокошицкій форпостъ, противъ польскаго села Домонтова, нападають на плоты Бугаева пять человѣкъ жолнѣровъ, стоявшихъ на форвактахъ. Они схватываютъ хозяина, „*przeczdzieąc iakowegoś ukazu*" и требуя уплаты по рублю за каждый плотъ. Бугаевъ въ уплатѣ денегъ отказалъ, его за то избили «rurami», силой отняли деньги, а при этомъ захватили вы-

---

[1]) Книга центр. архива, № 192, л. 81.

данный Бугаеву полковникомъ билетъ, который приняли, должно быть по незнанію русскаго языка, за интересовавшій ихъ „указъ"; этого достаточно было для нападавшихъ, чтобы, отъѣхавъ немного на своихъ двухъ челнокахъ, подстрѣлить ограбленнаго ими торговца. Рана была настолько тяжела, что Бугаевъ, тотчасъ по прибытіи въ Кіевъ, умеръ. Между тѣмъ преступники спокойно возвратились на свой сторожевой постъ. Оказалось, что они принадлежали къ отряду товарища хоругви Іосифа Островскаго, стоявшаго на форвактахъ и именовавшагося региментаремъ. На обращенныя къ нему пограничными коммисарами требованія объ удовлетвореніи за убійство и ограбленіе русскаго купца отвѣта не получено. Точно также остались безъ всякихъ послѣдствій эти требованія и у великаго коронаго гетмана, къ „диспозиціи" котораго относился Островскій. Отсюда можно заключить, что розыски „указа" происходили съ вѣдома и согласія высшихъ властей. Въ силу изложеннаго донесенія губернской канцеляріи, русскіе коммисары настаивали на томъ, чтобы виновные были представлены въ пограничный судъ, но ни въ этомъ, ни въ слѣдующихъ годахъ мы не видимъ, что-бы дѣло это разбиралось или было рѣшено. Польскіе коммисары, не отрицая факта розыскиванія „указа", обѣщали написать региментарю о самоуправствѣ жолнѣровъ, но съ этимъ прекращается дальнѣйшая переписка. Болѣе точныя подробности о содержаніи этого злополучнаго „указа" мы находимъ въ другомъ актѣ [1]), именно—въ жалобѣ вышедшаго изъ-за границы, „изъ бѣговъ", русскаго подданнаго Тихона Аѳанасьева Фолгинина, занесенной въ іюлѣ 1759 года въ пограничный судъ. По словамъ жалобщика, во время пребыванія его въ Польшѣ, въ имѣніи хорунжаго Нитоставскаго, въ „пилиповской" слободѣ Якушинцахъ, послѣдній, узнавъ, что у него Фолгинина находится указъ „Naiasnieyszey Monarchini Rossyiskiey, odpuszczający zbiegłym winy", сталъ сначала упрекать его, зачѣмъ онъ этимъ указомъ всѣхъ живущихъ въ его имѣніи русскихъ крестьянъ „zbuntował", потомъ отнялъ у него самый документъ и, наконецъ, заграбилъ все его имущество (шесть лошадей съ нагруженными льномъ

[1]) Книга центр. архива № 193, л. 206, на оборотѣ.

тремя возами). Арестованнаго Фолгинина, съ женой Анной Евфимовой и ребенкомъ, Нитоставскій отправилъ въ имѣніе винницкаго судьи Грохольскаго, въ мѣстечко Стрижавку, препровождая при этомъ и „простительный указъ". Въ Стрижавкѣ обвиняемый былъ представленъ Грохольскимъ на судъ „wysadzonych" отъ польскаго шляхетства двухъ коммисаровъ, которые подвергли его жестокимъ пыткамъ: нѣсколько разъ били палками, давили пальцы клещами и проч. Жену Фолгинина коммисары приказали сѣчь розгами; отъ великаго страха она уронила бывшаго у нея на рукахъ ребенка, который тутъ-же и убился до смерти. Самый указъ судьи порвали и потребовали выдачи денегъ, „*московскихъ рублей*", подъ которыми они, очевидно, разумѣли деньги, выданныя ему, какъ агенту, русскимъ правительствомъ. Обвиняемый надѣялся-было утаить свое богатство, но, послѣ трехъ мѣсяцевъ тюремнаго заключенія, долженъ былъ купить себѣ свободу кровными 2000 червонныхъ, добытыми, по его показанію, его отцемъ и имъ самимъ посредствомъ „kupieckiego przemysłu". Онъ подробно и какъ бы съ удареніемъ говоритъ, откуда у него деньги. Отпущенный на волю, Фолгининъ поторопился въ Россію и просилъ ходатайства русскихъ коммисаровъ о переселеніи къ нему и его семейства, остававшагося пока въ мѣстечкѣ Городищѣ на польской сторонѣ; при этомъ онъ сообщилъ, гдѣ и кого замѣтилъ изъ русскихъ бѣглецовъ. Въ силу этой жалобы коммисары потребовали выдачи послѣднихъ, согласно королевскимъ универсаламъ, а также представленія на судъ Нитоставскаго и Грохольскаго, обвиняемыхъ въ разорваніи царскаго указа, въ ограбленіи, нанесеніи побоевъ и въ причиненіи мученій Фолгинину и его женѣ. Польскіе коммисары отвѣтили на эти требованія совершеннымъ молчаніемъ, такъ что въ іюлѣ 1760 года эти требованія снова повторяются въ актовой книгѣ [1]). Русскіе судьи еще разъ напоминаютъ полякамъ о постоянномъ нарушеніи ими трактатовъ между Россіей и Польшей по вопросу о выдачѣ бѣглыхъ крестьянъ и дезертировъ, напоминаютъ о неисполненіи ими королевскихъ универсаловъ, предписывающихъ таковую выдачу и запрещающихъ укрывательство, ставятъ на видъ препятствія, дѣ-

---

[1]) Ibid., л. 253.

лаемыя помѣщиками тѣмъ изъ бѣглецовъ, которые хотятъ возвратиться въ свое прежнее отечество, и, наконецъ, указываютъ на разорваніе указа, мученіе и ограбленіе семьи Фолгинина. Но и послѣ этихъ напоминаній удовлетворенія не послѣдовало; видно, оскорбительное, на взглядъ русскихъ, отношеніе къ царскому указу не считалось такимъ у шляхтичей, привыкшихъ иначе относиться къ распоряженіямъ своихъ королей. Примѣръ этому мы находимъ не только въ современной указамъ исторіи Мелхиседека Значко-Яворскаго, когда одинъ разъ шляхтичи едва не разорвали королевскаго „привилея", признающаго свободу православія, а въ другой разъ отозвались о его годности въ весьма нескромныхъ выраженіяхъ, но и въ исторіи предшествующихъ вѣковъ. Извѣстное шаткое и зависимое отъ шляхты положеніе польскихъ королей дѣлаетъ этотъ фактъ понятнымъ и избавляетъ насъ отъ необходимости вдаваться въ подробности. Не могли также, мы думаемъ, поляки отговариваться и тѣмъ, будто русское правительство, посылая свои указы непосредственно къ бѣжавшимъ крестьянамъ, дѣлало что-либо необычное, выходящее изъ ряда и нарушавшее общественное спокойствіе въ сосѣднемъ государствѣ; мы уже раньше сказали, что путь непосредственнаго отношенія верховной власти къ подданнымъ практиковался не въ одной Россіи, но и въ Польшѣ; теперь-же со стороны Россіи это дѣлалось съ вѣдома, согласія и даже совѣта высшихъ чиновъ Рѣчи Посполитой и относилось только къ пришлому, а не къ коренному населенію этого государства. Иначе поступали польскіе помѣщики, присылая „публичные листы" въ русскія села, чтобы перезвать оттуда крестьянъ въ свои, все болѣе пустѣвшія къ концу XVIII вѣка, имѣнія. На это жаловался въ свое время русскій посолъ въ Варшавѣ графъ Штакельбергъ и король Станиславъ-Августъ универсаломъ, 5-го сентября 1777 года [1]), признаетъ фактъ сманыванія польскими помѣщиками русскихъ крестьянъ для заселенія своихъ опустѣвшихъ имѣній, съ обѣщаніями всякаго рода выгодъ и вольностей, и хотя запрещаетъ перезывать къ себѣ крестьянъ изъ сосѣдней державы путемъ распространенія такихъ „публичныхъ листовъ", но допускаетъ заселеніе людьми, являющимися добровольно.

---

[1]) Книга центр. архива № 196, л. 145, на оборотѣ.

Подводя итогъ сказанному, мы приходимъ къ выводу, что господствовавшіе среди польскаго общества, во второй половинѣ прошлаго вѣка, толки о подстрекательствѣ Россіей подданныхъ Рѣчи Посполитой къ бунту основывались главнымъ образомъ на „*прости-тельныхъ*“ указахъ, разсылавшихся въ мѣста населенія бѣглецовъ, послѣ того какъ внесеніе этихъ указовъ въ актовыя книги, да еще на польскомъ языкѣ, оказалось своего рода „политикой“; вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя не признать, что эти указы давали поводъ угнетенному русскому населенію Польши по своему толковать распоряженія русскихъ властей во время гайдамацкаго движенія, и особенно въ свою пользу объяснять изданные передъ Коліивщиной русскимъ правительствомъ, особенно Екатериной II, манифесты и дипломатическія ноты въ защиту православныхъ обитателей польскаго королевства. Что дѣйствительно упомянутые указы служили главнымъ основаніемъ клеветы на русское правительство изъ-за бунта въ Украйнѣ и на Волыни, это видно, между прочимъ, также и изъ совпаденія времени внесенія первыхъ въ актовыя книги со временемъ найбольшаго распространенія второй.

Въ заключеніе, два слова о томъ, что разумѣли поляки подъ словомъ „бунтъ“. Кромѣ открытыхъ возстаній, въ родѣ Коліивщины 1768 г., которыми заканчивался народный протестъ противъ двойнаго—религіознаго и экономическаго польскаго гнета, бунтомъ считалось простое возвращеніе народа отъ уніи къ вѣрѣ отцевъ, хотя народная масса оставалась при этомъ спокойною, твердо идя къ своей цѣли. Изъ сообщенныхъ нами документовъ о возвратѣ бѣглыхъ, мы видимъ, что крестьяне, обманутые польскими обѣщаніями и желавшіе возвратиться на родину, обзывались также бунтовщиками, подвергаясь ограбленію и побоямъ. Неудивительно послѣ этого, если, по такимъ понятіямъ о бунтѣ, и на русское правительство того времени сыпались обвиненія въ соучастіи его въ бунтахъ,—обвиненія, пустившія корни и въ глубь и въ ширь.

Поводъ къ такимъ обвиненіямъ и основанія для нихъ ясны; трудно только рѣшить, гдѣ первоначально возникали толки о возбужденіи противъ Польши православнаго русскаго ея населенія русскимъ правительствомъ: въ средѣ-ли самаго этого населенія, въ видѣ надеждъ на защиту отъ притѣсненій въ исповѣданіи вѣры и попустительства на собственную расправу его съ своими притѣсни-

телями, или-же въ средѣ шляхты—въ видѣ прямыхъ обвиненій въ подстрекательствѣ изъ политическихъ разсчетовъ. Съ большею вѣроятностію полагать можно, что происхожденіе этихъ толковъ одновременно въ той и другой средѣ, такъ какъ обѣ онѣ были въ нихъ непосредственно и одинаково заинтересованы. Разница здѣсь лишь въ содержаніи и характерѣ слуховъ и толковъ, измѣнявшихся соотвѣтственно средѣ, въ которой они возникали и держались: въ то время, когда православное населеніе Польши смотрѣло на всякіе доходившіе до него царскіе указы и манифесты съ надеждою на лучшую жизнь, менѣе тревожную, шляхта видѣла въ нихъ посягательство на цѣлость своего отечества и на свое спокойствіе; оттого шляхта въ оправданіе себя старалась взвалить на русское правительство и его указы всю отвѣтственность за постигшія Польшу бѣды, которыя, въ дѣйствительности, были естественнымъ послѣдствіемъ, съ одной стороны, слабости центральной власти, внутреннихъ неурядицъ и іезуитско-еврейскаго владычества, а съ другой—управительской плети надъ хлопами, рядомъ съ золотой шляхетской вольностью.

И. Каманинъ.

Къ характеристикѣ Д. Г. Бибикова

(б. генералъ-губернатора юго-западнаго края 1838—1852 г.).

Димитрій Гавриловичъ Бибиковъ принадлежитъ къ числу тѣхъ не многихъ выдающихся дѣятелей временъ императора Николая І-го, которые въ своей дѣятельности съ большою вѣрностію отражали духъ его царствованія и которыхъ дѣйствія, проникнутыя умомъ, сознаніемъ ясно представляемой цѣли и строго опредѣленною системою, дали найболѣе видимые результаты.

Такою дѣятельностію и такими ея результатами найболѣе богато то время жизни Димитрія Гавриловича Бибикова, которое онъ провелъ въ званіи главнаго начальника юго-западнаго края. Его уму, энергіи, патріотизму и предпріимчивости этотъ край много обязанъ охраною вѣковыхъ историческихъ его правъ, поднятіемъ народнаго самосознанія, политическимъ спокойствіемъ, вообще тѣмъ, что онъ не превратился изъ кореннаго и древнѣйшаго русскаго края въ патріотическій польскій станъ и польскую провинцію.

Для изучающаго судьбы южной Россіи, при настоящемъ обиліи историческаго матеріала, не имѣется уже сомнѣнія въ томъ, что ничто столько не способствовало ополяченію русскихъ областей бывшей Рѣчи Посполитой, какъ возвращеніе ихъ Россіи, что никогда польскій духъ не ширился въ этихъ провинціяхъ съ такою легкостію и быстротою, какъ подъ сѣнію русскаго трона, и никогда польско-католическая пропаганда не работала здѣсь такъ свободно и успѣшно, какъ надъ охраною русскихъ законовъ и русской власти. Россійская простота долго не могла понять и примѣтить всѣхъ тонкостей польско-іезуитской политики; она не могла (да, кажется, и не желала) уразумѣть то состояніе, въ какомъ возвращались Россіи ея древнѣйшія области. Достойно замѣчанія, что

уже ко времени присоединенія Малороссіи затемнено было понятіе о племенномъ и прежнемъ политическомъ единствѣ двухъ половинъ Россіи. Жители Малороссіи долгое время по ея присоединеніи трактовались, какъ „черкешанины" и „люди черкесской породы", и Петръ I-й изъ ближайшихъ политическихъ разсчетовъ не затруднялся дважды отдавать Западную Украйну на жертву польскому фанатизму. За тѣмъ во все продолженіе дипломатическаго заступничества русскаго двора за православныхъ обитателей польскаго королевства, отъ Петра I до Екатерины II, единственнымъ мотивомъ этого заступничества выставлялось единовѣріе, о единствѣ-же племенномъ не было и помину. Блестяще образованные, но мало просвѣщенные и даже малограмотные вельможи Екатерины, рѣшившіе участь Польши, всего менѣе знали то, что предстояло имъ дѣлать съ возвращенными отъ Польши русскими провинціями. Впрочемъ по господствовавшему тогда духу пріобрѣтенія и расточительности, по тогдашнимъ соціальнымъ воззрѣніямъ на крестьянскій людъ, который одинъ почти сохранилъ русскую народность въ присоединяемыхъ отъ Польши областяхъ, никому надъ этимъ и не приходилось задумываться. Никто поэтому не повѣрялъ инвентаря возвращаемаго, никто не смотрѣлъ, что и въ какомъ видѣ и положеніи возвращается; всѣ спѣшили лишь поживиться на счетъ возвращаемаго. Не успѣли мы присоединить Бѣлоруссію, какъ пошла раздача новоприсоединенныхъ душъ и земель: получали дяди за свои личныя заслуги и племянницы за заслуги дядей, брали и не имѣвшіе ни заслугъ, ни дядей, но только племянницъ,— бралъ наконецъ всякій, кто могъ. Тоже повторилось съ уничтоженіемъ Запорожья: сотни тысячъ десятинъ дѣвственныхъ полей шли въ одни руки, или тѣхъ, кто не противорѣчилъ этому дѣлу (генералъ-прокуроръ Вяземскій), или тѣхъ, которые были ближайшими его зрителями (кн. Прозоровскій); тысячи и десятки тысячъ ихъ давались по одной деньгѣ всѣмъ желающимъ заселять край, всѣмъ захожимъ и чужестраннымъ, всѣмъ, всѣмъ, кромѣ тѣхъ, которые одни имѣли на нихъ право или чувствовали въ нихъ нужду. И случилось при этомъ, что польское землевладѣніе проникло туда, куда прежде не смѣла шагнуть ни одна польская нога. Нѣчто подобное, хотя и въ меньшихъ размѣрахъ, совершилось во время присоединенія Украйны, Волыни и Подоліи.

Это присоединеніе, при установившейся уже твердости русскаго правительства, только закрѣпило тотъ гибельный порядокъ вещей, который привелъ Польшу къ разложенію. Снова очутились—другъ передъ другомъ—всевластный, признанный во всѣхъ своихъ правахъ панъ и совершенно уже безправный народъ, который не могъ уже, какъ прежде, заявить своего протеста противъ такого произвола и гнета, которымъ открылся теперь полный просторъ, гораздо большій, чѣмъ какимъ они пользовались за славной Рѣчи Посполитой. Безсильная тогдашняя власть не могла защитить ихъ отъ взрывовъ народной мести, которая одна служила для нихъ пугаломъ и уздою, теперь-же и власть была на ихъ сторонѣ. Мы надѣялись единственно на твердость власти, забывая, что основы, строй и условія жизни сильнѣе всякой власти. И что-же видимъ потомъ? На всемъ протяженіи древне-русскихъ областей, подъ скипетромъ россійскимъ, царитъ польскій духъ, дѣйствуетъ польское законодательство, господствуетъ, поддерживается и расширяется система польскаго національнаго образованія, своевольствуетъ по прежнему польскій панъ и закрѣпощаетъ искони вольныхъ людей, бездѣйствуютъ или потворствуютъ ему польскія-же, почти отъ самаго верху, власти. Православная вѣра, по прежнему въ загонѣ и пренебреженіи; древнѣйшія русскія святыни лежатъ въ развалинахъ и приходятъ еще въ большее запустѣніе, древнѣйшія русскія учрежденія попираются и уничтожаются, издревле выборные духовные пастыри и правители замѣняются лицами по назначенію, православныя церковныя братства преслѣдуются становыми приставами, какъ учрежденія, противныя духу винныхъ откуповъ, школы, такъ многочисленныя еще въ концѣ XVIII ст., къ 30 годамъ нынѣшняго столѣтія почти повсемѣстно прекращаютъ свое существованіе, земли у крестьянъ постепенно обрѣзываются, а ихъ повинности усиливаются до того, что не оставалось уже у крестьянина ни одного свободнаго дня въ недѣлѣ на его собственныя работы. Народъ стоналъ подъ игомъ польскихъ пановъ и въ отчаяніи восклицалъ: „за що насъ Царь ляхамъ въ неволю отдавъ? [1]).

---

[1]) Много разъ мы слышали въ дѣтствѣ эти именно слова отъ людей помнившихъ еще времена польскаго владычества. Общее убѣжденіе ихъ было, что тогда жить было гораздо легче и сноснѣе.

Весь этотъ строй и порядокъ вещей, вспомоществуемый нарочитыми миссіонерскими трудами польской пропаганды и даже покровительствуемый свыше (вспомнимъ времена Чарторыжскаго, друга Александра I) приводитъ къ возстанію 1831 г., которое не менѣе сильно было и въ присоединенныхъ отъ Польши провинціяхъ, какъ и въ коренныхъ ея областяхъ, а затѣмъ подготовители новаго возстанія къ 40-мъ годамъ покрываютъ весь юго-западный край цѣлою сѣтью демократическихъ кружковъ.

Никто изъ предшественниковъ Бибикова по управленію юго-западнымъ краемъ не могъ понять тогдашняго гибельнаго его положенія, обнять всѣхъ нуждъ его и принять соотвѣтственныя мѣры для водворенія въ немъ справедливаго порядка и возвращенія ему его вѣковаго историческаго русскаго образа. Одинъ изъ нихъ оставилъ по себѣ память лишь тѣмъ, что уничтожилъ въ Кіевѣ древнее его самоуправленіе и столицѣ русскаго православія далъ перваго городскаго голову изъ раскольниковъ, другой извѣстенъ по возмутительному сѣченію чрезъ нѣмца полицмейстера и разъѣзжавшихъ съ послѣднимъ козаковъ на улицахъ и площадяхъ всѣхъ тѣхъ, которые при проѣздѣ по городу не держались правой стороны. Д. Г. Бибикову принадлежитъ честь широкаго и глубокаго пониманія нуждъ края и возвращенія ему и его центру—Кіеву ихъ національныхъ историческихъ правъ. Заслуги его для нихъ велики и неисчислимы. Если принять въ соображеніе господствовавшіе въ то время у насъ понятія о внутренней политикѣ, то нельзя не удивляться смѣлости и глубинѣ проведеннаго Бибиковымъ взгляда, истинно національнаго и патріотическаго, а взвѣсивъ все сдѣланное и предпринятое имъ въ сравнительно короткій промежутокъ времени, невольно становишься въ тупикъ предъ его необъятною и не сокрушимою энергіею. Вотъ главнѣйшія дѣла, увѣковѣчившія здѣсь память этого замѣчательнаго администратора: подавленіе польскаго революціоннаго духа, очищеніе дворянскаго сословія отъ накопившейся вѣками и вновь фабриковавшейся праздной и тунеядной шляхты, составлявшей истинное бремя для края и всегдашній горючій политическій элементъ, уничтоженіе отдѣленій Польскаго Банка и учрежденіе кіевской коммерческой конторы Государственнаго Банка, ограниченіе произвола и гнета помѣщиковъ надъ крестьянами и разширеніе правъ послѣднихъ, вообще-же регуляція крестъ-

янскаго труда и взаимныхъ отношеній крестьянъ и помѣщиковъ посредствомъ такъ называемыхъ инвентарныхъ правилъ, ограниченіе правъ и мѣста осѣдлости другаго зловреднаго элемента въ лицѣ евреевъ, которые при Д. Г. Бибиковѣ не допускались, какъ при его преемникѣ, въ генералъ-губернаторскую гостиную *сквернаго ради прибытка,* хотя и подъ видомъ благотворенія,—вовсе не селились въ Кіевѣ, а появлялись въ немъ лишь на два дня и то по особой, при въѣздѣ получаемой запискѣ,—отмѣна искаженнаго саксонскимъ правомъ и другими болѣе сродными примѣсями Литовскаго Статута и введеніе русскаго законодательства, обезпеченіе быта православнаго духовенства назначеніемъ ему жалованья, постройкою домовъ и обработкою земель, обезпеченіе духовныхъ нуждъ православнаго сельскаго населенія посредствомъ обязательной для ихъ помѣщиковъ постройки новыхъ и исправленія обветшавшихъ церквей, поднятіе и усиленіе образованія въ краѣ посредствомъ возстановленія университета, котораго открытіе онъ принялъ на свою личную отвѣтственность, учрежденія института благородныхъ дѣвицъ въ Кіевѣ и многихъ среднихъ и низшихъ, военныхъ и гражданскихъ учебныхъ заведеній въ краѣ, наконецъ учрежденіе центральнаго архива—этого драгоцѣннаго и богатѣйшаго хранилища историческихъ памятниковъ и особой при генералъ-губернаторѣ коммисіи для разбора древнихъ актовъ, которая, подъ названіемъ временной, существуетъ около 40 лѣтъ и оказала неоцѣненныя услуги для мѣстной исторіи. Не говоримъ о томъ, что сдѣлано Бибиковымъ для укрѣпленія, украшенія и вообще благоустройства самаго Кіева—древнѣйшей столицы Россіи и матери градовъ русскихъ.

Отличительными свойствами всѣхъ предначинаній и мѣропріятій Д. Г. Бибикова по устройству края были: широта и смѣлость замысла, глубина взгляда, обнаруживавшаго истинно государственный умъ, патріотическая цѣль и такая-же подкладка, быстрота и рѣшительность дѣйствій, твердое и ничѣмъ не колеблемое выполненіе однажды задуманнаго. Но окруженный со всѣхъ сторонъ крамолою, не устанно работавшею, встрѣчая на каждомъ шагу тысячи препятствій, создаваемыхъ искусными и многоопытными руками, и платя дань времени, какъ могучій и сильный характеръ, онъ избиралъ не рѣдко для выполненія своихъ намѣреній такія формы и способы, которые въ извѣстной средѣ пронесли имя его, какъ вар-

вара, или необузданнаго сатрапа, не цѣнившаго въ грошъ никакихъ гражданскихъ и человѣческихъ правъ, когда дѣло шло о достиженіи имъ своихъ цѣлей. Съ другой стороны въ средѣ русскаго общества и населенія, помимо частныхъ нареканій, ни одно имя главнаго начальника края, ни прежде, ни́ послѣ, не пользовалось такою популярностію, какъ имя Димитрія Гавриловича; объ немъ толковали по своему простые мѣщане и даже крестьяне и всюду былъ извѣстенъ генералъ объ одной рукѣ. Доброе по природѣ сердце его удерживало его въ предѣлахъ справедливости и въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ, по видимому, давалъ мѣсто той злости, на которую самъ въ себѣ указывалъ, или-же вызывало въ немъ великодушіе и прощеніе; но перевѣсившая сила воли влекла его не рѣдко къ мѣрамъ крайнимъ, а изобрѣтательный умъ давалъ имъ такія оригинальныя формы, которыя усугубляли налагаемое на виновныхъ наказаніе и приводили ихъ въ страхъ и трепетъ. Онъ врагъ былъ всякихъ полумѣръ, не допускалъ никакихъ сдѣлокъ съ кѣмъ бы то ни было, а тѣмъ болѣе съ своею собственною совѣстію и держался, кажется, того правила, что благоразумнѣе предупреждать преступленіе страхомъ, чѣмъ карать оное жестокостію, пресѣкать его въ началѣ, или на половинѣ, хотя бы и крутою мѣрою, чѣмъ давать ему разростаться и привлекать всѣ тяжкія послѣдствія,—отсѣкать гнилой членъ сразу, чѣмъ возиться надъ его леченіемъ, не бывъ урѣреннымъ въ успѣхахъ онаго. Всегда ли онъ былъ предупредителенъ, проницателенъ и, такъ сказать, не погрѣшимъ, это другой вопросъ; но въ желаніи добра, прямотѣ и честности ему не отказывали и самые враги его. Господствовавшія въ то время понятія о формѣ, порядкѣ, дисциплинѣ, субординаціи и спасительности мѣръ крутыхъ, средствъ внѣшнихъ, считая здѣсь и сѣченіе, раздѣлялись вполнѣ этою цѣльною натурою и составляли ея больное мѣсто; но и замѣнившая бибиковскую систему другая, противуположная ей, обнаружила не менѣе ошибокъ, крайностей и увлеченій, въ концѣ концевъ приведшихъ къ возстанію 1863 г., а за тѣмъ къ преобладанію въ краѣ іудеевъ въ замѣнъ поляковъ. Ходилъ слухъ о томъ, что Бибиковъ, предпочитая *мѣры отеческія* всякимъ другимъ, примѣнялъ ихъ не къ обыкновеннымъ только лицамъ шляхетской крови, но и къ такимъ титулованнымъ особамъ, при томъ не одного грубаго пола, къ которымъ со времени ду-

бики Петровой они никогда не примѣнялись,—ходили эти слухи и доходили даже до свѣдѣнія императрицы Александры Ѳедоровны и, по словамъ передававшаго намъ очевидца, составили однажды въ присутствіи самаго Бибикова, предметъ веселыхъ шутокъ со стороны императора Николая Павловича, не вѣрившаго, конечно, такимъ баснямъ, но дававшаго государынѣ видъ, что расказываемое не только вѣрно, но совершалось даже не безъ его вѣдома и соизволенія. На сколько было правды во всѣхъ ходившихъ слухахъ объ употребленіи Бибиковымъ отеческихъ мѣръ и не соотвѣтственномъ ихъ по тогдашнимъ даже порядкамъ примѣненіи, едва-ли кто сказать можетъ; но въ 1852 г., когда Бибикова смѣнилъ кн. Васильчиковъ и, по докладу его, въ пріѣздъ имп. Николая Павловича въ Кіевъ, одинъ изъ поляковъ управлявшихъ большимъ имѣніемъ, за политическія манифестаціи былъ посланъ на Кавказъ рядовымъ, а другой, по заявленію его о непригодности къ военной службѣ, отданъ въ арестанскія роты, намъ самимъ пришлось слышать отъ поляковъ-же сожалѣніе о выходѣ Бибикова и о замѣнѣ мѣръ *отеческихъ* легальными: *bo, proszę pana, ten karał po ojcowsku*,—говорили наши собесѣдники, предпочитавшіе наказаніе поносное наказанію тяжкому, по его долгимъ послѣдствіямъ.

Гораздо болѣе вѣроятности и даже несомнѣнной вѣрности за тѣми многочисленными въ его служебной практикѣ случаями, въ которыхъ проявлялись просто его крутой нравъ, не терпѣвшій противорѣчій, его привычка повелѣвать, требовать точнаго исполненія его распоряженій, взыскивать строго за малѣйшее ихъ нарушеніе, его удивительная изобрѣтательность въ подборѣ спеціальныхъ, соотвѣтственныхъ преступленію наказаній и особенное умѣнье отъучи ь виновнаго отъ повторенія сдѣланнаго не столько тяжестію наказанія, сколько особою, такъ сказать, его внушительностію. Извѣстны напримѣръ и вполнѣ вѣрны примѣры посылки студентовъ—медиковъ въ фельдшера съ выслугою въ медики, суроваго наказанія за незастегнутую въ мундирѣ пуговицу и т. под. Кто о такихъ казусахъ не слыхалъ, кто ихъ не знаетъ? Но мы приведемъ въ фактическомъ видѣ нѣсколько найболѣе оригинальныхъ мѣръ исправленія и наказанія, которыя могъ придумать одинъ только Бибиковъ и которыя характеризуютъ его болѣе всякихъ отвлеченныхъ описаній и сужденій. За вѣрность этихъ разсказовъ въ ихъ по-

дробностяхъ мы ручаться, конечно, не станемъ, но приводимъ ихъ въ томъ видѣ, какъ они ходили въ свое время, передаваясь изъ устъ въ уста.

1. *Обращеніе уніатскаго священника въ православіе.* Въ 1839 г., какъ извѣстно, совершилось присоединеніе къ православію всѣхъ уніатовъ сѣверо-западнаго и юго-западнаго края. Въ послѣднемъ, гдѣ ихъ осталось самое незначительное число, нашелся однако одинъ не молодой священникъ, который не пожелалъ послѣдовать общему примѣру и мутилъ своихъ прихожанъ. Послѣ тщетныхъ и долгихъ увѣщаній со стороны духовныхъ властей, Бибиковъ, который не любилъ, чтобы у него что-либо нарушало общій порядокъ, потребовалъ священника къ себѣ. Послѣдній доставленъ былъ экстренно съ жандармами и ими же введенъ въ пріемный залъ.

— Желаете-ли, батюшка, принять православіе?—спросилъ послѣ нѣкоторой прелюдіи генералъ.

— Не желаю,—былъ отвѣтъ.

— Думаю,—это отъ того, продолжалъ генералъ, что вы не имѣли времени подумать надъ этимъ дѣломъ. Подумайте на досугѣ и потомъ мнѣ скажете.

Генералъ далъ знакъ и ослушника увели. Въ передней ему повязали платкомъ глаза, усадили въ карету и повезли, неизвѣстно куда. Доставивъ по назначенію, его долго вели по какимъ-то переходамъ и корридорамъ и наконецъ ввели въ какую-то комнату. Когда повязка была снята, онъ увидѣлъ молчаливо удаляющихся жандармовъ, услышалъ скрипъ тяжелой двери и щелканіе замка, а за тѣмъ мѣрные шаги у двери часоваго. То былъ вовсе не знакомый узнику крѣпостной казематъ съ его скудною обстановкою и свѣтомъ падающимъ откуда-то сверху. Молча сторожъ ставилъ пищу и питье, молча уходилъ. Ни на какіе вопросы ни онъ, ни часовые не давали отвѣта. Прошло нѣсколько дней невольнаго досуга, уединенія, безмолвія, размышленія. Разъ, не то днемъ, не то вечеромъ, отворяется со скрипомъ дверь, входятъ новые сторожа, повязываютъ узнику снова глаза и послѣ длинныхъ переходовъ вводятъ его въ ярко освѣщенный съ опущенными шторами залъ. Глазамъ узника представлялся длинный, краснымъ сукномъ покрытый, столъ съ зерцаломъ, а по сторонамъ его нѣсколько военныхъ чиновъ въ мундирахъ и орденахъ. Старшій изъ сидѣвшихъ обра-

тился къ подведенному узнику съ тѣмъ-же вопросомъ, съ какимъ прежде обращался генералъ.

— Желаете-ли, батюшка, принять православіе?

— Нѣтъ, не желаю.

Старшій кивнулъ головою, подалъ знакъ и узникъ снова тѣмъ же порядкомъ былъ отведенъ въ его казематъ.

Проходили дни за днями; въ опредѣленный день, въ урочный часъ появлялись тѣ-же стражи, повторялся тотъ-же процессъ привода, допрашиванія и отвода. Упрямый узникъ не выдержалъ наконецъ и въ одну изъ явокъ на вопросъ предсѣдательствовавшаго: желаете-ли принять православіе? отвѣчалъ: желаю. Тотъ часъ всегда угрюмый предсѣдатель весело поднялся съ кресла и, поздравляя новообращеннаго съ принятіемъ православія, почтительно попросилъ у него благословенія. Его примѣру послѣдовали прочіе члены. Въ заключеніе предсѣдатель самымъ любезнымъ образомъ пригласилъ его отправиться вмѣстѣ съ нимъ къ генералъ-губернатору. „Такъ вы уже православный?“ — такимъ вопросомъ встрѣтилъ его генералъ, и получивъ утвердительный отвѣтъ, произнесъ: поздравляю, и самъ попросилъ благословенія.

— Вы теперь свободны, заключилъ генералъ. — Поѣзжайте на приходъ; я увѣренъ, что вы навсегда уже останетесь православнымъ. Прощайте!

— И это все?—возвысилъ голосъ недавній узникъ. — Такъ сюда привезли, а назадъ пѣшкомъ буду идти?

— Не все, отвѣчалъ генералъ и быстро прошелъ въ кабинетъ. Возвращаясь оттуда, онъ также быстро подошелъ къ новообращенному и съ словами: прошу помолиться обо мнѣ, вручилъ ему деньги на молитвы, точнѣе на проѣздъ—безъ провожатыхъ.

2. *Любезный разговоръ съ городскими представителями.* Въ 1847—48 году появилась въ Кіевѣ сильная холера. Бибиковъ распорядился открытіемъ временной больницы въ городскомъ, такъ называемомъ, контрактовомъ домѣ, гдѣ обыкновенно отбывались купеческія семейныя собранія и танцовалъ историческій теперь Асконченскій съ своею Варинькою. Почетнѣйшіе купцы, съ городскимъ головою во главѣ, явились къ нему съ просьбою объ отмѣнѣ такого распоряженія.

— Что скажете, господа?—спросилъ ихъ ласково генералъ.

— Ваше высокопревосходительство приказали открыть больницу въ контрактовомъ домѣ для холерныхъ,—началъ городской голова.

— Такъ.—Что-же?

— Но вотъ дочери наши тамъ танцуютъ въ зиму, а тутъ холерные будутъ... Какъ-же? будьте милостивы, прикажите перемѣнить...

— Прикажу. Голядкинъ [1])! Контрактовый домъ очистить, а кровати въ ихъ домахъ размѣстить...

Купцы вытянули свои физіономіи.

— Больше ничего не скажете, господа?—спросилъ генералъ.

— Ничего, отвѣчали тѣ, низко кланяясь. — Они хорошо знали, что значитъ противорѣчить Бибикову.

— Такъ я вамъ скажу, прибавилъ онъ.—Вы, господа купцы, не кіевскіе купцы, а кіевскіе с.....и, а вы, И. И., не кіевская городская голова, а кіевская городская ж.... Прощайте!

Купцы пошли, не солоно хлебавши. Кровати холерныхъ, конечно, остались въ контрактовомъ домѣ.

3. *Обученіе инвентарямъ.* Инвентарныя правила — любимое дѣтище Бибикова. Благодѣтельныя для крестьянъ, они не согласовались съ интересами помѣщиковъ, привыкшихъ къ полному и безконтрольному господству надъ крестьянами и эксплоатаціи всего ихъ труда. Какъ помѣщику, привыкшему къ тому, чтобы всякая живущая крестьянская душа работала на него, сносить то, чтобы вдругъ на работу являлся одинъ только работникъ и одна работница отъ двора и вмѣсто шести дней въ недѣлѣ работали кто три, кто два, а кто и одинъ день, да притомъ всякая работа была бы опредѣлена мѣрою и числомъ (сколько напр. сноповъ сжать или смолотить, и какого хлѣба, и какой мѣры снопы, и пр., и пр.). Появилось множество злоупотребленій и насилій со стороны помѣщиковъ, а протестовавшихъ или жаловавшихся крестьянъ представляли въ видѣ бунтовщиковъ. Дошли до Бибикова свѣдѣнія, что одинъ помѣщикъ радомысльскаго уѣзда, управлявшій имѣніемъ по довѣренности матери, молодой, элегантный жуиръ, игнорируетъ инвентарныя правила. Онъ доставленъ былъ *приличнымъ* образомъ въ Кіевъ къ Бибикову.

---

[1]) Знаменитый въ бибиковское время полиціймейстеръ г. Кіева.

— Я слышалъ, сказалъ ему генералъ безъ всякихъ прелюдій, что вы допускаете отступленія отъ Высочайше утвержденныхъ инвентарныхъ правилъ. Полагаю, что это происходитъ не отъ злой вашей воли, а просто отъ того, что вы, по причинѣ молодости и безпрестанныхъ развлеченій, недостаточно ознакомлены съ этими правилами.

Молодой джельтменъ пріободрился, но не надолго.

— Я вызвалъ васъ сюда, продолжалъ генералъ, чтобы вы здѣсь на досугѣ могли изучить эти правила; тогда, я не сомнѣваюсь, вы будете ихъ въ точности исполнять.

Подавая недоумѣвающему франту увѣсистую in folio тетрадь, равнявшуюся по меньшей мѣрѣ книжкѣ толстаго журнала, генералъ прибавилъ: вотъ вамъ правила. Приходите сюда каждый день въ 9-ть часовъ утра. Вамъ укажутъ комнату, гдѣ вы будете ихъ изучать, а мой адъютантъ (при этомъ онъ взглянулъ въ сторону адъютанта, а тотъ щелкнулъ шпорами) будетъ наблюдать за вашими занятіями и прослушивать, что вы успѣете изучить. По окончаніи вашихъ занятій, я надѣюсь самъ прослушать васъ.

Генералъ слегка кивнулъ головою и удалился въ кабинетъ, а ошеломленный франтъ, вѣжливо приглашенный въ особую комнату, сталъ съ того-же дня пыхтѣть надъ правилами, не превосходившими по своему содержанію какую-либо рецептуру или латинско-россійскій словарь.

Много дней и недѣль потратилъ молодой вельможный панъ, пока *doskonale* изучилъ правила, а когда весь курсъ былъ пройденъ, генералъ самъ спросилъ его въ разбивку и за тѣмъ отпуская, проговорилъ: теперь поѣзжайте домой; я не сомнѣваюсь, что вы хорошо будете управлять имѣніемъ и оправдаете довѣріе вашей матушки.

4. *Поѣздка въ Анапу.* Во время революціи 1848 г. и послѣдовавшей за тѣмъ венгерской кампаніи, въ польскомъ населеніи юго-западнаго края проявилось сильное броженіе. Надежды поляковъ, что переворотъ на западѣ Европы коснется Россіи и поможетъ осуществленію ихъ мечтаній, постепенно росли. Стали наконецъ разносить вѣсти за вѣстями, что сформированный въ Турціи польскій легіонъ сдѣлалъ высадку близъ Анапы, взялъ и разрушилъ ее, гарнизонъ весь истребилъ, а за тѣмъ поднимаетъ горскія племена.

Одинъ изъ такихъ благовѣстниковъ, жирный польскій панъ, былъ доставленъ Бибикову въ позднюю осень.

— Стало мнѣ извѣстно, началъ генералъ, что вы распространяете извѣстія, въ справедливости которыхъ сами не увѣрены, и пояснилъ, какого рода извѣстія распространяетъ панъ.

— Это такъ—одни байки, в. в-ство, проговорилъ панъ, не подозрѣвая, что ждетъ его.—Говорятъ теперь много; одинъ другому передаютъ. И я, что слышалъ, разсказывалъ, а такъ-ли оно, почемъ мнѣ знать. Кто тамъ былъ, кто то можетъ знать? Такъ одни байки...

— То-то никто не былъ и не знаетъ. Вотъ я хочу, что-бы вы сами проѣхали въ Анапу и лично удостовѣрились, цѣла-ли она и что съ русскимъ гарнизономъ. Поѣзжайте. Вы будете имѣть провожатыхъ. А на обратномъ пути заѣзжайте мнѣ сказать, что вы тамъ найдете.

У генералъ-губернаторскаго подъѣзда стояла тройка почтовыхъ лошадей. Два жандарма бережно усадили своего кліэнта и сами усѣлись. Умчался панъ съ *будущими*.

Не скоро онъ вернулся съ своими провожатыми въ Кіевъ и отрапортовалъ Бибикову, что Анапа на мѣстѣ и гарнизонъ цѣлъ, а непріятеля нигдѣ не видно. Стоимость путевыхъ издержекъ взыскана потомъ съ виновника ложныхъ вѣстей.

5. *Патріотическій обѣдъ*. Въ тоже время, въ Кіевѣ, въ Липкахъ, рядомъ почти съ домомъ генералъ-губернатора жилъ богатый польскій помѣщикъ и домовладѣлецъ N. Это была труба іерихонская. Никто скорѣе его не узнавалъ городскихъ и всякихъ новостей и никто быстрѣе ихъ не распространялъ—все по секрету да въ одиночку. Сталъ и онъ распускать, что русскія войска въ Венгріи терпятъ пораженія за пораженіями и что скоро Кошутъ будетъ въ Кіевѣ... Приглашаетъ Бибиковъ болтливаго сосѣда.

— Я, говоритъ ему, слышалъ то-то и то-то.—Откуда вамъ извѣстно это?

— Извините, в. в-ство, зачастилъ изворотливый сосѣдъ.—Я тутъ ни при чемъ. Теперь много слуховъ. Всѣ говорятъ; говорилъ и я, что слышалъ. Но это только одни слухи,—такъ и передаются они. Откуда-же намъ имѣть вѣрныя свѣденія?

— То-то вы не имѣете вѣрныхъ свѣденій, а передаете. Я вотъ получаю иностранныя газеты (въ то время частныя лица почти не могли ими пользоваться), имѣю свѣдѣнія и изъ другихъ вѣрныхъ источниковъ и могу увѣрить васъ, что все, объ чемъ у васъ толкуютъ, совершенная ложь.

Сосѣдъ сталъ вторить Бибикову, заявлять, что только его свѣдѣнія вѣрны. Тотъ перѣбилъ его слѣдующими неожиданными словами:

— Я не хочу съ вами ссориться; полагаю, что и вы этого не пожелаете. Надо это дѣло поправить, загладить. Я укажу вамъ способъ, который, надѣюсь, будетъ согласенъ съ тѣмъ, что вы сами сейчасъ говорили о переданныхъ вами невѣрныхъ извѣстіяхъ и вашихъ патріотическихъ чувствахъ. Вотъ что рекомендую вамъ сдѣлать. Завтра, послѣзавтра устройте вы у себя обѣдъ,—хорошій обѣдъ,—понимаете? Пригласите на этотъ обѣдъ всѣхъ тѣхъ вашихъ знакомыхъ, которымъ вы передавали невѣрныя извѣстія (имена ихъ мнѣ въ подробности извѣстны). Тутъ вы имъ скажите, что все дескать, что вы слышали отъ меня, я вамъ *навралъ*, что вотъ генералъ-губернаторъ, у котораго я былъ, получаетъ... Я васъ уполномочиваю передать имъ все, что вы слышали отъ меня, и тѣ вѣрныя свѣдѣнія объ одержанныхъ нашими войсками побѣдахъ, которыя я вамъ передалъ. Надѣюсь, что вы при этомъ выразите вашимъ пріятелямъ ваши патріотическія чувствованія, въ которыхъ вы и меня такъ много увѣряли, провозгласите тостъ за здоровье государя императора, за успѣхи и славу русскаго оружія. Этимъ вы изгладите то непріятное и—прибавлю—для васъ не безопасное впечатлѣніе, которое вы навлекли на себя распускаемыми вами ложными извѣстіями. А для порядка и чтобы я могъ знать, въ какой степени будетъ исполнено вами мое предложеніе, пригласите къ обѣду Голядкина (сосѣдъ вытянулся), да вотъ моихъ адъютантовъ (онъ мотнулъ головой въ знакъ согласія). Я имъ передамъ ваше приглашеніе... Прощайте.

Сосѣдъ выскочилъ, какъ ошпареный. Онъ понималъ всю гнусность предстоящаго ему положенія, но зналъ, что Бибиковъ шутить не любитъ и что малѣйшее отступленіе отъ начертанной имъ програмы поведетъ къ весьма серьезнымъ послѣдствіямъ. Онъ бѣгалъ, какъ угорѣлый, торопясь устройствомъ патріотическаго обѣда,

составлялъ *мени*, закупалъ дорогія вина, разсылалъ приглашенія знакомымъ, припоминалъ всѣхъ, съ кѣмъ велъ политическіе разговоры, а передъ всѣмъ, лично и въ изысканныхъ фразахъ, пригласилъ Голядкина и адъютантовъ Бибикова. Обѣдъ вышелъ на славу. Провозглашали тосты, пѣли: Боже царя храни, пили шампанское, кричали: ура! На другой день въ урочный часъ Голядкинъ доложилъ, что все исполнено въ точности.

7. *Быстрая постройка православной церкви польскою помѣщицей.* До 50-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія православные сельскіе храмы на всемъ пространствѣ юго-западнаго края представляли собою самый жалкій видъ убожества, тѣсноты, ветхости и разрушенія. Построенныя въ большей части въ періодъ послѣдняго передвиженія здѣсь населенія, но когда этотъ край не имѣлъ еще никакихъ задатковъ политическаго спокойствія, а находился долгое время въ состояніи броженія, устроенныя всюду почти вновь поселившимися и, естественно, бѣдными людьми, неувѣренными, долго-ли имъ придется жить на вновь избранныхъ мѣстахъ, церкви эти представляли собою видъ временныхъ какъ-бы шалашей, или амбаровъ, вмѣстимость которыхъ разсчитана была лишь по числу первыхъ поселенцевъ, а внутреннія и наружныя украшенія по ихъ скуднымъ средствамъ. Съ присоединеніемъ края къ Россіи и съ водвореніемъ наружнаго спокойствія, развившееся быстро закрѣпощеніе и полная эксплоатація крестьянскаго труда, доводила православное сельское населеніе до крайняго обѣдненія, а населеніе росло, церкви ветшали и нечѣмъ было ихъ ни поддержать, ни разширить, ни украсить. Между тѣмъ рядомъ съ ними, а иногда и въ замѣнъ ихъ, возвышались богатые и пышные каменные костелы, построенные на счетъ доходовъ отъ того-же крестьянскаго труда, нерѣдко для надобностей одного лишь дѣдича и его дворни, а иногда и просто для цѣлей пропаганды въ томъ разсчетѣ, что набожный православный крестьянинъ, при неимѣніи церкви, или ея крайней ветхости и тѣснотѣ, по неволѣ пойдетъ въ костелъ. Такое печальное положеніе православнаго населенія юго-западнаго края, относительно удовлетворенія духовныхъ его нуждъ, не ускользнуло отъ вниманія императора Николая Павловича и еще въ 1833 г., въ слѣдъ за окончаніемъ перваго повстанья, онъ выразилъ (не помнимъ, въ видѣ-ли манифеста, указа или въ иной формѣ) свою

волю и надежду, что помѣщики этого (какъ и сѣверо-западнаго) края добровольно порадѣютъ о томъ, что бы подвластные имъ православные крестьяне не оставались безъ удовлетворенія въ одной изъ существенныхъ своихъ потребностей, и приложатъ свои заботы къ постройкѣ новыхъ для нихъ церквей, гдѣ таковыхъ вовсе нѣтъ, и починкѣ старыхъ и обветшавшихъ. Казалось, простое чувство справедливости подскажетъ всякому помѣщику, хотя и иновѣрцу, что если онъ пользуется до пресыщенія всѣми плодами трудовъ крестьянина, то онъ же обязанъ удовлетворить его, по крайней мѣрѣ, въ главномъ и существенномъ и, оставляя ему кое-какія крохи для поддержанія его физической жизни, не долженъ тѣмъ болѣе забывать о духовныхъ его потребностяхъ. Но и эта великодушная воля Государя, разсчитывавшаго на благородство польскаго дворянства, не привела ни къ чему, и къ 50-мъ годамъ православные сельскіе храмы пришли еще въ большее обветшаніе, а по мѣстамъ и вовсе разрушились. Бибиковъ, часто объѣзжавшій ввѣренный ему край, видя безпомощность въ этомъ отношеніи православныхъ приходовъ и зная объ объявленномъ когда-то Высочайшемъ желаніи, предварительно затребовалъ свѣдѣнія о томъ, кто изъ помѣщиковъ юго-западнаго края, ревнуя исполнить волю Государя, въ теченіи долгаго, около 20 лѣтъ, промежутка времени, успѣлъ построить вновь, или починить обветшавшую православную церковь. Оказалось, что никто не ревновалъ объ этомъ и что если гдѣ-либо, подъ вліяніемъ первыхъ минутъ страха, и были начаты такія постройки, то скоро все забыто и выведенныя до половины или болѣе стѣны подвергались полному разрушенію. Послѣдовалъ поэтому новый Высочайшій указъ 1851 г., которымъ повелѣвалось: во 1-хъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ было православное населеніе и не было вовсе православной церкви, но былъ хорошій костелъ,—костелъ обращать въ церковь, при отказѣ помѣщика построить каменную православную церковь, и во 2-хъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ существуютъ костелъ и церковь, но костелъ находится въ хорошемъ, а церковь въ обветшаломъ видѣ, при отказѣ помѣщика починить или перестроить церковь, либо построить въ замѣнъ старой новую, костелъ также обращать въ церковь. До обращенія костеловъ въ православныя церкви нигдѣ, положимъ, дѣло не дошло, но много въ короткое время было починено и даже вновь построено на счетъ помѣщи-

ковъ церквей. Помѣщики пускались при этомъ на всевозможные извороты и оттяжки, но энергическій начальникъ края въ крайнихъ случаяхъ примѣнялъ и крайнія мѣры. Вотъ одинъ изъ такихъ случаевъ.

Въ м. Л—кѣ (кіевской губерніи) проживала богатая вдова, польская помѣщица. Это былъ именно тотъ пунктъ, гдѣ, какъ извѣстно, гайдамаки, во время Коліивщины 1768 г. повѣсили на костелѣ ксендза, жида и собаку съ подписью: „ксендзъ, жидъ та собака, то все віра единака". Знала-ли объ этомъ пани, или нѣтъ, только она ни за что не хотѣла исполнить Высочайшій указъ и настоятельное требованіе мѣстныхъ властей относительно постройки въ Л—кѣ каменной православной церкви. Она выгоняла изъ дому всякаго, кто осмѣливался предложить ей такое требованіе. Когда объ этомъ стало извѣстно Бибикову, онъ отправилъ къ ней своего адъютанта съ особымъ порученіемъ — поселиться въ домѣ несговорчивой пани и не оставлять его до тѣхъ поръ, пока постройка церкви не будетъ выведена до оконъ. Ловкій адъютантъ придумалъ какой-то посторонній предлогъ для посѣщенія дома сіятельной владѣтельницы. Та приняла его радушно и поселила его чуть-ли не рядомъ съ своими апартаментами. Обезпечивъ себя въ помѣщеніи и продовольствіи, адъютантъ приступилъ наконецъ къ дѣлу и объявилъ данный ему приказъ. Помѣщица выходила изъ себя, пускалась на всевозможныя хитрости и прижимки; но твердый адъютантъ все вынесъ и оставилъ ея *палацъ* лишь тогда, когда стѣны церкви на нѣсколько аршинъ были выведены изъ земли. На бѣду православной Л—ки, Бибиковъ вскорѣ оставилъ край и не скоро постройка церкви, начатая столь быстро, приведена была къ концу, не безъ особыхъ усилій и жертвъ мѣстнаго священника Ковальскаго.

Таковы были тѣ *argumenta ad hominem*, которыя употреблялъ Бибиковъ для выполненія своихъ распоряженій. Какіе либо коментаріи къ нимъ излишни. Тутъ живой Бибиковъ предъ нами и ярко рисуется его время и режимъ. Не касаясь внутренней стороны тѣхъ мѣръ, къ какимъ прибѣгалъ изобрѣтательный умъ его, скажемъ только, что, по свидѣтельству живущихъ еще многихъ сотрудниковъ Бибикова, эти мѣры были вполнѣ дѣйствительны и всегда вели къ желанной цѣли. Были мѣры номеромъ выше, каковы: заклю-

ченіе въ крѣпость, высылка въ отдаленныя губерніи и конфискація имѣній, но онѣ практиковались исключительно въ дѣлахъ по политическимъ преступленіямъ. Эти-то мѣры, а также рѣзкое и пренебрежительное обращеніе Бибикова съ титулованнымъ дворянствомъ, вызывали тѣ ожесточенные на него нападки, которые громко раздавались на мѣстѣ и особливо въ заграничной печати. Но чтобы понять относительную, во всякомъ случаѣ, ихъ справедливость, надо знать и тогдашнюю титулованную шляхту, самодурствовавшую не только въ области политическихъ мечтаній и рабовладѣльческихъ инстиктовъ, но даже въ кругу семейныхъ отношеній. Для характеристики этихъ послѣднихъ довольно было-бы вспомнить еще не забытую многими исторію одного изъ Потоцкихъ, его обращеніе съ третьею женою, урожденною Швейковскою, и злополучнымъ сыномъ отъ этого брака, принятіе имъ православія и долгое странствованіе по *внутреннимъ* губерніямъ и за границей; но это завлекло-бы насъ далеко и заставило-бы измѣнить намѣченныя нами рамки нашего бѣглаго очерка.

По словамъ лицъ, близко знавшихъ Димитрія Гавриловича, этотъ прославленный варваръ и деспотъ отличался самымъ возвышеннымъ образомъ мыслей, рѣдкимъ благородствомъ души, добротою и обходительностію въ частномъ быту и особымъ сочувствіемъ къ воспитывающемуся юношеству. Мотивы чести, въ томъ видѣ, въ которомъ она понималась тогда, какъ принадлежность извѣстнаго сословія, преобладали въ немъ, кажется, надъ всѣми другими. На эту струну дѣйствовалъ онъ въ своихъ отношеніяхъ служебныхъ, ее же въ особенности онъ трогалъ въ учащемся юношествѣ. Извѣстно, что онъ нѣсколько лѣтъ состоялъ въ званіи попечителя кіевскаго учебнаго округа. Не ему принадлежитъ введеніе розогъ въ старшихъ классахъ гимназій и не скоро онъ согласился на допущеніе этой крайней и тогда мѣры. Университетъ занималъ его болѣе, чѣмъ гимназіи, и ему посвящалъ онъ не мало времени и заботъ. Науки, конечно, онъ не касался; главное вниманіе его устремлено было на водвореніе въ студенчествѣ вѣрноподданническаго духа, порядка, субординаціи и дисциплины, но вмѣстѣ и на пробужденіе въ немъ чувства чести, собственнаго достоинства и отчасти любви къ занятіямъ. Студенты нерѣдко дебоширили; онъ созывалъ ихъ, говорилъ имъ рѣчи, не во всемъ пристойныя, дѣлалъ строгія вну-

шенія, но всегда билъ на струны долга, чести и достоинства. Студентовъ хорошихъ фамилій онъ приглашалъ на свои вечера и держалъ себя съ ними просто. Во время одного изъ такихъ вечеровъ внезапно явился инспекторъ университета съ экстреннымъ докладомъ о необходимости обыска у одного изъ студентовъ, подозрѣваемыхъ въ преступныхъ политическихъ сношеніяхъ. Бывшій на ту пору въ числѣ гостей студентъ Р—чъ какимъ-то способомъ провѣдалъ о содержаніи доклада; пользуясь многолюдствомъ собранія, онъ не замѣтно вышелъ изъ залы, предупредилъ подозрѣваемаго, а можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ виновнаго товарища и, также не замѣтно возвратившись въ залу, по прежнему принялъ участіе въ танцахъ. Обыскъ не далъ никакихъ результатовъ; но сообразительный Бибиковъ догадался, чья это работа, и на другой же день потребовалъ Р—ча къ себѣ...

— Скажите, спросилъ онъ его, вы предупредили N объ обыскѣ?

— Нѣтъ, отвѣчалъ тотъ твердо и смѣло.

— Я васъ спрашиваю, продолжалъ Бибиковъ, не какъ генералъ-губернаторъ или попечитель и не какъ студента, но какъ дворянинъ дворянина, и при этомъ впился въ него своими умными и выразительными глазами.

— Да, предупредилъ, отвѣчалъ Р—чъ столь-же твердо и рѣшительно.

— Съ удовольствіемъ могу подать руку честному дворянину, закончилъ грозный генералъ-попечитель, и не только подалъ и пожалъ руку виновному, но прекратилъ всякое дальнѣйшее объясненіе по этому предмету.

Бибиковъ отличался прямотою, находчивостію и быстротою соображенія, и, понятно, любилъ эти качества въ другихъ. Извѣстно, какъ строго онъ требовалъ застегиванія на всѣ пуговицы отъ тѣхъ, кто носилъ форменное платье. Былъ случай, что студентъ, встрѣченный имъ гдѣ-то за городомъ въ разстегнутомъ сюртукѣ, былъ исключенъ, хотя, говорятъ, страдалъ грудью и при встрѣчѣ съ Бибиковымъ занимался собираніемъ растеній для гербарія. Прямота и находчивость спасала и въ такихъ случаяхъ, обезоруживая грознаго и непреклоннаго Бибикова. Разъ въ самомъ городѣ, близъ университета, онъ встрѣтилъ студента не застегнутаго на нѣсколько пуговицъ. Студентъ спохватился, когда увидѣлъ Бибикова предъ собою.

— Куда идете?—грозно спросилъ Бибиковъ.

— Вѣроятно, въ карцеръ в. в-ство,—отвѣчалъ студентъ, взглянувъ на не застегнутыя пуговицы.

— Ну, ступайте, ступайте, съ улыбкой отвѣчалъ Бибиковъ и пропустилъ попавшагося, которому безъ этого никакъ-бы не сдобровать.

Въ одну изъ поѣздокъ по кіевской губерніи свита его отстала отъ него далеко, а предшествовавшаго ему становаго онъ услалъ за чѣмъ-то въ сторону. Одинъ, безъ всякихъ провожатыхъ, подкатилъ онъ къ становой квартирѣ въ м. Шполѣ. Тамъ пыхтѣлъ надъ бумагами, спины не разгибая, помощникъ становаго въ разстегнутомъ мундирѣ. День былъ жаркій, работа спѣшная; мелкій полицейскій чинъ такъ погрузился въ бумаги, что совсѣмъ забылъ объ ожидаемомъ пріѣздѣ грознаго начальника и только по временамъ локтемъ отгонялъ отъ себя докучливыхъ мухъ. Вдругъ послышался глухой стукъ подъѣзжавшаго по пыльной и навозной улицѣ экипажа. Не успѣлъ онъ схватиться съ мѣста, подбѣжать къ окну и повернуться отъ него, какъ предъ нимъ показался Бибиковъ. Готовилась грозная сцена; но чиновникъ не растерялся.

— Это что?—спросилъ рѣзко Бибиковъ, указывая пальцемъ на разстегнутый мундиръ. Но чиновникъ, какъ-бы не слыша и не замѣчая ничего, нѣсколько выпрямившись, съ достоинствомъ, въ свою очередь спросилъ:

— Что вамъ угодно?

— Это что?—еще рѣзче повторилъ Бибиковъ. Но вошедшій въ быстро намѣченную роль полицейскій чинъ опять перебилъ его вопросомъ:

— Да позвольте знать, кто вы и что вамъ здѣсь нужно?

Остановленный вопросомъ, котораго никакъ не ждалъ, Бибиковъ чуть не крикнулъ:

— Да вы что здѣсь?—Но чиновникъ съ достоинствомъ отвѣчалъ:

— Помощникъ становаго пристава; въ отсутствіи его исправляю его обязанности и, если вамъ что...

Едва замѣтная улыбка мелькнула на лицѣ Бибикова. Не перемѣняя тона, онъ спросилъ:

— Вы кого ждете сегодня?

— Сегодня проѣзжаетъ здѣсь генералъ-губернаторъ.

— Вы видали его?

— Не имѣлъ удовольствія.

— Но вы знаете, слышали, каковъ онъ?

— Слышалъ, что у него одна только рука...

Бибиковъ откинулъ бортъ шинели; на бѣломъ кителѣ показался пустой пристегнутый рукавъ. Полицейскій чинъ мгновенно вытянулся въ струнку и быстро застегивая мундиръ, отчеканилъ:

— Имѣю честь представиться...

— Молодецъ, проговорилъ, улыбаясь, Бибиковъ и спустя нѣсколько дней повысилъ его рангомъ.

Кромѣ приведенныхъ нами, существуетъ много другихъ разсказовъ о дѣятельности Д. Г. Бибикова по управленію юго-западнымъ краемъ. Всѣхъ ихъ не перечесть, тѣмъ болѣе не передать въ одинъ разъ; но всѣ они своей массой свидѣтельствуютъ о его замѣчательномъ умѣ, несокрушимой энергіи и глубоко-патріотическомъ направленіи. Недостатки его режима очевидны; они общи тому времени. Труднѣе судить о благодѣтельныхъ его послѣдствіяхъ; но онѣ также несомнѣнны и для наблюденія внимательнаго ясны и понятны. Нельзя лучше характеризовать его дѣятельности въ нашемъ краѣ, какъ его-же слѣдующими словами, сказанными на прощанье дворянству трехъ губерній [1]: „Популярности я не искалъ, любви отъ васъ не имѣю, но—уваженія надѣюсь. Позднѣйшія поколѣнія вспомнятъ мою службу въ этомъ краѣ“.

---

[1]) См. «Кiев. Стар.», іюнь, стр. 535.

ЮЖНО-РУССКАЯ ПѢСНЯ

О СОБЫТІИ XI-го ВѢКА.

(П. И. Ревякину на память).

I.

Въ 1874 и 75 г. вышли въ свѣтъ два выпуска „историческихъ пѣсень малорусскаго народа“ съ объясненіями Вл. Антоновича и М. Драгоманова. Сборникъ этотъ былъ сочувственно встрѣченъ какъ русскою, такъ и иностранною литературою. По словамъ Н. И. Костомарова, это была „первая, сообразно современнымъ требованіямъ науки, правильно поставленная попытка ученаго изданія памятниковъ малорусской поэзіи“. „Трудъ этотъ, говоритъ г. Веселовскій, будетъ капитальнымъ вкладомъ въ науку о южно-русской народной поэзіи“. Такой-же весьма благопріятный отзывъ данъ былъ и проф. Котляревскимъ въ отчетѣ о книгахъ, удостоенныхъ Уваровской преміи.

Вмѣстѣ съ достоинствами труда указаны были и его недостатки. Г. Веселовскій въ своей рецензіи (Спб. Вѣдомости, 1874 г., № 278) признаетъ, что терминъ „историческій“ понимается издателями нѣсколько шире, чѣмъ принято это обыкновенно, по крайней мѣрѣ, на Западѣ. Историческаго характера за многими колядками и щедрівками, причисленными издателями къ отдѣлу пѣсень вѣка дружиннаго и княжескаго, г. Веселовскій не признаетъ— также точно, какъ и за нѣкоторыми балладами, внесенными въ этотъ отдѣлъ, но спеціально не принадлежащими Малороссіи. Легенду о Золотыхъ Воротахъ онъ считаетъ варіантомъ отреченнаго греческаго сказанія.

Н. И. Костомаровъ въ статьѣ своей „Историческая поэзія и новые ея матеріалы“ (Вѣстникъ Европы, декабрь, 1874 г.), въ противность г. Веселовскому, полагаетъ, что гг. издатели еще недостаточно широко понимаютъ слово „историческій“ по отношенію къ памятникамъ народнаго творчества. За пѣснями, причисленными къ вѣку дружинному и княжескому, Н. И. признаетъ характеръ „историческихъ“ пѣсень въ обширномъ смыслѣ слова, но отрицаетъ толкованіе гг. издателей о собственныхъ именахъ, встрѣчающихся въ этихъ пѣсняхъ (Ивана Берладника, Даніила Галицкаго, Романа Мстиславича). „Въ числѣ пѣсень, отнесенныхъ къ разряду пѣсень дружиннаго и княжескаго вѣка, говоритъ г. Костомаровъ, нѣтъ ни одной, о которой можно было-бы сказать положительно, что она относится къ такому-то лицу или такому-то событію, извѣстнымъ по лѣтописи“. Признавая заслугу гг. издателей между прочимъ и въ томъ, что они правильно замѣтили поддѣльность многихъ мнимо-народныхъ произведеній, г. Костомаровъ полагаетъ, что подробныя черты этой поддѣльности въ сборникѣ не приведены, да кромѣ того сборникъ не остался все-таки безъ вторженія псевдо-народныхъ элементовъ, чему указаны и примѣры.

Не подлежитъ сомнѣнію и никѣмъ изъ свѣдущихъ людей не отрицается, что въ изданныхъ до сихъ поръ матеріалахъ южно-русскаго народнаго творчества оказалось весьма много *историческихъ* чертъ древняго періода жизни русскаго народа (понимая слово историческій въ обширномъ смыслѣ слова). Но до сихъ поръ *не найдено ни одной пѣсни, пріуроченной къ извѣстному лицу или извѣстному событію, занесенному въ нашу русскую лѣтопись.* Всѣ попытки комментаторовъ отнести ту или другую пѣсню къ какому-либо лицу или событію древняго періода русской жизни разбиты солидною критикою. Или комментаторы ошибаются въ самомъ толкованіи, принимая нарицательныя имена за собственныя (что и указано вышеупомянутыми рецензіями), или пѣсня представляетъ пересказъ мистической легенды (легенда и пѣсня о Золотыхъ Воротахъ, по разъясненію г. Веселовскаго), или-же, наконецъ, пѣсня оказывается подложною. Такъ знаменитая дума о походѣ князя-язычника на Царьградъ, дума, съ которой такъ долго носились наши этнографы, оказывается поддѣльною (послѣ изслѣдованій Н. И. Костомарова). Отсутствіе слѣдовъ богатырскаго эпоса въ южно-

русской поэзіи въ былое время возбудило сомнѣніе въ томъ, дѣйствительно-ли древнія южно-русскія племена, пересчитанныя въ лѣтописи—предки теперешняго малорусскаго народа. Явилось даже предположеніе, что древность пребыванія въ приднѣпровьи теперешняго южно-русскаго племени не восходитъ далѣе XIV вѣка. На это возражали, что слѣды древняго періода исчезли вслѣдствіе сильнаго вліянія на народную память эпохи козацкихъ движеній, столь обильной фактами народной политической жизни. Правда, что послѣ изслѣдованій г. Стасова, поколебавшихъ русскую историческую основу богатырскаго эпоса, вопросъ этотъ потерялъ всю свою прежнюю остроту. „При болѣе глубокомъ изученіи народныхъ памятниковъ, говоритъ Н. И. Костомаровъ, окажется, что если въ малорусской народной поэзіи нѣтъ тѣхъ полу-сказокъ, полу-пѣсень, которыя называются въ великорусской поэзіи былинами, за то слѣды давней жизни очень ощутительны въ народныхъ пѣсняхъ“. Это не подлежитъ никакому сомнѣнію, и г. Костомаровъ въ той-же своей статьѣ представилъ перечень бытовыхъ чертъ дружиннаго и княжескаго вѣка, извлеченныхъ изъ обнародованнаго уже матеріала. Слѣдовательно, не подлежитъ также никакому сомнѣнію, что если народный эпосъ сохранилъ такіе живые и ясные слѣды быта древней дружинно-вѣчевой эпохи, то предки этого народа органически пережили этотъ историческій періодъ и черты его отразили въ созданныхъ ими пѣсняхъ.

Тѣмъ не менѣе древность пребыванія теперешняго южно-русскаго населенія именно *въ землѣ полянъ,* какъ центрѣ древняго періода русской исторіи, ничѣмъ не доказана *со стороны южно-русскаго народнаго эпоса.* При такомъ обиліи изданнаго матеріала *неужели не найдется въ народной памяти никакого слѣда о событіяхъ древняго періода, неужели не отыщется ни одной пѣсни, пріуроченной къ какому-либо факту XI или XII вѣка,* имѣвшему мѣсто *именно* на территоріи древнихъ полянъ? Настоящая статья представляетъ собою попытку рѣшить этотъ вопросъ въ утвердительномъ смыслѣ.

II.

Народный эпосъ—драгоцѣнный матеріалъ для человѣка, изучающаго народную жизнь вообще и прошлыя черты этой жизни въ

частности. Драгоцѣненъ онъ главнымъ образомъ потому, что имѣетъ въ себѣ много жизненности, свѣжести, неподдѣльности. Изслѣдователь отрывается отъ сухихъ, часто совершенно безцвѣтныхъ *письменныхъ* историческихъ памятниковъ и стряхиваетъ архивную пыль среди безхитростныхъ и наивныхъ произведеній народной музы. Изучая въ письменныхъ историческихъ памятникахъ внѣшнія, болѣе или менѣе громкія проявленія народной дѣятельности, онъ очень рѣдко встрѣчается съ трудно-уловимымъ обликомъ самаго народа, особенно въ томъ случаѣ, когда народъ этотъ имѣетъ весьма мало развитыя формы политической жизни. Только въ словесныхъ памятникахъ народнаго творчества онъ сталкивается лицомъ къ лицу съ мыслью и чувствомъ самого народа. Только здѣсь онъ можетъ подслушать импульсъ народной жизни, только здѣсь получитъ онъ ту силу, которая одушевитъ задуманный или исполненный имъ трудъ. Не „красивою иллюстраціею" послужатъ бытовыя пѣсни русскаго народа для будущаго талантливаго бытописателя, какъ полагаетъ г. Веселовскій, а источникомъ и притомъ не только „надежнымъ", но существеннымъ и, смѣло можно сказать, самымъ главнымъ.

Слово „историческій"—весьма упругое слово и многими понимается различно. По отношенію къ памятникамъ народной поэзіи оно совершенно ясно опредѣлено г. Костомаровымъ. „Считать между историческими пѣснями, говоритъ достоуважаемый ученый, слѣдуетъ всѣ тѣ пѣсни, *гдѣ выражается движеніе народной жизни въ какой-бы то ни было вѣтви ея*". Съ этой точки зрѣнія, признавая взглядъ гг. издателей на слово „историческая пѣсня" большимъ шагомъ впередъ („въ исторической пѣсни отражаются измѣненія общественнаго строя народа"), г. Костомаровъ дѣлаетъ имъ укоръ въ неполнотѣ ихъ сборника, указывая, что они, въ силу своего опредѣленія, должны были выбросить изъ сборника пѣсни со слѣдами древняго язычества и слѣдовательно несомнѣнно историческаго (въ общемъ смыслѣ) характера. Позволяю себѣ только замѣтить, что сборникъ, надлежаще систематизированный на основаніи вышесказаннаго опредѣленія границъ историческихъ пѣсень,—это такая грандіозная работа, которая по силамъ только цѣлой группѣ ученыхъ, стоящихъ во всеоружіи современнаго народознанія.

Собиратели пѣсень—это работники, подготовляющіе матеріалъ. Многіе изъ нихъ, не лишенные серьезнаго историческаго образо-

ванія, искушаются заманчивостью изслѣдованія и комментируютъ свои собранія, стараясь опредѣлить періодъ, къ которому относится пѣсня, и сличая ее съ письменными источниками или съ историческими легендами. Конечно, часто дѣлаются ошибки и промахи, но вмѣстѣ съ тѣмъ часто попадаются и цѣнныя сближенія, которыя вовсе не лишни будутъ настоящему, вооруженному надлежащею научною силою, изслѣдователю.

Нечего здѣсь говорить о томъ, какую огромную услугу исторической наукѣ оказали изслѣдованія сказокъ, народныхъ легендъ и историческихъ пѣсень. Сравнительное изученіе народнаго эпоса представителями науки дало богатые результаты, измѣнило взглядъ на имѣвшіяся уже историческія легенды и выяснило темныя, первыя, страницы народной жизни.

Дѣло надлежащаго изслѣдованія произведеній народнаго творчества—дѣло весьма трудное. Ученый изслѣдователь, подобно геологу, съ большою осторожностью и вниманіемъ счищаетъ съ какой-либо пѣсни или легенды постепенныя наслоенія, открываетъ болѣе древнія формы и наконецъ, путемъ сравнительнаго изученія, дѣлаетъ надлежащій выводъ и придаетъ извлеченному матеріалу надлежащее значеніе.

Но собранный и представленный ему матеріалъ часто (или, лучше сказать, почти всегда) теряетъ ту почву, на которой онъ собранъ, тѣ, хотя и второстепенныя, но весьма важныя условія, среди которыхъ онъ записанъ. Расказчикъ или пѣвецъ сопровождаетъ легенду или пѣсню какими-либо замѣчаніями, приводитъ слова какой-либо другой пѣсни или легенды и т. д. Часто одно слово, одинъ намекъ освѣщаетъ сразу смыслъ и историческое значеніе памятника, наводитъ на сближенія нежданныя и негаданныя, но вмѣстѣ съ тѣмъ надлежащія и необходимыя. Правда, черезчуръ рьяные изслѣдователи увлекаются, Богъ знаетъ куда, и часто въ обыкновенной бытовой пѣснѣ усматриваютъ ошибочно слѣды какого-нибудь историческаго факта. Это вовсе не бѣда. Опытный знатокъ дѣла въ послѣдствіи укажетъ ошибку. За то сколько драгоцѣнныхъ находокъ остаются не разгаданными, именно благодаря тому, что собиратели изъ первыхъ рукъ ограничиваются только одною записью расказаннаго или пропѣтаго, не обращая вниманія на окружающія условія.

Въ былое время я принадлежалъ къ числу такихъ работниковъ-собирателей. Записывая изъ народныхъ устъ сказки, пѣсни и легенды, я, въ бытность свою въ Кіевѣ, началъ вмѣстѣ съ И. П. Новицкимъ, у котораго имѣлись богатые собранные имъ матеріалы, подготовительныя работы къ составленію сборника южно-русскихъ пѣсень [1]). Обладая такимъ значительнымъ матеріаломъ и по возможности относясь къ дѣлу научно, мы, конечно, не могли не искуситься и пустились въ комментаріи и сравнительное изученіе. Возвращаясь съ этнографическимъ богатствомъ, добытымъ среди народа, мы сличали его съ экземплярами нашей коллекціи и съ замираніемъ сердца ожидали-бывало какихъ-либо новыхъ заманчивыхъ сближеній и слѣдовъ. То было счастливое время золотой молодости и рьяной увлекающей работы. Она — эта работа неопытныхъ этнографовъ въ богатой области южно-русскаго народнаго творчества — придавала силу и свѣжесть научному труду и оставила у меня на всю жизнь неизгладимое впечатлѣніе.

Къ тому времени относится представляемая теперь счастливая находка. Говорю—счастливая, потому что слѣды древняго происхожденія пѣсни найдены были совершенно случайно, вслѣдствіе благопріятныхъ обстоятельствъ. Я позволю себѣ разсказать весь процессъ этого случайнаго изслѣдованія, такъ какъ разсказъ будетъ подтвержденіемъ высказанной мною мысли: какъ важно для кабинетныхъ работъ сохраненіе тѣхъ иногда весьма мелкихъ условій, при которыхъ матеріалъ записывается работникомъ-собирателемъ.

III.

Многоуважаемый мой старый знакомый, Петръ Ивановичъ Ревякинъ въ былое время представилъ читающей публикѣ нѣсколько весьма интересныхъ и талантливо написанныхъ этюдовъ по южно-

---

[1]) Со всѣхъ сторонъ южнаго края въ наши руки стали стекаться этнографическіе матеріалы, которыми постепенно обогащалось наше собраніе. По обстоятельствамъ я долженъ былъ оставить родину, а слѣдовательно и лишиться этнографической почвы. Имѣвшійся матеріалъ (за весьма немногими исключеніями) переписанъ былъ въ двухъ экземплярахъ и, какъ мнѣ извѣстно, многіе номера изъ предполагавшагося сборника доставлены были г. Новицкимъ гг. профессорамъ взявшимся за обработку южно-русскихъ пѣсень.

русской этнографіи. Его „сближенія и слѣды“ печатались въ „Основѣ“ (Невро-Литвины, Тарпаны, Лыцарі-невмираки, Баба Прокопчиха). Живя въ своей „Волчьей Долинѣ“, не далеко отъ Бѣлой церкви (кіевской губерніи), онъ приручилъ къ себѣ этнографическое сокровище—одноглазаго діда Омелька и въ его поэтическихъ разсказахъ отыскивалъ черты древнѣйшихъ легендъ и суевѣрій.

Послѣ прекращенія „Основы,“ П. И. пріютилъ свои „сближенія“ въ изданіи весьма скромномъ и библіографически-рѣдкомъ—„Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“, редакторомъ которыхъ я имѣлъ честь состоять въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ 1863 года. Одно изъ этихъ изслѣдованій П. И., именно „сближеніе историческихъ показаній съ народною легендою о древнемъ Торческѣ“, оттиснутое мною въ видѣ отдѣльной брошюрки (которую едвали теперь можно гдѣ нибудь отыскать) имѣетъ непосредственное отношеніе къ предмету настоящей статьи.

П. И. въ 1862 г. посѣтилъ развалины Торча, древняго городка на р. Стугнѣ, и записалъ изъ устъ селянина безъискуственную легенду, поразительно совпадающую съ лѣтописнымъ разсказомъ. Тамъ-же онъ получилъ въ подарокъ сокирку (топорикъ), найденную въ развалинахъ.

Извѣстно изъ лѣтописи, что турецко-татарское племя торковъ осѣлось въ приднѣпровьи и ославянилось. Во время распрей между внуками Ярослава, половцы пошли войной на русскую землю и осадили Торческъ. Русскіе князья явились на помощь торчанамъ.

Отмѣтимъ нѣсколько мѣстъ изъ лѣтописи.

Подъ 6601 г. (1093)... Придоша половци мнози и оступиша *Торцiйскый градъ...* Володимеру пришедшю Кіеву, совокупистася у святаго Михаила и *взяша межи собою распря и котора....* Святополкъ же и Володимеръ и Ростиславъ *созваша дружину свою на совѣтъ*, хотячи поступити черезъ рѣку, и начаша думати... *Побѣже* Святополкъ. *Побѣже* и Володимеръ съ Ростиславомъ. Прибѣгоша къ рѣцѣ Стугне и вбреде Володимеръ съ Ростиславомъ, нача утопати Ростиславъ предъ очима Володимерима... И *утопе* Ростиславъ, сынъ Всеволожь (П. С. Р. Л. т. I. Лавр. лѣтопись стр. 93—94).

Половци пустиша по земли воюючи, а *друзіи возвратишася къ Торцьскому...* Половцѣмъ-же осѣдящемъ Торцьскый, *противя-*

щимъ же ся Торцьскомъ и *крѣпко борющимся* изъ града, убиваху многы отъ противныхъ; половци же начаша налегати и *отъимаху воду* и *изнемогати* начаша *людье въ градѣ* водною жажею и голодомъ. И прислаша торци къ Святополку, глаголюще: аще *не пришлеши брашна, предатися имамы.* Святополкъ-же *посла имъ* и *не бѣ лзѣ вкрастися въ градъ,* множествомъ вой ратныхъ... *Изнемогоша люды въ градѣ гладомъ и предашася ратнымъ* (П. С. Р. Л., Лавр. лѣтопись, т. I, стр. 93—96).

Послушаемъ теперь путеводителя П. И. Ревякина по развалинамъ Торческа-Корнія Валового.

„Винъ (городъ) ще за тіхъ князьківъ, що колысь-то князювали у Кыиві, Красному и Трыпіллі, тому може съ тысячу літъ е.... Кажуть городъ вельми сыльный бувъ; непріятелю (*гóрды* тоді все ходили) *не можна було ёго добути.* Якъ зачнуть лізти на валы, то торчане давай на ихъ пущати колодками зъ валівъ: потовчуть, потовчуть ихъ добре, а вони і одійдуть знову у шаньці. Ёго такъ хитрощами і узяли: *воду одвернули съ Стугны* да *чумакомъ... Прийшли князьки на помічъ* торчанамъ, тай давай проміжъ себе *колотиться* та *радитись.* А орда, не думаючи, не радючись, якъ кинеться на ихъ, такъ усіхъ и *потопила* у Стугні.

Продолжаетъ не выдержавшій характера Омелько.

„А все одъ *Торча не відступають; облягли ёго,* щобъ *вінъ не мавъ чого істы й пити; воду*, виходить, *одвели,* а сами узяли та зробили півтораста чумачихъ возівъ; у перві понакладали *борошна,* а у зостальнихъ сами залягли тай кажуть: *се ми вамъ правъянтъ одъ помощи веземо.* Ті—мабуть у ночи діло було—и відчинили имъ браму. Такъ Торчъ й узяли".

П. И. Ревякинъ, въ концѣ своего замѣчательнаго сближенія, радуется тому, что *нашелъ настоящій Торческъ* и опровергъ мнѣніе Татищева, Карамзина, Фундуклея и др. о томъ, что древній Торческъ въ таращанскомъ уѣздѣ кіевской губерніи (село Торчица).

Но это очень скромно. Легенда, имъ записанная на развалинахъ древняго города и столь поразительно схожая съ лѣтописнымъ сказаніемъ, *ясно доказываетъ древность южно-русскаго населенія въ приднѣпровьи* и, на ряду съ другими доказательствами, указанными г. Котляревскимъ въ статьѣ его: „Были-ли малоруссы исконными обитателями полянской земли, или пришли изъ-за Карпатъ

въ XIV вѣкѣ" (Основа, октябрь, 1862 г.), опровергаетъ мнѣніе о южно-русской недавней колонизаціи въ страну полянъ-великоруссовъ.

Но и этого мало. Многоглаголаніе дивнаго Омелька (да живетъ онъ еще многіе годы, или да будетъ надъ нимъ земля перомъ, если онъ уже удалился изъ юдоли плача), записанное ничего не пропускавшимъ П. И., даетъ теперь возможность опровергнуть эту вымышленную колонизацію и слѣдами о событіи XI вѣка, *сохраненными въ южно-русской современной пѣснѣ.*

IV.

Пробѣгая вмѣстѣ съ П. И. его рукописи, я, съ его позволенія, выписалъ слѣдующую страницу изъ повѣствованій діда Омелька.

— „А ты бувъ на Торчі?"

— „Скілько разъ! Підъ нимъ ціла різа земли буде, и місце е, де стояла церква—теперъ тільки яма. Сиділи діти надъ сею ямою—глядять—клубочокъ шовковый. Давай вони мотати, а церква выходить, выходить—вже и баню видно. Ажъ тутъ прибігла за ними матка. Що ви тутъ вражи діти робите?—Вона такъ знову й шурхнулась въ землю. Якъ поідемо, то все побачимо".

„Ихъ, бачите, не можна було ніякимъ средствіемъ узяти. Отбивались було торчане колодами, пущаючи зъ валу та пращуючи. *Чумакомъ узяли.* Воды, значицьця, не було".

— „Чумакомъ?"

— „Хтось выдумавъ: а давай, братці, спорядимъ півтори сотні возівъ, ніби хуру съ правъянтомъ веземо. Имъ й отворили браму, впустили въ кріпость, а тіи й взяли городъ. Такъ и теперъ співають".

А зробимъ, братці, півтораста возовъ,
Да поидемо въ Азовъ.
Приходе купчина питае.
У насъ, брате, товаръ дорогий.

— „Се, Омельяне, вже не до того, тутъ про Азовъ споминаецьця, а не про Торчъ."

— „А може Торчъ у старину и такъ звався. На що жъ мы называемо Одессу Одессою, колы вона настояще—Гаджубей. Може такъ и Торчъ звали колись Азовомъ. Давне діло."

Въ 1865 году, въ одно изъ своихъ этнографическихъ блужданій, я попалъ въ жидовскую корчму и покоилъ свое измученное тѣло среди бебеховъ, оглушаемый крикомъ молящихся дѣтей Израиля (дѣло было подъ субботу). Пьяный солдатъ—хохолъ, ввалившись въ корчму, заоралъ какую-то пѣсню. Я вынулъ тетрадку и, по обычаю, сталъ записывать. *„Эй сдѣлаемъ, братці, сто пьятдесятъ возовъ, эй поѣдемъ братці въ Азовъ“*. Далѣе слѣдовали обще-россійскія ругательства, къ южно-русской этнографіи не относящіяся.

Мнѣ причудилось, что я гдѣ-то слышалъ начало этой чепухи. Въ Кіевѣ, разбирая всякую всячину, я случайно натолкнулся на Омельковъ разсказъ и на четыре строки Омельковой пѣсни. Пьяный солдатъ пѣлъ исковерканную пѣсню объ осадѣ Торческа и, подобно тому, какъ дідъ Омелько, по словамъ П. И Ревякина, послужилъ пружиною къ открытію древняго Торческа, жрецъ Марса способствовалъ къ открытію пѣсни о событіи XI-го вѣка.

Начались розыски въ нашей богатой коллекціи собранныхъ и записанныхъ пѣсень, и на свѣтъ Божій появилась слѣдующая пѣсня, записанная г. Ильницкимъ отъ Трофима Литвиненка въ селѣ Великая Снітинка (кіевской губерніи).

1. Ой що то за крячокъ, що по морі літае?
2. Що то за бурлачокъ, що все народъ збірае?
3. Ой крикнувъ-покрикнувъ сильно багачъ молодый:
4. „Ой збірайтеся, хлопці, а все народъ майстровый!
5. Гей зробімо, хлопці, панове молодці, тай півтретяста во-зовъ,—
6. Гей та купимъ мы, брацьці, панове молодці, тай півтре-тяста паръ воловъ.
7. Гей запряжемъ мы, брацьці, панове молодці, та въ ті но-виі возы,
8. Ой та підемъ мы, брацьці, панове молодці, въ Кремень-городъ на базаръ,
9. Ой наберемъ мы, брацьці, панове молодці, а все дорогый товаръ—
10. Все лысыці та куныці та чорниі соболя,
11. А будемъ мы преставлять ажъ у городъ Кышинёвъ,
12. А зъ города Кишинева та привеземъ у Ростовъ.

13. Тай поставемъ мы, брацьці, панове молодці, та въ три улиці рядомъ;
14. Ой та прійдуть къ намъ, брацьці, панове молодці, а три купці молодихъ.
15. Вони въ насъ запитають, а що въ васъ за товаръ?
16. Эй, у насъ товаръ дорогый:
17. Все лысыці та куныці та чорныі соболя,
18. А вы, купці-молодці, вы пріятелі мои,
19. Та постойте вы, чумаченьки, ажъ до завтрешняго дня,
20. А въ завтрешнему деньку мы въ васъ товаръ заберемъ.
21. И вамъ деньги покладемъ;
22. Та кому срібло, кому злото, кому сукна дорогі,
23. Ой а кому не достане, той тому будеть доволі.
24. Та продавайте, чумаченьки, сей товаръ дорогый,
25. А мы пойдемъ, бурлаченьки, по Ростову пройдемъ,
26. А щей бурлаченьки по Ростову не пройшли
27. А вже наши чумаченьки сорокъ возовъ продали.

Примѣчаніе пѣвца: „А вони це прывезли у возахъ не товаръ, а козаківъ“.

Этотъ варіантъ Омельковой пѣсни, имѣя общую, формальную впрочемъ, черту съ легендой (товаръ на ста пятидесяти чумацкихъ возахъ: півтораста, півтретяста возовъ), могъ только дать слабое указаніе послѣднимъ примѣчаніемъ пѣвца о томъ, что козаки, запрятанные въ чумацкіе возы, обманомъ прошли въ какой-то городъ [1]). Омелько, дѣйствительно, могъ приплести къ своей замѣчательной легендѣ, какъ-бы живьемъ взятой изъ лѣтописи, обрывокъ какой-то пѣсни ни къ селу, ни къ городу. Да и самое сказаніе о томъ, что городъ взяли чумакомъ, т. е. что въ возахъ, наполненныхъ брашномъ (борошномъ) и, будто-бы, посланныхъ русскими князьями для

[1]) Въ сборникѣ чумацкихъ пѣсень г. Рудченка, вышедшемъ въ свѣтъ уже въ 1874 году, напечатаны четыре варіанта нашей пѣсни. Въ текстѣ послѣдняго варіанта сказано:

Прийде до насъ славный купець молодый;
Эй що въ вашихъ возахъ та товаръ дорогый?
У насъ лисиці та куниці та чорні соболі.
Якъ одкрые рогожу, ажъ тамъ добрі молодці.

голодающихъ торчанъ, спрятались половцы и такимъ образомъ хитростью вошли въ городъ, — можетъ быть только фантастическимъ прибавленіемъ, не имѣющимъ историческаго основанія. Вѣдь въ лѣтописи сказано только, что Святополкъ, по требованію торчанъ, послалъ имъ брашно (борошно въ разсказѣ Омельки), но „не бѣ лзѣ вкрастися въ градъ“. „Людье въ градѣ изнемогоша гладомъ и предашася ратнымъ“. Но какимъ образомъ городъ былъ взятъ—хитростью или силою—въ лѣтописи ни слова. Да если-бы даже сказаніе Омелька о взятіи города *чумакомъ* и розыскалось въ лѣтописи, то невозможно было-бы доказать, что найденная пѣсня поетъ именно про это событіе. Ни одного собственнаго имени: не то что сло́ва—половецъ, торчанинъ, но нѣтъ даже сло́ва орда, татары. Можно было-бы предположить, что древнее имя „половцы“ могло замѣниться новымъ, болѣе памятнымъ для южноруса — татары. Пѣсня представляетъ собою чумацкую пѣсню, и даже не совсѣмъ обыкновенную, а достаточно безсмысленную, очевидно искаженную.

Эта-та безсмысленность содержанія пѣсни и побудила насъ пуститься, не унывая, въ новые розыски.

Отысканъ былъ новый варіантъ, записанный г. Косачемъ въ м. Василивщинѣ, васильковскаго уѣзда, кіевской губерніи.

1. Ой щожъ-то за кречетъ,
2. Що по морю крякае?
3. Ой щожъ-то за бурлака,
4. Що молодцівъ збірае?
5. А збірайтеся, братьтя,
6. А все народъ мастерной;
7. Ой зробимо, братьтя,
8. Півтораста сімъ возовъ,
9. Ой купимо, братьтя,
10. Півтораста сімъ паръ воловъ.
11. И поставимо, братьтя,
12. Півтораста сімъ молодцовъ.
13. И поідемо, братьтя,
14. У той городъ у Азовъ.
15. И станемо, братьтя,
16. Ю(у)лицями у подовжъ.
17. Выйдуть и къ намъ, братьтя,

18. Превеликиі купці,
19. А питатимуть, братьтя,
20. Що за товаръ у возахъ?
21. Охъ, у насъ товаръ, братьтя,
22. Усе товаръ, товаръ дорогый:
23. Все куныці, лисиці,
24. Та все чорны соболі...
25. А по завтрашнимъ, братьтя,
26. Побачемо ще й сами.
27. Ой изъ вечора, братьтя,
28. Орда городъ обняла,
29. А и къ півночи, братьтя,
30. Орда въ городъ увійшла.
31. А и къ світові, братьтя,
32. Волы й возы забрала.
33. Кому суконъ, кому злота,
34. Кому суконъ дорогихъ—
35. А которому недостача,
36. То туркенівъ молодихъ.

Вторая половина этого варіанта въ высшей степени замѣчательна. Въ пѣснѣ является слово орда. „Горды тоді все ходили, говорилъ П. И. Ревякину Корній Валовый. „*Орда* потопила“ князей. „Орда, по словамъ Омелька, одбила провьянтъ“. Орда, по словамъ пѣсни, разбираетъ богатства, захваченныя въ городѣ. Она облегаетъ *городъ* вечеромъ, входитъ въ *городъ* въ полночь („мабуть у ночі було діло“—говоритъ Омелько въ своей легендѣ), а утромъ грабитъ имущество гражданъ. Орда *захватываетъ* возы съ товаромъ. Разница со словами Омелька: Омелько и первый варіантъ говорятъ, что въ городъ вошли обманомъ, чего въ лѣтописи нѣтъ; второй варіантъ прямо ґоворитъ, что орда захватываетъ возы, что болѣе согласно съ лѣтописью, по которой Святополкъ не могъ доставить брашна осажденнымъ торчанамъ.

Если-бы какая-либо татарская орда въ болѣе позднее время захватила турецкій Азовъ и стала грабить турокъ и брать въ плѣнъ турчанокъ, какимъ образомъ фактъ этотъ отразился-бы въ южнорусскомъ эпосѣ и на какомъ основаніи? И почему воспоминаніе объ этомъ фактѣ сохранилось-бы именно въ пѣсняхъ, *записанныхъ*

или слышанныхъ только около Днѣпра (ибо, не смотря на тщательные розыски, варіантовъ изъ другихъ мѣстъ не оказалось) [1]). Наконецъ драгоцѣнны послѣдніе два стиха: кому не достаетъ суконъ и золота, *тотъ уводитъ въ плѣнъ молодыхъ туркенівъ.* По моему убѣжденію, это существительное женскаго рода отъ имени Торкъ, Торчинъ, Торчанинъ—*Торкеня* [2]) (и буква „у" замѣнила букву „о" позже, такъ какъ самое имя древнихъ торковъ исчезло изъ сознанія народнаго). „Половци-же, пріимше градъ, запалиша и огнемъ, *люди раздѣлиша* и *ведоша въ вежѣ* къ сердоболемъ своимъ и сродникомъ своимъ", говоритъ лѣтописецъ. „Много роду хрестьяньска стражюще: печальни, мучими, зимою оцѣпляеми, въ алчи и въ жажи и въ бѣдѣ опустнѣвше лици, почернѣвше тѣлесы; незнаемою страною, языкомъ испаленымъ, нази ходяще и боси, ноги имуще сбодены терньемъ. Со слезами отвѣщеваху другъ къ другу, глаголюще: „азъ бѣхъ сего города" и другія: „азъ сея вси"; тако съупрашаются со слезами, родъ свой повѣдающе и вздышюче... (Полное собраніе русскихъ лѣтописей, т. I, стр. 96).

Итакъ, изъ сопоставленія легенды Омелька, лѣтописнаго разсказа и двухъ приведенныхъ варіантовъ, я вывожу, что пѣсня наша—*обломокъ исторической пѣсни о событіи XI вѣка.*

Историческія пѣсни, въ тѣсномъ смыслѣ слова, о событіяхъ древней русской исторіи и могутъ быть только обломками. Онѣ входятъ иногда какъ часть въ пѣсни козацкія, чумацкія, бурлацкія, рекрутскія и даже солдатскія. Чѣмъ меньше историческихъ именъ, историческихъ чертъ въ такой пѣснѣ,—тѣмъ она достовѣрнѣе, если только можно разобрать ее путемъ сравнительнымъ, т. е. сличить съ лѣтописью, съ легендами, съ развалинами, какъ въ данномъ случаѣ. Пѣсни о древнихъ событіяхъ, оказавшіяся подложными, и

---

[1]) Изъ четырехъ варіантовъ, сборника г. Рудченка, три тоже приднѣпровскіе (Жаботинъ, Васильковъ, Елисаветградъ); четвертый, сообщенный г. Костомаровымъ,—не извѣстно откуда.

[2]) Въ варіантѣ В. сборника г. Рудченка (стр. 84) при взятіи Азова разбойники берутъ въ плѣнъ *черкесочокъ* молодыхъ. Этотъ варіантъ, искаженный временемъ, какъ и всѣ прочіе, и далъ, вѣроятно, г. М. Т—ву въ его статьѣ (Вѣстникъ Европы, мартъ 1877 г.) поводъ къ сближенію пѣсни съ фактомъ взятія Азова козаками въ XVII вѣкѣ, о чемъ сказано будетъ ниже.

били глаза опытнымъ знатокамъ древности своимъ, такъ сказать, благообразіемъ и quasi-древнимъ складомъ.

Окончу словами г. Костомарова: „Хотя свѣжесть и яркость представленій о козацкомъ вѣкѣ значительно ослабла въ воспоминаніи народа, но все еще народъ въ общихъ чертахъ помнитъ объ этомъ вѣкѣ, а о дружинахъ и старыхъ князьяхъ удѣльно-вѣчеваго строя не имѣетъ онъ и тѣни представленія. Это однако не мѣшаетъ въ его пѣсняхъ, безсознательно для него самого, оставаться слѣдамъ давней старины, подобно тому какъ и объ язычествѣ своихъ предковъ народъ забылъ совершенно, однако не только въ его пѣсняхъ и обрядахъ, но и въ его нравахъ и понятіяхъ найдется много языческаго, понятнаго только для наблюдателя, вооруженнаго наукою".

Все конечно такъ. Народная пѣсня проходитъ тѣже типическіе фазы, какъ и народная жизнь. Если козацкая пѣсня временъ Запорожья (и слѣдовательно историческая въ тѣсномъ смыслѣ этого слова) перешла въ пѣсню чумацкую или бурлацкую и потеряла свои спеціальныя историческія особенности (чему есть многіе примѣры), то кольми паче пѣсня о событіи эпохи удѣльно-вѣчевой. Она постепенно теряла свои существенные признаки, переживая эпоху козачества, гайдамаччины и наконецъ бурлачества и чумачества. Она искажается, принимаетъ новыя имена изъ чумацкой географіи (Кишиневъ, Азовъ, Ростовъ, Кремень-городъ), хотя по содержанію своему не представляетъ ничего характерно-чумацкаго или бурлацкаго, какъ другія пѣсни этого цикла народной жизни. И даже критическій ножъ опытнаго изслѣдователя окажется безсильнымъ очистить всѣ эти нанесенныя вѣками наслоенія и добраться до древняго типа. Только иногда—и то совершенно случайно—она открываетъ свою тайну счастливому работнику-собирателю [1]).

---

[1]) До какого разнообразія доходятъ взгляды гг. собирателей и изслѣдователей на историческіе слѣды въ народныхъ пѣсняхъ, видно изъ слѣдующаго примѣра. Г. Рудченко въ разбираемой нами пѣснѣ видитъ тоже весьма древнюю бытовую черту торговли мѣхами и мѣновой торговли (стр. 4). Г. М. Т—въ (въ статьѣ «Ученая экспедиція въ Западно-Русскій край», Вѣстникъ Европы, мартъ 1877 г.) признаетъ въ этой-же пѣснѣ великорусское происхожденіе и видитъ въ ней перефразировку прозаическаго сказанія о взятіи донцами Азова при Михаилѣ Ѳедоро-

Сопоставимъ имѣющіеся у насъ факты:

1) Тождественность легенды, записаной на развалинахъ Торческа, съ лѣтописнымъ разсказомъ не подлежитъ сомнѣнію. Народное происхожденіе легенды очевидно, ибо не возможно предположить, чтобы она была осколкомъ лѣтописнаго разсказа, занесеннаго въ народъ въ позднѣйшее время.

2) Взятіе города *чумакомъ*, посредствомъ хитрости—подробность, въ лѣтописи не находящаяся и, очень можетъ быть, не историческая въ тѣсномъ смыслѣ слова. Значеніе ея заключается въ томъ, что она *органически связываетъ* легенду съ пѣснею, а слѣдовательно составляетъ звено между пѣснею и лѣтописью.

3) Эта связь пѣсни съ легендою становится еще яснѣе отъ сличенія *подробностей* легенды и втораго варіанта пѣсни.

4) Имена собственныя—Ростовъ (во второмъ варіантѣ Азовъ), Кишиневъ, Кремень-городъ — происхожденія позднѣйшаго, той эпохи, когда пѣсня, созданная въ приднѣпровьи, въ землѣ древнихъ торковъ, приняла видъ бытовой пѣсни, и историческія черты ея утратились въ народномъ сознаніи.

5) Имена—орда, туркеня (торкеня), бездоказательныя сами по себѣ, получаютъ сами первенствующую важность въ совокупной силѣ доказательствъ и представляютъ несомнѣнный историческій слѣдъ.

6) Довольно трудно принять предвидимое возраженіе противъ предыдущаго тезиса, ибо невозможно предположить, чтобы взятіе татарами Азова и уводъ въ плѣнъ турчанокъ (если-бы что нибудь и было въ этомъ родѣ) отразилось въ южно-русскомъ эпосѣ. Это противорѣчило-бы основнымъ законамъ народнаго творчества.

7) Видимая безсодержательность искаженной временемъ пѣсни (и въ особенности перваго варіанта) и несходство ея характера съ общимъ типомъ южнорусскихъ чумацкихъ пѣсень—можно причислить также къ одному изъ доказательствъ ея древности.

А. Стояновъ.

вичѣ (напечатаннаго въ Чтеніяхъ М. О. И. и Др. 1864 г., кн. III, отд. V). Г. М. Т—въ полагаетъ, что этому сказанію должна была отвѣчать великорусская пѣсня, которая не записана до сихъ поръ никѣмъ (стр. 108).

Записки кіевскаго мѣщанина Божка Балыки о московской осадѣ 1612 года.

(Изъ лѣтописнаго сборника Ильи Кощаковскаго).

Въ рукописномъ отдѣленіи института Оссолинскихъ во Львовѣ, подъ № 2168, хранится весьма интересный историческій сборникъ, составленный въ Кіевѣ въ XVII столѣтіи. Сборникъ этотъ, написанный полууставомъ южнорусскаго письма на толстой сѣрой бумагѣ in 4-to, заключаетъ въ себѣ 168 страницъ, исписанныхъ сжатымъ, весьма впрочемъ старательнымъ, почеркомъ. Всѣ заглавія и начальныя буквы красныхъ строкъ писаны киноварью. Книга переплетена весьма изящно въ старинный переплетъ, покрытый бѣлою лоснящеюся кожею и на лицевой сторонѣ переплета оттиснута золотыми, церковно-славянскими буквами надпись: «*Лѣтописци Волыни и Оукраины*». Въ разныхъ мѣстахъ книги помѣщены приписки, которыя содержатъ почти полную исторію странствованія рукописи изъ Кіева въ Червоную Русь и перехода ея изъ рукъ въ руки. На страницѣ 3—47 внизу листовъ сдѣлана такая приписка: «сія книжка монастира подгородискаго [1]) отъ велебного отца Іліи Кощаковскаго, уставника монастиру межигорского, которій ту, близко отчества своего, до монастира подгородиского, зближившися, и лѣтъ три змешкавши, житіе свое скончихъ дня 5 іануарія ҂АѰК року, 1720 anno, а записанна есть до монастира подгородиского ҂АѰКА року, за старшенства велебного отца Ісаіі Дунаевского, ігумена подгородиского, его власною рукою». Затѣмъ на страницахъ: 1—3, внизу находится дальнѣйшая приписка: «Die 6 Decembris 1750 hunc librum, cui titulus Kronika Ruska, usui patris Hieronimi Zurakowski in senili aetate ex residentia Horodyscensi acceptum, post obitum praefati patris supradictae residentiae restituendum censeo. Silvester Koblanski. ord. S. B. M. provincialis R. m. p. [2]). Изъ слѣдующей приписки, сдѣланной на наружной обложкѣ книги,

---

[1]) Подгородцы—село, лежащее нынѣ въ стрыйскомъ округѣ Галиціи на рѣкѣ Гнилой Линѣ; нѣкогда принадлежало къ рогатинскому староству.

[2]) Декабря 6 дня 1750 года. Полагаю, что книгу сію, носящую заглавіе „Русская лѣтопись“, взятую изъ городисскаго монастыря для пользованія отцемъ Іеронимомъ Жураковскимъ, бывшимъ въ преклонныхъ лѣтахъ, за смертью реченнаго отца, слѣдуетъ возвратить въ городисскую обитель. Сильвестръ Коблянскій, провинціялъ русскій (червонорусскій) ордена св. Василія Великаго, собственною рукою.

узнаемъ, что это распоряженіе провинціала было исполнено, а равно и какова была дальнѣйшая судьба рукописи; приписка эта гласитъ: «Hoc opusculum, post abolitum monasteriolum Horodyscense anno domini 1758, insertum est cathalogo librorum monasterii Leopoliensis ad S. Georgium» [1]). Наконецъ послѣдняя приписка, помѣщающаяся на первой и послѣдней (168-й) страницахъ, свидѣтельствуетъ (впрочемъ безъ означенія года), что рукопись принадлежала въ теченіи нѣкотораго времени монастырю св. Георгія; вотъ эта приписка: «Ex bibliotekа monasterii Leopoliensis s. Georgii Martyr» [2]). Затѣмъ о дальнѣйшей судьбѣ рукописи свѣдѣнія не записаны.

Составъ лѣтописнаго сборника весьма разнообразенъ и интересенъ, какъ по содержанію многихъ статей, вошедшихъ въ его составъ, такъ и по той характеристикѣ научнаго движенія въ средѣ образованнаго, книжнаго кіевскаго общества XVII столѣтія, которую возможно воспроизвести на основаніи подбора и группировки статей, помѣщенныхъ въ сборникѣ.

1) Первая, большая часть книги (стр. 1—90) занята лѣтописною компиляціею, заглавіе которой, писанное киноварью, красуется на первой страницѣ рукописи: «Кроника русская о російскихъ самодержцехъ и великихъ царехъ, откуду и како быша, подобаетъ взыскати. Здѣ вонмемъ и услышимъ и обрящемъ отъ сего, яко отъ Августа, кесаря рымскаго корень ихъ вышелъ». Эта первая статья сборника представляетъ компиляцію, составленную частью изъ Стрыйковскаго, Гвагнини и другихъ писателей XVI ст., частью изъ русскихъ лѣтописныхъ сводовъ, причемъ, въ числѣ послѣднихъ извѣстій, встрѣчаются хотя изрѣдка свѣдѣнія совершенно оригинальныя, несомнѣнно заимствованныя изъ южно-русскихъ сводовъ; извѣстія эти иногда сходны съ извѣстіями Синопсиса, иногда-же совершенно самостоятельны, какъ напримѣръ описаніе кіевскихъ укрѣпленій, сказаніе о взятіи Чернигова Батыемъ и т. п.

Вторая половина рукописи заключаетъ 6 отдѣльныхъ статей, расположенныхъ въ слѣдующемъ порядкѣ:

2) *Записки Богдана Балыки* «О Москвѣ и о Дмитрію царику московскомъ» (стр. 91—99). Какъ вслѣдствіе интереса содержанія этой статьи, такъ и въ качествѣ матеріала для характеристики быта и литературнаго развитія кіевскаго мѣщанина начала XVII столѣтія, мы помѣщаемъ ее ниже цѣликомъ.

3) "*Лѣтописецъ вторый*" (стр. 100—120). Подъ этимъ заглавіемъ помѣщенъ сводъ, составленный изъ пяти лѣтописныхъ отрывковъ, въ видѣ непрерывнаго повѣствованія; впрочемъ отдѣлить эти отрывки другъ отъ друга легко не только на основаніи содержанія и пошиба изложенія, но и по чисто внѣшнимъ

---

[1]) Это сочиненіе, послѣ упраздненія городисскаго монастырка въ 1758 году, занесено въ каталогъ книгъ львовскаго монастыря св. Георгія.

[2]) Изъ библіотеки львовскаго монастыря св. мученика Георгія.

признакамъ: хотя всѣ отрывки переписаны послѣдовательно другъ за другомъ, но хронологія каждаго удержана и начало каждаго слѣдующаго отрывка уже замѣтно потому, что возвращается хронологически назадъ, захватывая часть времени, уже разсказаннаго въ предыдущемъ отрывкѣ. Въ общихъ чертахъ содержаніе каждаго отрывка заключается въ слѣдующемъ: 1) Первая часть обнимаетъ извѣстія съ 1051 по 1492 годъ: въ началѣ до 1177 года это мѣстная монастырская лѣтопись кіево-печерскаго монастыря, затѣмъ съ указаннаго года она становится областною лѣтописью смоленской земли, заключая въ себѣ то извѣстія вполнѣ самостоятельныя, то по временамъ такія, которыя вошли въ лѣтопись т. н. Быховца. 2) Вторая часть обнимаетъ время 1394—1572; она мало интересна и заключаетъ краткія записки о великихъ князьяхъ литовскихъ. 3) Не болѣе интереса представляетъ и третяя часть (1516—1600), содержащая краткія замѣтки, относящіяся къ исторіи Рѣчи Посполитой и о судьбахъ козачества. 4) Нѣсколько болѣе самостоятельна часть четвертая (1393—1611), представляющая краткую областную лѣтопись земель кіевской и волынской. 5) Наконецъ послѣдній отрывокъ (1612—1620) составляетъ продолженіе предъидущаго, написанное гораздо подробнѣе и живѣе; это настоящая лѣтопись областная кіевская, веденная очевидцемъ описываемыхъ событій.

4) Четвертую статью сборника составляетъ: *Линѣя митрополитовъ кіевскихъ православныхъ* (стр. 120—127). Это перечень кіевскихъ митрополитовъ, доведенный до 1690 года. Въ началѣ помѣщены одни имена, съ конца-же XVI столѣтія, т. е. съ Михаила Рогозы, сообщаются краткія біографіи каждаго митрополита.

5) Пятая статья (стр. 127—135) озаглавлена: *Выводъ народу славенскому и Рускому* и заключаетъ въ себѣ свѣдѣнія о разселеніи славянъ, о пути изъ варягъ въ греки и о пришествіи св. Андрея въ Русь:—все это заимствовано изъ «Повѣсти временныхъ лѣтъ» и затѣмъ, въ видѣ приложеній и поясненій, дополнено извлеченіями изъ Гвагнини (о рѣкахъ въ Сармаціи) и изъ хроники Мартына Бѣльскаго (о событіяхъ, относящихся къ Руси съ 1025 по 1378 годъ).

6) Шестая статья (стр. 135—141) представляетъ оригинальную кіевскую областную лѣтопись за время 1608—1700 годъ; лѣтопись эта составлена въ межигорскомъ монастырѣ, вѣроятно самимъ Ильею Кощаковскимъ, и отличается живостью изложенія, самостоятельностью и глубокимъ интересомъ сообщаемыхъ извѣстій.

7) Наконецъ послѣ промежутка въ двѣ страницы, оставленнаго пробѣломъ, помѣщена послѣдняя статья (стр. 143—168): *Война волоская отъ цесаря турецкаго Османа.* Это переводъ одного изъ польскихъ дневниковъ хотинскаго похода 1621 года, написаннаго кажется Опалинскимъ и интересовавшаго кіевлянъ, вслѣдствіе выдающейся роли, какую игралъ въ этомъ походѣ козацкій гетманъ Петръ Конашевичъ Сагайдачный.

В. А.

О Москвѣ и о Дмитрію, царику московскомъ ложномъ. Сіе писалъ мещанинъ кіевскій именемъ Божко Балыка, который самъ тамъ былъ и самовидецъ тому былъ.

Року 1604 мѣсяца октоврія 1 дня уѣхалъ въ Кіевъ царикъ московскій на день Покровы Пресвятыя Богородицы въ понедѣлокъ, а зъ нимъ былъ воевода сендомирскій и староста острицкій [1]), панъ Ротомскій. Стоялъ господою у бурмистра Митковича, а возился [2]) у Вышгородѣ, и пошолъ на Путивль. Зъ Путивля выйшолъ на веснѣ, року 1605, мая 3 дня. Сѣлъ на царствѣ на Москвѣ того жъ року; короновано постомъ Иліи, а забили его року 1606, мая 9 дня; а битва сталася [3]) на заутрешний святого Миколы въ пятокъ.

Чти не ложно, бо писанъ сей литописецъ презъ людей певныхъ, мещанъ кіевъскихъ, хто тамъ былъ и очима своима видѣлъ. Писалъ Божко Балыка.

Року 1612, генваря 9 дня нещасливого выѣзду моего зъ Кіева въ дорогу московскую и терпѣнія великого голоду и неволи увъ осадѣ насъ купцовъ до килка сотъ, ижъ во всемъ свѣтѣ голодъ неслыханный и въ кройникахъ [4]) не писаный.

Тогожъ дня, на день святого мученика Поліевкта, былемъ я, Богданъ Балыка, у дому ихъ милостей: пана Александра и пана Созона Балыкъ, войтовичовъ кіевскихъ, братіи моей, а потомъ былемъ въ дому пана Савостіяна [5]), бурмистра кіевского, тестя своего, и зъ его дому пустилемся [6]) въ дорогу, за возами; ночовалъ тую ночь у Новоселкахъ, у Десны, въ четвертокъ. У пятокъ поткалъ козаковъ стародубскихъ, а у суботу своихъ догналъ въ Навозѣ селѣ, на обѣдѣ. Тогожъ месеца 14 дня увъ Ялѣ селѣ споткали Марка, товариша небожчика Боргоцкаго: провадилъ зъ Москвы тѣло князя Доманта и Пархома полковника, которые побиты у штурми подъ городомъ Стародубомъ. Дня 15 до Лоева пріехали есмо и поткали Миска Хурсенка, ехалъ зъ Смоленска. 17 дня выѣхали зъ Лоева. Дня 18 приехали до Гомля; на завтрый день приехали до насъ: Ивашковскій, пол-

---

[1]) Остерскій. [2]) Переправился. [3]) Убійство произошло. [4]) Лѣтописяхъ.
[5]) Савостіянъ Брачи, италіянецъ архитекторъ, приписавшійся въ кіевское мещанство. [6]) Я отправился.

ковникъ козацкій и зъ ясавуломъ Севериномъ Перехрестомъ; 21 дня выехали зъ Гомля; за три дня приехали до Стародуба, тамъ стояли 14 дней; посылали Богьдана Гулженка за войскомъ за Десну, але не могли вѣдомости взяти о войску; а потымъ посылали двухъ москалей до Новъгородка, до Лемона, племѣнника воеводина, жебы зъ нимъ торговалъ; и оттоль ни зъ чимъ приехалъ. Тогожъ року месеца февраля 6 дня изъ Стародуба выѣхали, 9 дня до Крысова приехали; 14 дня приехали до Мстиславля; 24 дня приехали до Смоленска; нашолемъ тамъ пана Струса и зятя своего Козѣку. 24 дня Струсъ изъ людомъ [1]) пошолъ и къ столыци. Тогожъ месеца 24 дня пустилися есмо, праве зъ незносным жалемъ, за Струсомъ до Вязмы. Въ среду 26 дня пана Струса разбили шиши, маетку много взяли и девять человѣка пѣхоты убили; а мы у селѣ Жижинѣ пана Хотымѣрского догнали, а на завтра черезъ тотъ трупъ ехали. Месеца марта 1 въ неделю православную приехалисмо до Вязмы и нашлисмо тамъ: Скоробогатого, и Богдана Гребенника, и Стефана Хмеля, купцовъ, мѣщанъ кіевскихъ. Тогожъ месеца 6 самъ панъ Струсъ зо всѣмъ войскомъ пошолъ былъ икъ столыци, и мы за нимъ, але для лихои дороги ухабистои и для шишовъ и снѣговъ великихъ панъ Струсъ миль двѣ отишолъ, а мы двѣ версты отишли отъ деревни князя Ивана Алгидіева; перво мы вернулися до Вязмы 7 дня, а потомъ и панъ Струсъ вернулся зо всѣмъ войскомъ. Тогожъ дня Омелянъ Скоробогатый и Стефанъ Хмель вернулися, поехали до Кіева, а мы такъ весь постъ великій и после великодня килка недель лежали. О середопостѣ нѣмцевъ человѣка 60 пришло до Вязмы и шишовъ на дорози громили такимъ способомъ: якъ выйшли зъ Смоленска, указано имъ где стоять; нѣмцы сами легли у возахъ по килка человѣка и покрылися рогожами и казали подводникамъ помалу ехати; шиши, то обачывши, розумѣли, же то купцы идутъ, на ортахъ (sic) до возовъ кинулися, а они шишовъ близко припустили, и заразъ зъ мушкетовъ на оныхъ разбойниковъ ударили, такъ, же ихъ килкадесятъ забили, и ранныхъ килкадесятъ поймали, а иныхъ по острожкахъ морозъ подушилъ, ледво убѣгло щось немного. Потомъ, после великодня, жолнере, и нѣмцы, и пехота, иншіе и наши охочіи ходили и килка зъ острожковъ достали и зъ корыстю вернулися. Тогожъ року мая 1 дня монастырскій полковникъ и Ширай другий два острожки взяли и килка

[1]) Съ войскомъ.

сотъ бояръ и шишовъ побили и до Вязмы, до пана Струса зъ товаришами приехали. На завтрей у мене, Боска Балыки, былъ панъ Струсъ у господи Василія Подопрысвѣта. Дня 3 мая я зъ Монастырскимъ и зъ товаришомъ выехали къ Середѣ, замку, и были у Середѣ дней 21. Дня 24 изъ Середы выехали, бояръ и што у турмѣ сидѣли 21 человѣка постинали, и Середу спалили всю. Тоеижъ ночи противъ недели была тривога великая; купци всѣ, покидавши возы, хотѣли утѣкати; шиши ударили, але не зыскали [1]) ничого, бо наши противъ ихъ выехали и прогнали; 26 дня скончавши (sic). шиши, которыи зъ Калуги пошли до Пскова, было ихъ килка сотъ, до царика, що былъ ново прослылся у Псковѣ, на насъ зъ корогвами ударили, але ихъ заразъ [2]) наши усперли [3]) и килкадесятъ ихъ забили и хоружого Ивашка зъ корогвою [4]) поймали, и иныхъ козаковъ, зъ ними будучихъ, живцомъ поймали, и 70 возовъ зъ розною живностю и зъ горѣлками [5]) взяли. Потомъ 28 дня пришлисмо знову до Вязмы.

Тогожъ року, месеца іюня 5 дня, пришолъ подъ столицю панъ Янъ Карулъ Хоткевичъ, гетманъ литовскій, и панъ Струсъ, и насъ купцовъ не мало, и Ширай зъ козаками притягнулъ и около рѣки Москвы обаполъ [6]) стали. Дня 11 Зборовскій, вышедши изъ столици, пошолъ до Полщи, зъ нимъ и наши кіяне пошли до Кіева: Урмянинъ и Ширима. Тогожъ месеца 12 дня въ нещасливый часъ уехалисмо въ столицю московскую и заперто насъ у осадѣ изъ паномъ Миколаемъ Струсомъ и старостою Хмелницкимъ и зъ полковникомъ кролевскимъ, паномъ Будиломъ, и панъ Теляфусъ, панъ Калиновскій, и панъ Вгонецкій, ротмистръ кролевскій и нашихъ пановъ до килкадесятъ, ротмистровъ и пехоты кролевскои и насъ, мещанъ кіевскихъ, человѣка 20, окромъ челяди, и я, Боско Балыка, и иншихъ купцовъ немало зъ иншихъ мѣстъ. Мы изъ Струсомъ и зъ Ложнею (sic) стали у Станислава господою противъ цар-пушки. Дня 13 гетманъ зо всѣмъ войскомъ своимъ изъ столицы пошолъ. Іюня 27, изъ суботы на неделю, князь Дмитрий Тимофѣевичъ Трубецкий, Мартинъ Ісаіевичъ Заруцкий, и было въ нихъ люду до килка тысячей, и до Китайгорода зъ трехъ сторонъ до штурму приступили: до двохъ брамъ, где Чорторыйская львица стоитъ; тамже ихъ добре наши усперли [7]) и до килка сотъ ихъ убили. Тогожъ

---

[1]) Успѣли. [2]) Тотчасъ. [3]) Отразили. [4]) Знаменемъ. [5]) Водкою. [6]) По ту и по другую сторону. [7]) Отразили.

лѣта, августа во 2 день притягнулъ князь Дмитрий Лопатенко подъ столицу и иныхъ князей не мало зъ людомъ. 14 августа панъ Хоткевичъ гетманъ знову тутже зъ людомъ притягнулъ, первей пѣхота церковъ святого Георгія опановали [1]), а Москва заперлася у церкви святого Климентія у въ острожку на самой дорозѣ, и наши ихъ тамъ достали [2]) и килка дѣлецъ [3]) отняли, и была тамъ битва велми великая отъ утра до вечера, и усперли были наши Москву добре, Пожарского князя подстрелили въ руку, и почали были зъ табору Москва утѣкати; наши тежъ выпадши зъ Кремля, помочи своимъ додавали, и килка поручниковъ изъ хоровгвами [4]) и зъ пехотою до насъ у муръ передалися, а гетманъ подъ Поклонную гору отступилъ и не могъ до столици пробитися, жебы живности своимъ дати; а въ середу праве зъ великимъ жалемъ [5]) всего нашего рицерства и насъ, бѣдныхъ купцовъ, отъ столици прочъ пошолъ, а насъ, увъ осадѣ началъ стискати голодъ, бо пехота, що ихъ было 600, почалы псы и кошки ѣсти. Тогожъ лѣта септеврія дня 14, голодъ велми сталъ утискати, пехота новая стала зъ голоду мерти и мало не вси вымерли, и наша пѣхота и товариство также все поѣли; нѣмцы кошки и псы всѣ поѣли, медъ (sic) и зѣля, и травою и леда чимъ живилися, бо все Москва отняла; дорогувля великая стала: селедецъ былъ по ползолотого, шкури воловыи перво были по пять золотыхъ, а потомъ стали по 12 золотыхъ; сыра мандрыку куповали по 6 золотыхъ; хлѣбъ денежный 10 золотыхъ; мы сами куповали калачъ денежный 7 золотыхъ. Около святои Покровы велми силный голодъ знялъ: жита чверть золотыхъ 100, овса чверть 40 золотыхъ, крупъ кварта 20 золотыхъ; зъ лободына насѣня/печеный, якъ гречаныкъ пѣняжный—три золотыхъ. Панъ Харлинский, капитанъ пихотный взялъ за меринца 500 золотыхъ, а чверть себѣ отрѣзалъ; за корову давали 600 золотыхъ; чверть мяса коньского была по 120 золотыхъ. А потомъ уже голодъ незносный почалъ трапити, же пѣхота и нѣмцы потай почали людей рѣзати и ѣсти. Мы найперпей, идучи отъ церкви соборной пресвятой Богородыци изъ службы, голову и ноги человѣчіи у ямѣ нашли, у кайстрѣ [6]); вязневъ московскихъ килканадцать человѣка пихотѣ зъ турмы подавали, тыхъ всѣхъ поѣли; потомъ у килка дней несли Москва

[1]) Овладѣли. [2]) Взяли приступомъ. [3]) Пушекъ. [4]) Хоругвь—отрядъ кавалеріи. [5]) Съ большою скорбью. [6]) Въ мѣшкѣ.

уголе майстеромъ денежнымъ у ворота Миколскіе. Гайдуки выскочивши зъ муровъ, одного порвали и заразъ забили и зъѣли; потымъ у килка дней жолнѣръ Воронецъ и козакъ Щербина, впадши въ домъ Өедора Ивановича Мстиславского, почали шарпати, ищучи живности, и Мстиславскій почалъ ихъ упоминати; тамже нѣкоторый ударилъ его цеглою [1]) у голову, же мало не умеръ. Довѣдался того панъ Струсъ, казалъ обоихъ поймати: Воронца стято и поховано, а Щербину обѣсити казали, который зъ годину на шибеницы не былъ; пѣхота заразъ отрѣзали и на штуки разрубали и изѣли. Пахолика одного, недавно умерлого, изъ гробу выкопали и изѣли. Октоврія 16 дня выпалъ снѣгъ великий, же всю траву покрылъ и корѣня; силный и не слыханый насъ голодъ змоглъ: гужи и попруги, поясы и пожны и леда костица и здохлину [2]) мы едали; у Китайгородѣ, у церкви Богоявленія, гдѣ и греки бываютъ, тамъ мы изъ Супруномъ килка книгъ нашли паркгамѣновыхъ; тымъ есмо и травою живилися,—а що были предъ снѣгомь наготовали травы—зъ лоемъ свѣчанымъ [3]) тое ѣли; свѣчку лоевую куповали по полъ золотого. Сынъ мытника Петриковскаго зъ нами увъ осадѣ былъ, того безъ вѣдома порвали и изѣли и иныхъ людей и хлопятъ безъ личбы поѣли; пришли до одной избы, тамже найшли килка кадокъ мяса человѣческого солоного; одну кадку Жуковскій, таваришъ Колонтаевъ, взялъ; той-же Жуковскій за четвертую часть стегна человѣчого далъ 5 золотыхъ; кварта горѣлки въ той час была по 40 золотыхъ; мышъ по золотому куповали; за кошку панъ Рачинский далъ 8 золотыхъ; пана Будиловъ товаришъ за пса далъ 15 золотыхъ, и того было трудно достать; голову чоловѣчую куповали по 3 золотыхъ; за ногу чоловѣчую, одно по костки, дано гайдуку два золотыхъ; за ворона чорного давали наши два золотыхъ и полъ фунта пороху—и не далъ за тое; всѣхъ людей болше двохъ сотъ пѣхоты и товаришовъ поѣли. Тогожъ року 1612 октоврія 22 дня, наждавшися праве долго ратунку и терпѣвши голодъ неслыханый, а отъ его кролевской милости и отъ пана гетмана не могли дождати, зъ великимъ плачемъ всего рыцерства и насъ бѣдныхъ купцовъ, панъ Струсъ и иншое товариство вышписаное мусѣли змиритися [4]); и побрали къ себѣ въ замѣну Бутурлина и другихъ бояръ московскихъ, а отъ насъ къ нимъ пошолъ панъ Будило и Порванецкий. А князь

---

[1]) Кирпичемъ. [2]) Падаль. [3]) Свѣчнымъ са оль. [4]) Начать переговоры.

Дмитрій Тимофѣевичъ Трубецкий и инъ столникъ, князь Дмитрий Михайловичъ Пожарский и иншихъ князей и бояръ не мало и Москва всѣ, обачивши, же наши отъ голоду велми зморецы, и все рыцерство на трактатахъ бавятся[1]) и ротмистрове, козаки и бояре Трубецкого и Пожарского, ударивъши у звоны и поднявши корогви, пошли до стѣны Китайгорода праве силою великою; мы, зъ голоду змордованы, ледво имъ отпоръ дали. Октоврія 26 трактаты[2]) скончйли и присягу выконали, же мѣли всѣхъ въ цалѣ попускати, а потомъ, надъ присягу чинили, всѣхъ розно розвели и маетки разшарпали.

Року 1613, у генварѣ почали зежчатися на обиране царя нового; в той часъ нашихъ ледво пущено, а иныи утѣкали, а иныхъ окупано. И такъ наши воевали Москву.

---

[1]) Медлятъ въ переговорахъ. [2]) переговоры.

Матеріалы для исторіи кіевской духовной академіи.

Письма Якова Евдокимовича Михайлова (впослѣдствіи Іустина, епископа владим.) къ Александру Иван. Бѣлюгову.

(1823—1827 г.).

Въ числѣ *шести* магистровъ *перваго курса* кіевской д. академіи (1819—1823 г.), которые остались въ ней-же наставниками—преподавателями подъ тогдашнимъ названіемъ *баккалавровъ*, былъ *Яковъ Евдокимовичъ Михайловъ*. Наука, которую пришлось преподавать Михайлову, была *Библейская Герменевтика*. 25 февраля 1824 г.—онъ принялъ монашество, а вмѣстѣ съ нимъ и новое имя *Іустина*. Кромѣ должности баккалавра богословскихъ наукъ, іеромонахъ Іустинъ исполнялъ въ академіи и другія должности. Такъ, онъ былъ библіотекаремъ академіи, членомъ *внутренняго* академическаго правленія, членомъ академической конференціи и *внѣшняго* окружнаго академическаго правленія. Въ качествѣ послѣдняго члена, онъ былъ посылаемъ академіею ревизовать семинаріи кишиневскую и екатеринославскую. Наконецъ съ 1826 г. ему поручено было исправлять должность инспектора кіевской академіи, въ каковой должности онъ былъ утвержденъ въ апрѣлѣ 1828 года. Въ маѣ этого года іером. Іустинъ былъ назначенъ ректоромъ кіевской семинаріи. Послѣ ректуры въ семинаріи кіевской, а затѣмъ еще и въ черниговской, Іустинъ посвященъ во епископа—*викарія винницкаго* (въ 1841 г.). Потомъ былъ послѣдовательно викаріемъ *старорусскимъ*, *ревельскимъ* и только въ 1845 г. назначенъ самостоятельнымъ епископомъ—*костромскимъ*. Въ 1850 г. получилъ въ управленіе епархію *владимірскую*. Въ 1863 г. уволенъ, по прошенію, *на покой* и жилъ въ боголюбовскомъ монастырѣ, владимірской епархіи; скончался въ г. Владимірѣ въ 1879 г. 80 лѣтъ отъ роду.

О личности Іустина, какъ академическаго дѣятеля, не сохранилось никакихъ характерныхъ преданій въ средѣ кіевской академіи. Очевидно, что это была личность *скромная*, ничѣмъ особенно себя не заявившая. Но и то нужно сказать:

въ тѣ старыя академическія времена человѣку даже способному и талантливому, но по природѣ и по обстоятельствтмъ жизни робкому, трудно было выразить свои способности и таланты въ дѣлѣ науки такъ, чтобы память о нихъ непремѣнно перешла въ потомство. Доля старинныхъ академическихъ наставниковъ—профессоровъ, съ каѳедры просвѣщавшихъ и поучавшихъ духовное юношество, похожа была на долю актеровъ. Память о нихъ осталась въ умахъ и сердцахъ только тѣхъ, которые ихъ *слушали*. Отъ этихъ слушателей, стало быть, уже зависѣло въ большей или въ меньшей мѣрѣ увѣковѣчить эту память. Но *воспоминаній* о старыхъ академическихъ наставникахъ, воспоминаній живыхъ, рисующихъ образы и типы, мы пока не видимъ, не знаемъ... А о нѣкоторыхъ старинныхъ профессорахъ такихъ воспоминаній уже и быть не можетъ. Некому уже и вспомнить ихъ... *Могшіе* вспомнить уже сами ждутъ своихъ вспоминателей.

Еслибы послѣ Іустина осталиеь какіе-нибудь *печатные* труды—ученые или вообще литературные, изъ времени его академической жизни, или даже и изъ послѣдующаго періода, тогда все-таки на основаніи ихъ мы имѣли-бы возможность нѣсколько судить о внутреннемъ, душевномъ его складѣ, о характерѣ и направленіи умственной дѣятельности этого бывшаго академическаго профессора. Но такихъ трудовъ мы не знаемъ. Въ то старое время выступленіе въ печати было вообще дѣломъ рѣдкимъ и возбуждало смѣлость лишь не многихъ. На печатное слово смотрѣли какъ бы на привиллегію нѣкоторыхъ смѣльчаковъ, съ какимъ-то чрезмѣрнымъ уже благоговѣніемъ, какъ на недоступное священнодѣйствіе. «*Печатный листъ казался быть святымъ*».

Іустинъ безъ сомнѣнія былъ человѣкъ ученый. И кромѣ того, онъ былъ *талантливый*. Недаромъ же его оставили наставникомъ академіи, какъ лучшаго магистра. Положимъ, передъ этимъ онъ далъ начальству обѣщаніе поступить *въ монахи* и поступилъ. Но это уже въ позднѣйшую эпоху академической жизни (съ 50-хъ годовъ) *за монашество* присвоивали ученость и удостоивали степени магистра, а въ первоначальную эпоху ученость была не *слѣдствіемъ* монашества, но *причиною* его: учоныхъ и талантливыхъ студентовъ именно и старались привлекать въ монашество... Таковъ былъ и Іустинъ: но ученость его, внѣ академической авдиторіи, такъ и осталась безъ приложенія и мы не находимъ ея слѣдовъ... Но *стремленіе прилагать* ее, какъ потребность души и какъ выработанную практикой привычку, было у него и проявлялось даже въ старости. Доказательства этому мы находимъ въ біографіи Іустина, помѣщенной во *Владимірскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ* 1879 г. и составленной близкимъ его родственникомъ (свящ. *В. Касаткинымъ*), который, какъ видно, пользовался разсказами самого Іустина и его бумагами. Въ этой біографіи говорится между прочимъ: «Бывши ректоромъ семинаріи, преосв. Іустинъ составилъ краткую *Библейскую Герменевтику*, которая начисто переписана и надписана: «составилъ ректоръ черниговской семинаріи *архимандритъ Іустинъ*», но почему-то не была представ-

лена имъ въ цензуру и не напечатана» [1]). Академическая привычка и любовь къ ученому изысканію смысла библіи осталась въ Іустинѣ до глубокой старости. Въ той-же біографіи читаемъ: «живши на покоѣ, преосвященный по временамъ разнообразилъ занятія свои и учеными трудами. Любимѣйшимъ занятіемъ его были *переводы библіи на русскій языкъ* и *сличеніе славянскаго текста съ еврейскимъ, греческимъ, латинскимъ* и *французскимъ*. Жалко, что не въ характерѣ было у преосвященнаго пускать свои замѣчанія въ печать. Онъ даже рѣдко писалъ свои ученыя замѣтки на особой бумагѣ, большею частію онѣ писались имъ на тѣхъ самихъ книгахъ, которыя читалъ онъ» [2]). Какъ много можетъ вызвать самыхъ серіозныхъ размышленій, соображеній, выводовъ эта участь пріобрѣсть ученость, владѣть глубокимъ филологическимъ знаніемъ библіи и остаться *ученымъ для самаго себя*, когда кругомъ не вспаханное поле богословской науки!... Очевидно Іустинъ принадлежитъ къ числу старыхъ академическихъ, погибшихъ для духовной науки, силъ. Но, не пріобрѣвши смѣлости и удобства самолично осуществлять свою любовь къ наукѣ—въ той или иной сферѣ богословскихъ изысканій, предназначаемыхъ для общества, Іустинъ, достигши высшихъ степеней церковно-іерархической власти, старался по крайней мѣрѣ ободрять, поддерживать и защищать тѣхъ труженниковъ науки, которыхъ приходилось ему встрѣчать на своемъ вѣку. Въ той же біографіи его читаемъ: «Любя науку, преосвященный поощрялъ къ занятію ею и ученыхъ мужей своей епархіи. Въ его время было много опальныхъ ученыхъ духовнаго званія, поселенныхъ по разнымъ монастырямъ владимірской епархіи въ наказаніе за разные проступки; преосвященный всѣхъ ихъ поощрялъ къ занятію учеными трудами. И многіе изъ нихъ съ охотой занимались ими. Лучшія изъ сихъ произведеній преосвященный представлялъ въ цензурный комитетъ и потомъ печаталъ. Для примѣра достаточно указать на магистра іеромонаха *Іоасафа*.

И такъ, на основаніи данныхъ уже позднѣйшихъ, можно въ нѣкоторой степени представить себѣ образъ Іустина, какъ ученаго академическаго дѣятеля. Онъ былъ *библіологъ*. Объ инспекторской службѣ Іустина при академіи мы ничего не можемъ сказать, не находимъ нигдѣ ясныхъ указаній. Но мы будемъ въ состояніи представить себѣ характеръ его, какъ инспектора, когда узнаемъ, каковъ онъ былъ, *какъ человѣкъ*,—каково было личное настроеніе и направленіе его духа, какъ относился онъ къ людямъ въ своей частной жизни. И тѣмъ болѣе насъ можетъ интересовать этотъ молодой періодъ его жизни, что здѣсь мы встрѣчаемся съ чрезвычайно интереснымъ фактомъ *поступленія въ монашество*, вопреки собственнему влеченію, помимо всякаго разсчета, — съ крайнею душевною

---

[1]) *Влад. еп. вѣд.* 1879 г. № 13-й, стр. 349.
[2] *Ibidem*, № 20, стр. 587-я.

борьбою, глубокимъ и долгимъ потомъ раскаяніемъ въ необдуманномъ роковомъ шагѣ и чистосердечнымъ непринужденнымъ признаніемъ своей ошибки въ дружеской перепискѣ. Въ этомъ наибольшій интересъ помѣщаемыхъ здѣсь писемъ Якова Михайлова. Добрый, мягкій отъ природы, нѣсколько даже простодушный, онъ былъ вмѣстѣ слабохарактернымъ. Ему, какъ лучшему студенту, предложили монашество, и онъ, не подумавши, принялъ его, а когда опомнился, у него не хватило духу взять назадъ данное начальству слово,—такъ и остался, по его собственному выраженію, на всю жизнь въ *кльточкљ* Самую тяжелую борьбу онъ переживаетъ предъ принятіемъ монашества, но и долго спустя сѣтованія на необдуманный шагъ въ жизни не оставляютъ его и онъ при каждомъ случаѣ высказываетъ свою скорбь, предостерегаетъ и друга своего отъ такой же ошибки. Въ исторіи нашего ученаго монашества это фактъ весьма большой важности. Сколько такихъ завлеченныхъ въ монашество и не выдержавшихъ искуса первыхъ лѣтъ! Къ чести Іустина сказать должно, что онъ не падалъ и не палъ въ тяжелой борьбѣ и свято, безупречно выполнилъ невольный свой обѣтъ. Всѣхъ его писемъ *одинадцать*. Они живо рисуютъ намъ самаго Іустина и отчасти друга его, Бѣлюгова, кишиневскаго префессора, извѣстнаго уже намъ по письмамъ къ нему Иннокентія (см. «Кіев. Стар.», мартъ); кромѣ того они представляютъ вообще много чертъ тогдашней *бытовой* академической жизни и сообщаютъ много свѣдѣній о судьбѣ другихъ воспитанниковъ кіевской академіи перваго ея курса.

1.

Кіевъ, 1823 г., ноября 4.

Милой мой другъ!

Александръ Ивановичъ!

Письмо ваше, прошедъ всѣ мытарства на карантинѣ, кое-какъ дошло въ Кіевъ. Жалко, что вы не могли исполнить моего прошенія. Препорученіе ваше я исполнилъ безъ всякихъ хлопотъ. Вы говорите, что жизнь ваша кишиневская скучна; почему? Я непремѣнно хочу знать; удовлетворите моему желанію. Я, кажется, ничего не сдѣлалъ такого, что бы возбуждало въ васъ чувство недовѣрчивости ко мнѣ. Слѣдующее письмо ваше не должно быть сухо подобно тому, на которое теперь я отвѣчаю. Живя въ Кишиневѣ, вы конечно не можете имѣть недостатка въ матеріалахъ для переписки. Въ наказаніе вашей сухо-

сти и краткости и я въ настоящемъ письмѣ не буду распространяться; скажу только о нѣкоторыхъ предметахъ.

Преосвященный *Аѳанасій* [1]) прибылъ въ Кіевъ вскорѣ послѣ вашего отъѣзда. Остановясь у о. ректора [2]), онъ сперва явился къ митрополиту, а потомъ уже въѣхалъ въ свой монастырь. Въ первое по пріѣздѣ воскресенье совершилъ литургію съ протодіакономъ митрополитскимъ. Въ понедѣльникъ о. ректоръ всѣхъ насъ представлялъ ему. Хотя мы пробыли у него не болѣе часа, впрочемъ успѣли узнать, что онъ характера веселаго, откровеннаго и ласковаго. Академія еще доселѣ ожидаетъ его къ себѣ. Съ отцомъ ректоромъ живутъ дружно, друга друга посѣщаютъ очень часто.

Несчастные отставные учители волынскіе *Кор.* и *Пот.* [3]) недѣли двѣ уже живутъ въ Кіевѣ. Они просили академическое правленіе о выдачѣ себѣ билетовъ до С. Петербурга, въ которыхъ отказало имъ правленіе волынской семинаріи по наущенію тамошняго архіерея [4]). Академическое правленіе положило было, по долговременномъ впрочемъ колебаніи, выдать имъ билеты, но митрополитъ [5]), основываясь на какомъ-то указѣ, данномъ около 70 лѣтъ тому назадъ, не согласился утвердить представленіе правленія. И такъ они теперь послали прошеніе въ коммисію, рѣшившись ожидать себѣ рѣшенія въ Кіевѣ. Вотъ награда за труды академическіе! [6])

Младшая дочь прот. *Маньковскаго*, о достоинствѣ коей мнѣнія нашихъ товарищей столько были разногласны, увядая постепенно, наконецъ оставила суетную земную жизнь. Погребеніе было торжественное. От. ректоръ начальствовалъ надъ хоромъ священнослужителей. Маньковскій такъ горько плакалъ, что надобно было имѣть каменное сердце, чтобы не принять участія въ его несчастіи. На сихъ дняхъ въ тотъ-же путь отправился

---

[1]) *Аѳанасій Протопоповъ*—магистръ 1-го курса петерб. д. академіи; епископъ чигиринскій—викарій кіевскій съ 1823 по 1826. Скончался архіепископомъ тобольскимъ въ 1842 г.—О немъ помѣщена недавно очень интересная статья въ *Русскомъ Архивѣ* (1881 г., томъ 2, кн. 2).

[2]) Архим. *Моисей Антоновъ*—былъ товарищемъ Аѳанасія по петерб. академіи.

[3]) *Корабликовъ* и *Потемкинъ*, такъ ихъ называетъ Іустинъ ниже.

[4]) *Стефана Романовскаго.*

[5]) *Евгеній Болховитиновъ.*

[6]) *Корабликовъ*—былъ воспитанникъ спб-ской ак. 4-го курса, а *Потемкинъ*, кажется, московской.

священникъ введенской церкви, родственникъ пр. *Серапіона;* молодая и прекрасная его супруга неутѣшно плакала.

Вамъ извѣстно можетъ быть, что въ прошедшемъ мѣсяцѣ были имянины *Пушнова* и *Крышинскаго* [1]), но конечно не извѣстно, что новые баккалавры [2]) не были на именинахъ eam ob causam, quod non erant vocati [3]). Сей случай заставляетъ постороннихъ думать о многомъ, но мы, радуясь тому, что насъ шестеро, ни о чемъ не думаемъ. Будетъ праздникъ и на нашей улицѣ. Давидъ говоритъ, что добро и красно жити братіи вкупѣ, но не всѣ хотятъ послѣдовать его наставленію.

Спиридонъ Васильевичъ [4]) потому-ли, что, по мнѣнію Шада, мужъ безъ жены не можетъ назваться совершеннымъ человѣкомъ, или по другимъ какимъ-либо причинамъ, рѣшился жениться на дворянкѣ, дочери одного маіора, какъ говорятъ, довольно богатаго. Пріуготовленія къ брачному торжеству уже начались. Скоро, вѣроятно, дѣло будетъ приведено къ концу. Достоинства невѣсты какъ тѣлесныя, такъ и душевныя, равно какъ и приданое, пока остаются для насъ тайною. Я доселѣ еще не посаженъ въ клѣточку [5]), а потому можетъ быть побываю и на свадьбѣ.

Г. Эммаускій всѣ усилія употребляетъ къ тому, чтобы получить мѣсто священника. Но, по милости митрополита, доселѣ остается безъ мѣста [6]). И при семъ случаѣ нельзя не сказать: такъ-ли должно поступать съ учеными? Естьли такъ награждать ученыхъ, то повѣрьте, что науки въ Россіи никогда не взойдутъ на степень совершенства.

Гг. уманскіе учители [7]), проживъ нѣсколько времени въ Кіевѣ, наконецъ покорясь власти судьбы, съ горестію отправились

---

[1]) Баккалавры кіевской академіи изъ воспитанниковъ спб-ской—Пушновъ 3-го курса, а Крышинскій 4-го.

[2]) То-есть оставленные при академіи магистры 1-го курса уже кіевской академіи—числомъ 6-ть.

[3]) По той причинѣ, что не были приглашены.

[4]) С. В. *Гуляевъ*—баккалавръ кіевск. академіи изъ воспитанниковъ 4-го курса академіи спб-ской.

[5]) Т. е. не принялъ еще *монашества.*

[6]) Это—*Ѳедоръ Эмаусскій*—изъ 3-го курса спб-ской д. академіи былъ, вѣроятно, учителемъ въ кіевской семинаріи. Послѣ священства онъ принялъ и монашество подъ именемъ *Христофора* и умеръ въ 1872 г. въ санѣ епископа вятскаго.

[7]) Товарищи Михайлова, назначенные въ Умань: *Петръ Ѳед. Богословскій* и *Петръ Вас. Ольшевскій.*

въ училище. Я одинъ провѣдалъ ихъ. Горестно мнѣ было смотрѣть на нихъ, особенно на Петра Θ., который, будучи не совсѣмъ здоровъ, въ одномъ сертукѣ, дрожа отъ холода и заливаясь слезами, садился въ жидовскую брику. Петръ В. поѣхалъ съ уязвленнымъ сердечкомъ. Вы удивляетесь! Онъ самъ предъ всѣми нами confessus est, animum ejus cum animo Olgae, filiae protopr. Semenowsky aretissimo vinculo convinctum esse. Familia Semenowsky firmiter persuasa est, Petrum fore aliquando membrum ipsius [1]). Gabriel Petrovicz proficiscens Uman vale dixit Protopresbitiridi, notae tibi, et filiae ejus [2]). Петръ Θ. прислалъ намъ письмо, въ которомъ хвалится хорошимъ пріемомъ смотрителя, того самаго, который нѣкогда excellentissimos magistros et professores [3]) потчивалъ гнилою сельдію и пѣнничкомъ,—и жалуется на нестроеніе, которое начинаетъ уже открываться въ почтенномъ обществѣ кандидатовъ. Что съ ними будетъ далѣе? Богъ вѣсть.

Грузинцы [4]) доселѣ живутъ въ академіи и живутъ весело. Откуда что берется. Самоваръ мой совсѣмъ затаскали. Трофимовичъ [5]) раскаевается, что рѣшился ѣхать въ Грузію, а потому ищетъ средства, какъ бы, не унизивъ себя предъ глазами начальниковъ, отказаться отъ своего слова. Respectu Mariae id mihi solum modo certum est, eam pro dolore summo ingemesare continuo, lacrimas effundere et vae sibi dicere, quam vis non prorsus spei expers est, ut ipse Trofimovitz testatur [6]). Іеларіонъ [7]) также не выѣзжалъ изъ Кіева; желательно, что бы онъ скорѣе выѣхалъ; ибо онъ *Mariam Gubareuю* такъ сдурилъ, что она безъ него дышать

---

[1]) Т. е. сознался, что его сердце тѣснѣйшими узами связано съ сердцемъ Ольги, дочери прот. Семеновскаго. Фамилія Семеновскихъ твердо убѣждена, что Петръ будетъ нѣкогда ея членомъ.

[2]) Т. е. Гавріилъ Петровичъ (*Язевъ*, тоже товарищъ), отправляясь въ Умань, сказалъ *прости* извѣстной тебѣ протоіерейшѣ и дочери ея.

[3]) Т. е. *Бѣлюгова* и *Левчановскаго*, отправлявшихся на службу въ Кишиневъ и подорогѣ заѣзжавшихъ къ уманскому смотрителю. Объ этомъ писалъ Бѣлюговъ къ Михайлову, какъ ниже упоминается.

[4]) Т. е. товарищи Мих., согласившіеся ѣхать на службу въ Грузію—прибыло трое.

[5]) Авксентій Трофимовичъ *Стеценко*.

[6]) Т. е. относительно Маріи мнѣ извѣстно только то, что она отъ сильнѣйшей скорби постоянно вздыхаетъ, проливаетъ слезы и вѣщуетъ себѣ горе,—хотя не совсѣмъ еще лишена надежды, какъ свидѣтельствуетъ, это самъ Трофимовичъ.

[7]) Иларіонъ Ивановичъ *Порженцкій*.

не можетъ. Г. Хлѣбниковъ [1]) очень на васъ гнѣвается, что вы, пиша ко мнѣ, не отдали ему должнаго почтенія. Я всячески старался защитить васъ, приписывая вамъ незнаніе, что его благородіе доселѣ находится въ Кіевѣ; но всѣ мои старанія были тщетны. Посему въ слѣдующемъ письмѣ извинитесь предъ нимъ. Дѣло Петра Максимовича [2]) также не приходило; живетъ съ женою вмѣстѣ. Антонъ Матѳеевичъ *Крупскій* прислалъ письмо, въ которомъ жалуется на свое состояніе. Кандидаты п.-б. [3]), занимающіе должности учительскія при семинаріи, не хотятъ имѣть общенія съ нашимъ кандидатомъ. Волынскіе наши патрады по совѣсти увѣряютъ насъ, что Острогъ по всему праву носитъ на себѣ имя острога. Г. Ѳ. Базилевичъ нынѣ секретарь. Мы уже видѣли бумаги, подписанныя его рукою. Переяславскіе хвалятся своею жизнію. Но полно говорить о другихъ что-нибудь; надобно вамъ сказать о себѣ. Живу я въ той-же комнатѣ, въ какой вы оставили меня; столъ имѣю у о. ректора. Герменевтика составляетъ преимущественный предметъ моихъ занятій; желая по возможности удовлетворить ожиданію студентовъ, не жалѣю трудовъ моихъ. Однажды былъ на лекціи о. ректоръ; по окончаніи лекціи, когда я подошелъ къ нему для принятія благословенія, онъ такъ отозвался о моей лекціи: „вы ясно говорите". Что-то будетъ впередъ,—а до сего времени я не тяготился своею должностію. Будучи удаленъ отъ товарищей—баккалавровъ и представляя себѣ, что мнѣ скоро надлежитъ распрощаться съ пріятностями жизни общественной, я рѣдко бываю веселъ. Стараясь разсѣять скуку, я часто хожу къ товарищамъ, которые иногда, напоминая мнѣ о будущемъ моемъ состояніи, ненамѣренно въ большое смущеніе приводятъ духъ мой. Что-то будетъ со мною... Монахи говорятъ, что жизнь монашеская блаженнѣйшая, но сердце мое говоритъ противное. Но всегда-ли можно вѣрить сердцу? Вотъ вопросъ, который я предлагаю вамъ на разрѣшеніе. Простите! Пребываю къ вамъ съ истинною любовію, преданный вамъ всею душею, другъ вашъ Яковъ.

Прошу засвидѣтельствовать мое почтеніе Василію Григорьевичу [4]) и поблагодарить его за тѣ строки, которыя онъ написалъ

---

[1]) Григ. Ѳедор. *Хлѣбниковъ*, имѣвшій отправиться въ Грузію.

[2]) Петръ Макс. *Малышевскій*.

[3]) Т. е. петербургскіе.

[4]) Товарищъ—В. Г. *Левчановскій*, служившій вмѣстѣ съ Бѣлюговымъ въ Кишиневской семинаріи.

ко мнѣ. Я хотѣлъ писать къ нему, но случились такія обстоятельства, которыя не позволили исполнить мнѣ моего желанія.

2.

Другъ мой!

Александръ Ивановичъ!

Простите, ахъ ошибся, прости великодушно, что я въ первомъ письмѣ, желая соблюсти правила мірской политики, поступилъ противъ правилъ дружбы. Впредь всегда буду называть тебя не *вы*, а *ты*. Ты говоришь, что письмо мое развеселило тебя. Жалко, что ты не открываешь причины твоей печали. Очень обидно для меня, что ты заставляешь меня читать письма, посылаемыя къ В. Я. [1]) и П. И. [2]). Я хочу читать твои письма. Естьли впредь поступишь такимъ образомъ, — я все право буду имѣть говорить, что ты не расположенъ ко мнѣ. Ты очень занятъ; но В. Г. [3]) не менѣе тебя занятъ, однакожъ пишетъ обильно. Прошу, милой мой, не лѣниться писать ко мнѣ, тѣмъ паче, что я нахожусь въ такомъ расположеніи духа, которое всѣ удовольствія мои разтравляетъ горестію. Искренняя твоя со мною бесѣда для сердца моего послужитъ цѣлительнымъ бальзамомъ. Въ письмѣ твоемъ, на которое теперь отвѣчаю, я думалъ найти лѣкарство противъ той печали; но, къ нещастію, нашелъ противное. Скажи пожалуй, что значатъ слова твои: *я избралъ состояніе монашеское?* Я знаю всѣ правила герменевтики, но никакъ не могъ дойти до подлиннаго смысла сихъ словъ. Естьли слова твои принять in sensu litterali, выдетъ нелѣпость. Ибо природа сотворила тебя для общества, а не для пустыни. Естьли-же принять in sensu mystico, то и тогда нельзя избѣжать нелѣпости. Ибо никто и никогда, намѣреваясь вступить въ супружество, не говорилъ: я поступаю въ состояніе монашеское. Досадно, право досадно толковать твои слова. Желаніе видѣть тебя въ щасливомъ состояніи заставляетъ меня послѣднее объясненіе предпочесть первому. Поспѣши разрѣшить мое сомнѣніе. Естьли ты не шутишь, но въ самомъ дѣлѣ поступаешь въ монашеское состояніе, то я не могу не сказать: есть чудеса въ мірѣ! Ибо не чудо-

---

[1]) Т. е. къ Вас. Яковл. *Орлову*, товарищу, оставленному, въ числѣ другихъ, баккалавромъ при кіевской академіи.

[2]) Т. е. къ Платону Ивановичу *Ставрову*—тоже товарищу и баккалавру.

[3]) Т. е. В. Г. *Левчановскій*.

ли это, когда образованный, молодой и прекрасный мущина отказывается отъ общества? Опомнись, другъ мой! Что ты дѣлаешь? Богъ накажетъ тебя. Ибо чрезъ монашество ты чрезвычайно его оскорбишь, такъ какъ монашество противно заповѣди, которую Онъ далъ первымъ людямъ. Отечество вознегодуетъ на тебя; ибо ты откажешься, поступая въ монашество, быть ему полезнымъ чрезъ дѣторожденіе. Женщины будутъ вопіять на тебя къ небу. Ибо ты одну изъ нихъ могъ-бы ощастливить. Если ты не откажешься отъ своего намѣренія, то я всегда буду скорбѣть о тебѣ. Если ты дѣйствительно идешь въ монахи, то непремѣнно должна быть сему причина. Желательно бы было мнѣ знать сію причину, дабы смотря на нее можно было опредѣлить степень твоего дурачества. Оставь-ка, другъ, свое намѣреніе. Оженись лучше. Хорошая жена лучше всего. Зная то, что сіи строки написаны отъ сердца, надѣюсь, что ты примешь ихъ съ сердечною расположенностью, и что онѣ заставятъ тебя немедленно откровенно объясниться предо мною.

Хотя ты, по собственному твоему сознанію, чрезвычайно занятъ, впрочемъ надѣюсь, что не откажешься послушать новостей нашихъ. Спиридонъ В. [1]) милостію Божіею нынѣ уже мужъ. Я былъ званъ на свадьбу, но, опасаясь увеличить досаду на самаго себя, заблагоразсудилъ отказаться. Наше общество баккалавровъ и профессоровъ отличилось неумѣніемъ танцовать. Госпожи Гуляевой я доселѣ не имѣлъ щастія видѣть, а потому о качествахъ ея не могу ничего сказать утвердительнаго. Другіе говорятъ, что она не красавица, но довольно миловидна, добра и чувствительна, ибо читаетъ романы. Но оставимъ ее въ покоѣ. Грузинцы выѣхали изъ Кіева въ Грузію. Авксентій Т. не женился на М., но поклялся жениться. Богъ знаетъ, исполнитъ-ли онъ свою клятву. Вчерашняго дня Петръ Максимовичъ (который недавно будучи утвержденъ въ должности учителя орловской семинаріи, еще не выѣжжалъ изъ Кіева) былъ въ домѣ *Таранецкой* и узналъ, что все семейство непрестанно плачетъ и жалуется на обманщика [2]); дѣло о конференціи пришло, но конференція еще не открыта. Членами оной утверждены: ректоръ, инспекторъ [3]) *Кириллъ* [4]), *Скворцовъ*,

---

[1]) Спир. В. *Гуляевъ,* баккалавръ.

[2]) Т. е. на А. Т. *Стеценко.*

[3]) Архим. *Смарагдъ Крыжановскій.*

[4]) Архим. *Кириллъ Куницкій,* ректоръ кіевской семинарі , а затѣмъ и академіи.

Евгеній[1]) *Пушновъ*, *Сигиревичъ*, *Стефанъ Семеновскій* и *Маньковскій*. Сочиненія, назначенныя для напечатанія, возвратились изъ Петербурга ненапечатанными. Лаврѣ кіевской или лучше ея типографіи предоставлена честь выдать въ свѣтъ знаменитыя творенія воспитанниковъ кіевской академіи. Дипломы ваши пріуготовлены. Ищите лучшаго столяра, который-бы въ состояніи былъ сдѣлать для нихъ рамы. *Потемкинъ* и *Кораблиновъ*[2]) доселѣ еще въ Кіевѣ. Г. Поржецкій остался безъ мѣста; вскорѣ отправится въ свою епархію. Марія Ивановна до безумія его любитъ, но едвали съ нею не случится того, что случилось съ Таранецкою. Дѣло мое крюки декастерскіе доселѣ еще держатъ у себя. Что будешь дѣлать съ безмозглыми тварями. Вотъ тебѣ новости кіевскія! Не угодно-ли послушать новостей не-кіевскихъ? Волынское сем. правленіе сильно дѣйствуетъ противъ архіерея. *Лотоцкій*[3]) уже оженился на дочери того протоіерея, который въ нѣсколькихъ верстахъ живетъ отъ Острога и присутствуетъ въ консисторіи. Г. Базилевичъ секретаремъ, а *Собкевичъ*[4]) экономомъ. *Наркиссъ Новицкій* священникомъ уже и ключаремъ собора. Невѣста *Ѳеофила Новицкаго* вышла замужъ. Прощай! другъ твой. Як. М.

Прошу какъ можно скорѣе прислать отвѣтъ. Ибо я хотя не совсѣмъ увѣренъ въ истинѣ твоихъ словъ, однакожь никакъ не могу успокоить робкую мою душу.

Василію Григорьевичу засвидѣтельствуй мое почтеніе и объяви ему, что на дочери протоіерейши Воздвиженской женится профессоръ *Лабодовскій*.

Кіевъ 1823 г. дек. 4 дня.

P. S. Тебѣ пишу, ты одинъ и читай.

3.

Другъ мой!

Александръ Ивановичъ!

Благодарю тебя за письмо отъ 9-го генваря; оно удовлетворило моему желанію. За поздравленіе твое съ новымъ годомъ

---

[1]) Іером. *Евгеній Соловьевъ*, баккалавръ кіевской академіи, изъ магистровъ *втораго курса* московской.

[2]) Упомянутые въ 1-мъ письмѣ волынскіе учители, ведшіе тяжбу съ тамошнимъ архіереемъ *Стефаномъ Романовскимъ*.

[3]) Аѳанасій Лукичъ *Лотоцкій*, впослѣдствіи архим. *Амвросій*.

[4]) Антонъ Иван. *Собкевичъ*.

плачу поздравленіемъ взаимнымъ. Причина, по которой ты отказываешься отъ супружеской жизни, удивила меня и, вмѣстѣ, ясно доказала, что ты довольно еще имѣешь дѣтскаго. Подобнаго твоему поступка рѣдко можно отыскать даже въ романахъ. Какое удовольствіе сдѣлаешь ты твоей любезной кіевлянкѣ, когда пойдешь въ монахи? Она, услышавъ о странномъ твоемъ поступкѣ, можетъ быть сперва погорюетъ, а потомъ, видя, что уже нельзя горемъ воротить миленькаго голубчика, начнетъ искать себѣ другаго и нашедъ забудетъ о тебѣ. Она, соединившись съ милымъ, будетъ блаженствовать, а ты, будучи запертъ въ клѣточку, безпрестанно будешь тосковать, лить слезы и можетъ быть, не могши перенесть страданій сердца своего, преждевременно сойдешь съ поприща сей жизни. Ты говоришь, что она любитъ тебя; но развѣ ты не слыхалъ отъ опытныхъ, что любовь есть такая болѣзнь, которая удобно излечивается разлученіемъ любящихся лицъ? Поживши годъ, два, не веди переписки съ ней; она, постепенно теряя изъ памяти твой образъ, наконецъ забудетъ тебя и безтрепетно отдастъ руку свою другому. Она можетъ быть и теперь уже успокоилась. Жалко, что я ее не знаю; я постарался бы узнать ея положеніе и извѣстить тебя. Вотъ то-то, Шаша, надобно было жить въ академіи по откровеннѣе. Любилъ и былъ любимъ, а я ничего этого не зналъ. Не обида ли это? для чего было тебѣ не раскрыть предо мною своего сердца? Будучи скрытнымъ въ Кіевѣ, не будь таковымъ въ Кишиневѣ, разумѣется въ отношеніи ко мнѣ. Напиши имя, фамилію и мѣсто пребыванія той, которую ты носилъ въ сердцѣ своемъ. Я посмотрю, достойна-ли она той ужасной жертвы, которую ты намѣренъ принести въ честь ея. Признаюсь, другъ, что я о сердцѣ твоемъ совершенно иначе думалъ; я думалъ, что оно твердо подобно камню, но опытъ доказалъ, что оно мягче воску. Я увѣренъ въ томъ, что любовь сильна; но не могу представить себѣ, чтобы она могла довести человѣка до такого состоянія, въ какомъ ты теперь находишься. Есть-ли чувствуешь въ себѣ сколько-нибудь силъ, вооружись противъ тиранки, возобладавшей тобою; сбрось съ себя ея иго. Побѣда, одержанная тобою, будетъ источникомъ твоего щастія. Молодость твоя и красота привлекутъ къ тебѣ руку молодой, прекрасной и умной дѣвушки. Есть-ли же ты совершенно не способенъ къ противоборству, то мнѣ кажется, лучше тебѣ соединиться съ любимою тобою, нежели итти въ монахи. Положимъ, что ты будешь жить не богато, но за то будешь покоенъ, ибо будешь

обладать тѣмъ предметомъ, который теперь смущаетъ твое сердце. Что же ты думаешь найти въ монашествѣ? Черная одежда не избавитъ тебя отъ пламени любви. Онъ безпрестанно будетъ пожирать твое сердце, такъ, что ты не радъ будешь своей жизни. Милая всегда будетъ находиться въ твоемъ воображеніи и тогда ты, вмѣсто монаха, будешь нещастнѣйшимъ любовникомъ, который лишенъ всѣхъ средствъ соединиться съ обожаемымъ предметомъ. Другъ мой! Пиша сіе, я не осмѣливаюсь отнимать у тебя свободы. Впрочемъ увѣряю тебя, что монашество будетъ для тебя источникомъ горестей. Теперешнее твое худое положеніе еще болѣе заставляетъ меня противиться твоему намѣренію. Богъ знаетъ, чѣмъ кончится ваша ссора съ Р...[1]) Можетъ статься, что неправда одержитъ верхъ надъ правдою—и ты невинно пострадаешь. Свѣтскому человѣку должность при семинаріи не такъ дорога; онъ всюду можетъ найти для себя мѣсто. Но монаху лишиться училищной должности значитъ всего лишиться. Ибо монастырь для ученаго человѣка есть гробъ. Подожди, другъ, избирать состояніе. Можетъ быть перемѣнятся обстоятельства. Забудь на время о кіевлянкѣ; можетъ быть встрѣтятся съ нею такія обстоятельства, которыя заставятъ ее забыть о тебѣ. Тогда ты будешь имѣть полное право изгнать ее изъ своего сердца.

Ссора ваша заставляетъ меня страшиться за тебя; противная сторона сильнѣе вашей; васъ могутъ преодолѣть и обидѣть. Мнѣ кажется, вамъ лучше примириться, естьли это можетъ быть сдѣлано безъ униженія своего достоинства. Милый мой! веди себя поосторожнѣе. Я знаю изъ собственнаго опыта, что неосторожность можетъ ввергнуть человѣка въ бѣдственное состояніе. Напиши мнѣ о семъ предметѣ по-обстоятельнѣе. Я очень безпокоюсь о тебѣ. Я увѣренъ, что твое дѣло право, но не увѣренъ въ томъ, чтобы всѣ почитали его таковымъ. Дѣйствуй, но съ мудростію зміиною. Отецъ *Смарагдъ* [2]) послалъ тебѣ отвѣтъ; посему я не нужнымъ почелъ узнавать его мысли о твоемъ намѣреніи. Мое дѣло еще не приходило; ожидаю со дня на день; Ивана Алексѣевича [3]) уже не стало: на мѣсто его явился іеромонахъ *Иннокентій*. Онъ пишетъ, но не къ намъ, а къ Евгенію.

---

[1]) Съ ректоромъ кишиневской семинаріи арх. *Иринеемъ*.

[2]) Инспекторъ кіевской академіи.

[3]) Т. е. Ивана Алексѣевича *Борисова*.

Чѣмъ ближе подходитъ мой роковой день, тѣмъ, тѣмъ, тѣмъ... Что со мною будетъ? Отецъ ректоръ еще не выѣзжалъ изъ Кіева; на сихъ дняхъ непремѣнно отправится [1]). Преемникъ его, отецъ *Мелетій*, бывшій нашъ любезнѣйшій инспекторъ. Надѣемся, что съ нимъ будетъ хорошо намъ жить, естьли только кто нибудь не воспользуется добротою его сердца ко вреду другихъ. Сочиненія еще не отпечатаны. Конференція открыта предъ Рождествомъ. Мы получили дипломы; ваши скоро будутъ присланы, какъ говоритъ секретарь. Грузинцы, выѣхавъ изъ Кіева 24 ноября, прибыли въ Бѣлгородъ 24 декабря. Такъ скоро ѣздятъ! Въ Грузію пріѣдутъ развѣ чрезъ годъ. Кто изъ нихъ въ какой городъ поѣхалъ, право не знаю, ибо грузинскія имена трудно помнить. О состояніи Марьи Тимоф. ничего не знаю. Тетушка и сестрица твоя здоровы; онѣ недавно были въ нашей церкви. Тотъ, кто тебѣ писалъ о сестрѣ съ невыгодной стороны, есть безсовѣстный лжецъ; не вѣрь ему. Она живетъ такъ, какъ жила и при тебѣ. Мать не отпускаетъ ее отъ себя. Впрочемъ сердце женщины глубоко. Проповѣдь твоя, видно, была лучше массильіоновской. Недавно въ Кіевѣ умеръ прот. *Сигиревичъ;* мѣсто его заступилъ *Ст. Семяновскій.* Яковъ Ив. *Крышинскій* вскорѣ женится на Александрѣ Петровнѣ. Инспекторъ представленъ въ экстраорд. профессоры, а Скворцовъ въ ординарные. Исключили четырехъ студентовъ, между коими *Димитрія Савченкова.* Волынское сем. правленіе не престаетъ дѣйствовать противъ архіерея; Лотоцкій уже священникомъ. Кишиневскіе ваши студенты успѣваютъ довольно хорошо, такъ что бывшій префектъ [2]) занимаетъ высокое мѣсто во 2-мъ разрядѣ. Пѣвчихъ академ. нѣтъ; слѣд. мы лишились одного изъ величайшихъ удовольствій. Контракты нынѣшніе по причинѣ худой погоды неудачны. Товарищи наши—баккалавры перебрались въ академію. Въ отношеніи къ себѣ самому не имѣю особеннаго чего нибудь сказать тебѣ. Прошу не медлить отвѣтомъ. У васъ, кажется, не проходитъ теперь ни одного дня безъ новостей. Пиши о всемъ; я все буду принимать съ радостію, а особенно касающееся тебя. О сестрѣ твоей я постараюсь узнать что нибудь по обстоятельнѣе. Прости,

---

[1]) Архим. *Моисей*—былъ назначенъ епископомъ *старорусскимъ.*

[2]) *Аврамій Жуминскій*—до поступленія въ кіевскую академію въ 1823-мъ г. былъ учителемъ и префектомъ кишиневской семинаріи. Впослѣдствіи игуменъ *Антоній* инспекторъ кишиневской и калужской семинарій.

миленькой! Можетъ быть въ послѣдній разъ пишу тебѣ, свѣтскимъ будучи—прости! Твой доброжелатель Я. М...

Василію Гр. мой усердный поклонъ.

Кіевъ, 1824 г., генв. 23.

4.

Кіевъ, 1824 года, окт. 1 дня.

Любезнѣйшій другъ!

Я думалъ, что никогда уже не получу отъ тебя отвѣта на письмо, которое я послалъ къ тебѣ еще въ прошедшемъ году [1]), думалъ, что ты не рѣшился продолжать знакомство съ тѣмъ, который, по чудному какому-то сцѣпленію обстоятельствъ, отказался дѣйствовать на театрѣ суетнаго міра; думалъ, что у меня нѣтъ уже такого человѣка, предъ которымъ-бы я могъ изливать чувства моей скорбной души, думалъ, и, къ стыду моей недовѣрчивости къ тебѣ, обманывался. Письмо твое, исполненное искреннихъ чувствованій, доказываетъ, что ты помнишь того, кого забылъ весь міръ, доказываетъ, что долговременное твое молчаніе зависѣло отъ обстоятельствъ, которыя, волнуя твою душу, не позволяли писать ко мнѣ. Благодарю Всеблагаго Бога, что Онъ для моего и вмѣстѣ для твоего щастія облегчилъ мучительную болѣзнь, которой ты, живя въ Кіевѣ, подвергся, и надѣюсь, что ты въ скоромъ времени совершенно оздоровѣешь, естьли не захочешь противиться премудрому врачу. Благодарю тебя, милой мой, за твою искренность. Не опасайся и впредь открывать мнѣ тайнъ твоего сердца. Я не изъ числа тѣхъ, которые малую погрѣшность ближняго подвергаютъ самому строгому суду, забывая о своихъ слабостяхъ. Чувство твоего сердца, чувство, которое родилось въ тебѣ въ Кіевѣ и которое столько причинило тебѣ безпокойства въ Кишиневѣ, виновно, но очень мало. Ибо законы, осуждающіе сіе чувство, не основаны на нашей природѣ, а слѣдовательно они не божественные. Хитрая политика, на всякія жестокости рѣшающаяся, для корыстолюбивыхъ своихъ видовъ, постановила сіи законы. И такъ ты, попустивъ въ сердцѣ своемъ родиться чувству противному законамъ, не основаннымъ на природѣ человѣческой, не виновенъ или, по крайней мѣрѣ, мало ви-

---

[1]) О. Іустинъ забылъ, что предъидущее письмо къ Бѣлюгову было послано имъ отъ 23-го генваря того-же 1824-го года.

новенъ предъ своимъ разумомъ. Но, другъ мой, мы живемъ въ обществѣ, слѣдовательно должны повиноваться законамъ общества, и когда нарушаемъ законы, постановленные въ обществѣ, дѣлаемся виновными предъ людьми. И такъ, признавая твое чувство невиннымъ, при всемъ томъ не могу не посовѣтовать тебѣ постараться всѣми возможными средствами истребить его. Истребивъ его, ты себѣ доставишь душевный миръ и немало не огорчишь С. Т.; ибо можно-ли огорчаться тѣмъ, что́ дѣлается по внушенію законовъ? При томъ я сомнѣваюсь, чтобы душа ея страдала тѣмъ-же, чѣмъ твоя страдаетъ. Люди, подвергнутые болѣзни, которою ты страждешь, обыкновенно грезятъ и видятъ часто то, чего нѣтъ въ природѣ. Но полно тосковать *de lana caprina* [1]). Не сердись на меня: сказавъ много ложнаго, я может̀ъ быть сказалъ что-нибудь и истинное.

Поговоривъ о твоемъ состояніи, скажемъ что-нибудь о моемъ. Тотъ ужасный обѣтъ, который я далъ начальству еще въ іюнѣ прошедшаго года, исполненъ мною въ февралѣ настоящаго года. Горестно, признаюсь тебѣ, горестно мнѣ было оставлять міръ. Не могу тебѣ выразить, что́ происходило въ душѣ моей, когда пришелъ роковой указъ. Какой-то ужасъ тогда овладѣлъ мною, я весь трясся, не могъ ничѣмъ заниматься; бралъ-ли книгу, перо ли, онѣ выпадали изъ рукъ моихъ. Жестокіе мои товарищи вмѣсто того, чтобы пособить мнѣ въ семъ нещастномъ положеніи, шутили надо мною и тѣмъ увеличивали мое бѣдствіе. Желая прекратить свое нещастіе, я не рѣшился медлить перемѣною своего состоянія и, собравшись съ духомъ, облекся въ одежу плача и сѣтованія въ пятокъ 1-й недѣли поста. Вотъ уже 7-мь мѣсяцевъ, какъ я сижу въ темницѣ, произвольно мною избранной. Иногда выхожу изъ стѣнъ монастырскихъ; но сіе, признаюсь тебѣ, не во благо мнѣ служитъ. Возвратясь въ мрачную свою обитель, я всегда говорю самъ себѣ: „лучше-бы было, еслибы я пошелъ обыкновеннымъ путемъ". Впрочемъ печальныя мои мысли вдругъ исчезаютъ при представленіи тѣхъ безпокойствъ, которыя соединены съ мірскою жизнію. Авось Богъ дастъ, я привыкну къ своей жизни и можетъ быть буду благодарить себя за то, что поступилъ такъ, а не иначе. Прошу писать ко мнѣ почаще. Письма твои будутъ служить услажденіемъ горестей моей уединенной жизни.

---

[1]) Буквально: о *козьей шерсти*, т. е. о *пустякахъ*, *безъ нужды*.

Послушай новостей. Преосвящ. *Серапіонъ* [1]) прошедшаго мѣсяца въ 3-мъ часу по полудни переселился ко отцамъ своимъ. Смерть архипастыря была тихая. Въ день смерти велѣно было ударить 77 разъ въ колоколъ соборный въ соотвѣтствіе лѣтамъ его жизни. На третій день тѣло покойника изъ дому перенесено было въ теплый соборъ при колокольномъ звонѣ, который непрерывно продолжался два часа при всѣхъ церквахъ. На четвертый день совершено было погребеніе пр. *Евгеніемъ* съ викаріемъ и со всѣмъ кіевскимъ духовенствомъ. Одинъ изъ соборныхъ священниковъ почтилъ память своего пастыря надгробнымъ словомъ. Тѣло его положили въ склепѣ въ соборѣ.

Двѣ сестры, Наталія и Марія *Семяновскіе*, по особенной къ нимъ милости фортуны, въ одинъ и тотъ-же день сдѣлались супругами, первая—Аверкія Ильича [2]), а другая—Акима Егоровича [3]). Яковъ Ивановичъ *Крышинскій* избавилъ отъ долговременнаго дѣвства Александру Петровну, бывшую нашу общую питательницу. Платонъ Ивановичъ [4]) скоро составитъ новое брачное торжество. Предметъ его любви есть Марія Ивановна *Синецкая*. Петръ Ѳедор. *Богословскій* и Петръ Вас. *Ольшевскій* получили благословеніе архипастыря на бракъ съ дочерями того смотрителя уманскаго, который во время вашего странствованія такъ хорошо угостилъ васъ. Раиса Алекс., вожделѣнная супруга Спиридона Васильевича, наградила своего мужа дочерію. Непріятенъ ему сей подарокъ, но нечего дѣлать. Ѳедоръ *Эммаускій* опять хочетъ вступить на поприще учености. Подалъ на дняхъ прошеніе въ академическое правленіе объ опредѣленіи его къ учительской должности при орловской семинаріи. Если униженное теперешнее его состояніе не перемѣнило его прекраснаго характера, то горе орловской семинаріи! Свѣтила, просвѣщавшія вашу страну, будучи подвигнуты съ мѣста своего, много потеряли своего блеску [5]). Перемѣна моего состоянія лишила меня возможности знать что-нибудь о твоей тетушкѣ и любезной сестрицѣ.

---

[1]) Митрополитъ кіевскій—съ 1803 по 1822 г. По увольненіи на покой, доживалъ дни въ Кіевѣ.

[2]) *Пушкова*, баккалавра академіи.

[3]) *Орлова*, тоже баккалавра.

[4]) *Ставровъ*, баккалавръ.

[5]) Намекъ на вызовъ ректора кишин. сем. арх. *Иринея* въ Спб. и на его тамъ отношенія, о чемъ писалъ Бѣлюгову изъ Спб. и *Иннокентій*, какъ знаютъ читатели.

Впрочемъ онѣ живы и здоровы, ибо иногда ходятъ къ намъ на обѣдню. Ты напрасно прекратилъ съ тетушкою переписку,—она почтетъ тебя неучтивымъ. О нашихъ удалыхъ головахъ грузинскихъ ни слуху, ни духу. Библіотекарю семинарскому дѣйствительно жалованья 120 р. [1]). Опыты сочиненій нашихъ товарищей постараюсь прислать. Прощай! Tuus ex animo Hieromonachus Jacobus-Iustinus Michailow.

5.

Любезнѣйшій другъ!

Александръ Ивановичъ!

Не безпокойся; я еще не по ту сторону Стикса. Жестокій врагъ человѣчества—смерть видно притупила свою косу. Хотя скука, терзающая мою душу, все дѣлаетъ для меня непріятнымъ, впрочемъ смерть все кажется ужасною. Ты спросишь, отъ чего я скучаю? Отъ того, что я живу въ одиночествѣ, а одиночество со скукою находится въ тѣсной связи. Быть заключену въ двухъ стѣнахъ, не знать, что такое общество, не имѣть человѣка, предъ которымъ бы я свободно могъ открыть свои чувства, и быть веселу—невозможно. Ты шутишь надо мною и, я почитаю тебя счастливымъ, ибо мнѣ кажется, что шутить можетъ только тотъ, кто доволенъ своею участью. Ты шутишь надъ моимъ молчаніемъ, но едва ли по праву; еще неизвѣстно, кто изъ насъ долѣе молчалъ. Впрочемъ избавь Богъ насъ отъ суда. Шути надо мною, я буду доволенъ твоими шутками.

Любезнѣйшій! Тебѣ несносенъ Кишиневъ; ты хочешь оставить *проклятую* Бессарабію, но, къ прискорбію твоему и вмѣстѣ моему, объявляю тебѣ, что хотѣніе твое несбыточно. При семинаріи подольской нѣтъ празднаго мѣста. Хотя тотъ нещастный и достойный всякаго сожалѣнія профессоръ, который за нѣсколько предъ симъ покусился было на свою собственную жизнь, теперь къ большему своему нещастію лишился ума, а потому сдѣлался не способнымъ къ прохожденію училищной должности; впрочемъ архіерей подольскій [2]) успѣлъ уже найти преемника ему, по словамъ его высокопреосвященства, *достойнаго*, именно родственника своего, кандидата или магистра—право не знаю—москов-

---

[1]) Бѣлюговъ былъ библіотекаремъ кишин. семинаріи.

[2]) Архіеп. *Ксенофонтъ Троепольскій.*

ской академіи послѣдняго курса. Сей высокоученый мужъ такой, какіе обыкновенно выходятъ изъ московской академіи; не получивъ мѣста при окончаніи курса, прибѣгнулъ къ высокопреосвященнѣйшему своему родственнику, и нынѣ по личному ходатайству сего родственника, къ славѣ или безславію—я право не знаю—нашего округа, вступаетъ на каѳедру профессорскую. Наши студенты, оканчивающіе курсъ, услышавъ о такой несправедливости, поскрежетали *зубы* своими и симъ кончилось все ихъ мщеніе. Ex omnibus his patet [1]), что ты долженъ примириться съ своимъ Кишиневомъ и возлюбить ту страну, которую признаешь достойною проклятія.

Любезнѣйшій! Тебѣ несноснымъ кажется то, что вашу страну наводняетъ невѣжество и дурачество сильное; но, другъ! Гдѣ нѣтъ сего нещастія? Этотъ бичъ Божій всюду извѣстенъ. Будь философомъ, смотри на всѣ дурачества и смѣйся, разумѣется внутренно. Ибо открытый смѣхъ надъ дурачествомъ есть одна изъ причинъ нещастій человѣческихъ. Я много бы могъ написать тебѣ о семъ предметѣ, но частое подниманіе фоліантовъ такъ измучило мои персты, что они отказываются мнѣ служить. Студентовъ нашихъ постигъ внезапу судъ Божій или лучше человѣчій. Между тѣмъ какъ они предавались сладостнымъ мечтамъ по случаю окончанія курса, страшный громъ разразился надъ ихъ главами. Между тѣмъ какъ рѣдкіе изъ нихъ заботились о пріуготовленіи большихъ диссертацій, коммисія приказала: каждый студентъ академіи, желающій получить ученую степень, долженъ представить въ коммисію три или по крайней мѣрѣ два большихъ разсужденія на латинскомъ и россійскомъ языкахъ. Можешь себѣ представить, въ какомъ теперь находятся положеніи тѣ, у которыхъ даже и по одному нѣтъ разсужденію. Уныніе теперь господствуетъ въ академіи. Слава Богу, что насъ не застигла сія буря! [2])...

Ревизоромъ въ академіи и семинаріи кіевской будетъ викарій кіевскій *Аѳанасій*. Въ прочія семинаріи не будутъ посылать ревизора.

---

[1]) Т. е. изъ всего этого явствуетъ...

[2]) Это была одна изъ репрессалій, которой подвергся *второй* курсъ кіевской академіи и соотвѣтствовавшій ему *шестой* курсъ спб-ской. Интересно выяснить причины этого факта.

Экзаменъ начнется у насъ съ 15-го сего мѣсяца. Въ академіи нашей ничего не случилось достойнаго особеннаго замѣчанія, кромѣ того, что студентъ *Лукашевичъ*, къ всеобщему сожалѣнію, скончался 1-го маія отъ чахотки.

Прощай! Прощай же! Твой усердный пріятель, пустынникъ среди города Михайловъ.

Василію Григорьевичу мой нижайшій поклонъ.

Кіевъ, 1825 г. іюня 7-го дня. *Помѣта*: „получено 15 іюня".

6.

Любезнѣйшій мой

Александръ Ивановичъ!

Письмо твое отъ 17-го прошедшаго октября я получилъ. Ты укоряешь меня за долговременное молчаніе и—по праву: я виновенъ предъ тобою и такъ виновенъ, что излишнимъ почитаю оправдываться. Впрочемъ имѣю честь донести любезному моему магистру, что мое молчаніе происходило отъ врожденной мнѣ лѣности говорить, а не отъ забвенія о немъ, какъ онъ думаетъ, или (употребляю его слово) какъ онъ подозрѣваетъ. Увѣряю тебя, что я никогда не забуду того, который искренностію своею и усердіемъ много облегчалъ трудность студенческой моей жизни. Не страшись! я такъ тебя люблю, что ничто не изгладитъ изъ памяти моей любезное для меня имя *Александра*. Но приступимъ къ дѣлу. Ты подалъ прошеніе о переведеніи тебя въ другую семинарію; я это знаю. А правленіе представило о прошеніи твоемъ въ коммисію—и это я знаю. Но коммисія уважитъ или нѣтъ твое прошеніе этого я не знаю, а потому не могу успокоить тебя. Спросишь, почему коммисія такъ долго не рѣшаетъ твоего дѣла? Потому, что судьба студентовъ нашихъ не рѣшена. Твое дѣло безъ сомнѣнія придетъ вмѣстѣ съ нашимъ. Мы и сами теперь не болѣе тебя спокойны, ибо судьба учителей тѣсно соединена съ судьбою учениковъ. Не понравился ученикъ, можетъ не понравиться и учитель. Дай Богъ, чтобы все кончилось хорошо. Горе намъ, естьли... но кажется не зачто [1]).

---

[1]) Да, потому что не понравились ученики, и еще по другому кое-чему пришлось и нѣкоторымъ учителямъ поплатиться. Именно, баккалавры академіи два брата Ив. и К. *Грузины* принуждены были оставить службу въ духовно-учебномъ вѣдомствѣ... Такому-же остракизму подверглись и еще три магистра 1-го курса кіевской академіи, въ томъ числѣ и *Бѣлюговъ*.

У насъ не безъ новостей. Академіи ректоръ ѣздилъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ ревизировать орловскую семинарію по предписанію коммисіи. Случаемъ къ сей ревизіи была неисправность тамошняго ректора, усмотрѣнная епархіальнымъ архіереемъ [1]). Коммисія упомянутаго ректора столько нашла виновнымъ, что, не дожидаясь донесенія ревизорскаго, лишила его и должности ректора и монастыря. На мѣсто его поступилъ инспекторъ спб. академіи [2]), а на мѣсто сего послѣдняго нашъ пресловутый Иванъ Алексѣевичъ *Борисовъ*, что нынѣ Иннокентій. Вотъ шагнулъ! Пусть и далѣе шагаетъ. Другъ! Откуда сему премудрость и разумъ? Вѣдь онъ пилъ днѣпровскую воду. Чудо! пившій днѣпровскую воду вознесе пяту свою на... но Богъ съ нимъ! Наше дѣло, смотря на него, радоваться отъ всей души. Ректоръ воронежскій переведенъ въ Вятку; на мѣсто его поступилъ инспекторъ черниговскій, игуменъ *Филадельфъ*. На мѣсто сего—одинъ изъ студентовъ спб. академіи. Ректоръ тульскій и волынскій перемѣщены. Любезнѣйшій нашъ товарищъ Григорій Федоровичъ *Базилевичъ*, по двухлѣтнемъ гоненіи со стороны своихъ недоброжелателей, скончался отъ кроваваго поносу. Не успѣлъ увидѣть родины своей. Все лучше-бы было, естьли-бы кости его преданы были землѣ друзьями. Вѣчная ему память! Терпѣніе его при всѣхъ озлобленіяхъ не останется не награжденнымъ. Что касается до меня самого, то я живу въ покойныхъ комнатахъ, получаю хорошее жалованье, такъ что имѣю удовольствіе помогать бѣднымъ моимъ родителямъ; засѣдаю во внутреннемъ академическомъ правленіи, вся академическая библіотека въ моей власти; но при всемъ этомъ я не доволенъ собою. Видно я не тамъ стою, гдѣ надобно бы было мнѣ стоять. О естьли бы я могъ увидѣться съ тобою! Ты успокоилъ-бы меня.

О родственникахъ твоихъ кіевскихъ я никакого не имѣю свѣдѣнія. Товарищи наши, поѣхавшіе въ Грузію, какъ будто въ воду упали. Товарищи наши кіевскіе всѣ здоровы и кланяются вамъ. Болѣе некогда писать. Иду въ церковь. Прощай и помни преданнаго тебѣ Михайлова.

1825 г. Ноября 1 дня.

Кіевъ.

Василію Григорьевичу нижайшій поклонъ.

---

[1]) *Гавріиломъ Розановымъ.*

[2]) *Гавріилъ Воскресенскій*, извѣстный авторъ „Исторіи философіи“.

7.

Любезнѣйшіе!

Александръ Ивановичъ

и

Василій Григорьевичъ! [1])

Actum est de vestra prosperitate! decreto Coetus, dirigentis Scholas Ecclesiasticas Rossiaci imperii, excidistis degnitate professoria. Causas hujus vestri infurtunii perspectas non habeo. Żuminsky et Puriszkewitz vobis substituti sunt. Idem in faustum fatum possi sunt nostri commilitones—Baccalavra Academiae J. et C. *Gruzini* et professor Orlowiensis Seminarii *Philippof.* Valete, carissimi mei! Animi dolor impedit, quo minus alia nova enarrem.

Vester ex toto meo animo Jacobas-Justinus Michailoff.

Kijoviae, 1825 decembr. 30 die.

Переводъ.

Конецъ вашему благополучію! По опредѣленію коммисіи духовныхъ училищъ Россійской имперіи вы лишены званія профессорскаго. Причинъ сего вашего несчастія ясно не знаю. Жуминскій и Пуришкевичъ назначены вмѣсто васъ. Ту же несчастную судьбу потерпѣли и товарищи наши баккалавры академіи И. и К. Грузины и профессоръ орловской семинаріи Филиповъ. Прощайте, любезнѣйшіе мои! Душевная скорбь препятствуетъ розсказывать другія повѣсти. Вашъ отъ всей моей души Яковъ-Іустинъ Михайловъ.

Кіевъ, 1825 г. декабря 30 дня.

8.

Кіевъ декабря 12-го, 1826 г.

Любезнѣйшій другъ!

Александръ Ивановичъ!

Я не справедливо поступилъ съ тобою, я обидѣлъ тебя. Въ этомъ увѣряетъ меня собственная совѣсть. Но что-же ты хочешь со мною сдѣлать? Ради Бога, для собственной своей пользы не вызывай меня на поединокъ. Ты знаешь, въ какое оружіе я об-

[1]) Въ этомъ письмѣ, написанномъ по латыни, Іустинъ кратко излагаетъ судьбу, постигшую братьевъ *Грузиныхъ*, *Бѣлюгова*, *Левчановскаго* и *Филиппова*, о чемъ мы говорили выше.

лаченъ? Что значитъ предъ моимъ мечемъ обоюду-тупымъ твоя шпага?[1]) Я въ одну минуту привяжу душу твою къ перевозу Харонову. Страшись, смертный, братися съ земнымъ ангеломъ! Лучше, другъ, забывъ все прежнее, помиримся. Вотъ тебѣ моя рука, дай свою.

Станемъ жить по прежнему. Я буду писать къ тебѣ, а ты исправно будешь отвѣчать на мое маранье. Пусть отецъ вражды не радуется болѣе.

Учитель Никольскій точно исполнилъ твое порученіе. Когда онъ сказалъ мнѣ, что Алек. Ив. кланяется мнѣ и вмѣстѣ желаетъ, чтобы я писалъ къ нему, то я такъ смѣшался отъ стыда, что не могъ ничего сказать ему въ отвѣтъ. Выходецъ кишиневскій насказалъ намъ много чудеснаго о правленіи киш. сем.; мы до сыта насмѣялись и все тѣмъ кончилось. Благодарю небо, исхитившее тебя изъ чрева адова! Горько тебѣ было оставлять мѣсто, на которое ты полное имѣлъ право; но, я надѣюсь, ты въ непродолжительномъ времени благословишь жестокую руку, извлекшую тебя изъ мирного крова и заставившую претерпѣть много непріятнаго. Какой-то неизвѣстный для меня гласъ всегда, какъ только я думаю о тебѣ, шепчетъ мнѣ, что судьба такъ высоко вознесетъ тебя, что мы смиренные рабы не въ состояніи будемъ зрѣть тебя, любезнѣйшій! ты началъ было описывать свои горести и радости со времени твоего увольненія изъ семинаріи; прошу покорно продолжать, если можно, начатое; мнѣ пріятно будетъ съ тобою стоять, просить и не получать. Говорю: *пріятно*, ибо такимъ образомъ получше познакомлюсь съ человѣчествомъ, которое всегда почти прикрываетъ безобразіе свое маскою, сдѣланною со всевозможнымъ искусствомъ. Но въ тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ ты находился, является въ естественномъ своемъ видѣ.

Послушай нашихъ новостей! Преосвящ. викарій кіевскій[2]) сдѣланъ епископомъ нижегородской епархіи. На мѣсто его поступилъ нашъ ректоръ А. *Мелетій*, который уже и посвященъ. Посвященіе происходило 22-го прошедшаго ноября въ большомъ каѳедральномъ соборѣ при многочисленномъ стеченіи любопытныхъ. Новый епископъ въ тотъ-же день угощалъ обѣденнымъ столомъ преосвященныхъ *Лаврентія*, архіеп. черниговскаго, и *Аѳанасія*,

---

[1]) Бѣлюговъ уже поступилъ въ это время на гражданскую службу. Іустинъ цѣлый годъ не писалъ къ нему, и вотъ теперь извиняется.

[2]) *Аѳанасій*.

епископа нижегородскаго, совершавшихъ посвященіе,—первостепенныхъ чиновниковъ, знатнѣйшее духовенство, почетныхъ граждан и наконецъ всю ученую челядь какъ академическую, такъ и семинарскую. Вставши изъ-за стола, всѣ гости единодушно желали, чтобы чаще въ Кіевѣ посвящали архіереевъ, а это служитъ несомнѣннымъ признакомъ, что столъ былъ изрядный. Чтобы слухъ не гнѣвался на чрево, пѣвчіе академическіе и семинарскіе концертами и кантами старались тѣшить его. Въ первое по освященіи воскресенье преосвященный-ректоръ служилъ въ братской церкви. Не смотря на худую погоду, собраніе людей было большое. Послѣ сего ты спросишь: кто-же теперь у васъ ректоръ? или кто будетъ? Это еще останется тайною. Правда, во всемъ городѣ говорятъ, что о. *Кириллъ*, ректоръ семинаріи, удостоится сей чести; но поелику не извѣстно, на чемъ основывается сія всеобщая молва, то я полное имѣю право говорить, что не извѣстно еще, кто будетъ ректоромъ. Время покажетъ.

Изъ Сп-бурга пишутъ, что о. Кириллъ держалъ экзаменъ на магистра и выдержалъ. Къ празднику новый магистръ возвратится въ Кіевъ, ибо уже въ дикастеріи полученъ указъ о его возвращеніи. Если въ самомъ дѣлѣ о. Кириллъ будетъ ректоромъ академіи, кажется намъ будетъ съ нимъ хорошо.

А. Д. *Граниковъ* [1]) въ прошедшемъ сентябрѣ женился. И вотъ какимъ образомъ: на вакацію онъ поѣхалъ на Волынь къ *Феофилу Новицкому* съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы съ помощію его найти тамъ себѣ невѣсту. Пріѣхавши съ Новицкимъ къ преосв. *Стефану*, онъ встрѣчается съ его родственницею, дѣвушкою, дочерью того *Кіанова*, который былъ городничимъ въ Новомгородѣ Волынскомъ и который, по смерти первой своей супруги, женился на сестрѣ архіерея, вдовѣ протоіерейской. Проживши нѣсколько дней съ нею вмѣстѣ, А. Демьяновичъ amore ejus capitur [2]), и—дѣло сдѣлано. Александра Николаевна Кіанова дѣлается супругою г-на баккалавра. Каково? Не романическая-ли женитьба? Впрочемъ Андрей Демьяновичъ не раскаявался, что такъ поспѣшно наложилъ на себя оковы брачныя. Представь себѣ женщину дородную, красивую, образованную и при томъ еще добрую. Вотъ тебѣ изображеніе жены Андрея Демьяновича! Но ты скажешь: не всѣ изчислены

---

[1]) Баккалавръ кіевской академіи, товарищъ *Густина* и *Бѣлюгова*.

[2]) Т. е. плѣнился ея любовію.

совершенства—ни слова о богатствѣ. О семъ совершенствѣ, которое многіе уважаютъ болѣе всего, не могу ничего сказать по причинѣ скромности Андрея Демьяновича въ отношеніи къ сему предмету.

Платонъ И. *Ставровъ* procreavit filiam [1]), который далъ знаменательное имя *Надежды*.

Мих. Ив. *Доросевичъ* [2]) положилъ въ умѣ своемъ твердое намѣреніе жениться на дочери купца (бывшаго) Купріанова, Елисаветѣ, которая въ то время, когда мы учились, была дитя, но теперь уже невѣста—дѣвушка хорошая; жаль только, что бѣдна. Послѣ Пасхи положено быть свадьбѣ.

Что-же я ничего не скажу о себѣ? Внѣшнее мое состояніе очень хорошо; жалованье получаю очень достаточное, а должности не такъ тягостны. Но жаль, что внутренность не соотвѣтствуетъ внѣшности. Скука безпрестанно мучитъ мое сердце и—мученіе сіе иногда доходитъ до такой степени, что я не радъ бываю самому себѣ. Вотъ что значитъ monachatus! Я счастливъ былъ-бы, если бы ты былъ со мною. Но теперь я безъ друга, а безъ друга мила и жизнь, намъ постыла, сказалъ нѣкто. Прощай! милый мой. Прощай! Пиши ко мнѣ. Я вѣрно буду отвѣчать.

Nobilissimo domino, domino Basilio Greg. salutem tum naturalem, quae consistit in legitima circulatione sanguinis, tum spiritualem, ad quam requiritur regularis circulatio gratiae divinae, devotissime dicit I. M. Th. [3])

9.

Кіевъ. 1827 года, апрѣля 17 дня.

Во истину Христосъ Воскресе!

Милый другъ Александръ Ивановичъ!

Пріятное для меня письмо твое отъ 5-го апрѣля я получилъ. Благодарю тебя за оное; оно принесло мнѣ немалое удовольствіе

---

[1]) Т. е. родилъ дочь.

[2]) Товарищъ, служившій учителемъ въ кіевской семинаріи.

[3]) Т. е. „Благороднѣйшему господину, Василію Григорьевичу (Левчановскому) здоровья, какъ тѣлеснаго, состоящаго въ правильной циркуляціи крови, такъ и душевнаго, для котораго требуется правильная циркуляція благодати Божіей,—преданнѣйше желаетъ *Іустинъ*, магистръ богословія“.

и уменьшило нѣсколько грусть, которая тяготитъ душу мою съ того времени, какъ нашу академію постигло ужасное или, по крайней мѣрѣ, довольно великое нещастіе. Ты уже знаешь, что я съ давняго времени ощущалъ въ себѣ какое-то безпокойство. Это былъ предвозвѣстникъ будущей моей горести, но я не понималъ его. Ты уже можетъ быть слышалъ, что вся академическая наша и семинарская сумма украдена. Надѣясь, что доброе твое сердце не откажется поскорбѣть съ нами, разскажу тебѣ подробно о семъ непріятномъ произшествіи. На пятой недѣлѣ поста въ четвертокъ мы поѣхали на экзаменъ въ уѣздное училище. Въ 11-мъ часу экономъ академіи, вызвавши ректора, въ слезахъ доноситъ ему, что сумма покрадена. Оставивши экзаменъ, мы немедленно отправляемся къ казнохранилищу и, къ величайшей горести, не находимъ въ немъ сундуковъ съ деньгами; замки сняты и тутже брошены. Зная, что сундукъ академическій желѣзный и очень тяжелъ, навѣрное положили, что онъ не долженъ быть вынесенъ за монастырь, и не ошиблись. Служители немедленно нашли его разломанымъ, вмѣстѣ съ семинарскимъ, въ пустомъ погребѣ подъ новымъ корпусомъ, на юго-западной сторонѣ. Осмотрѣвъ ихъ вмѣстѣ съ полицеймейстеромъ, сюда прибывшимъ, не нашли въ нихъ изъ 60000 тысячъ ни одного рубля. Спросишь: былъ ли при казнохранилищѣ сторожъ? Такъ, былъ, и онъ-то погубилъ насъ. Полиція послѣ допроса всѣмъ живущимъ въ академіи, сдѣлала свои распоряженія къ открытію похитителей. Къ вечеру того-же самаго дня является къ доктору частный приставъ Марковскій и доноситъ, что два вора схвачены и при нихъ найдена часть денегъ—16 тысячъ. Эта вѣсть нѣсколько успокоила мутящійся нашъ духъ. Пойманные воры (гарнизонные солдаты) при допросѣ показали, что они крали вмѣстѣ съ самымъ сторожемъ. „Григорій Ивановъ (такъ называется сторожъ), говорили они, познакомившись съ нами, объявилъ намъ свое намѣреніе и пригласилъ насъ помочь ему; мы согласились; онъ въ сумерки, введши насъ въ академію задними воротами, что при банѣ, посадилъ насъ въ погребъ; по полуночи, осмотрѣвши всю академію, и видя, что всѣ улеглись спать, отперъ подобранными ключами казнохранилище и вынесъ къ намъ сундукъ семинарскій. Разбивъ его, мы нашли въ немъ 16 тысячь и хотѣли симъ удовольствоваться, но онъ сказалъ, что мало, и что все равно отвѣчать. Обождавъ немного, мы пошли всѣ трое за другимъ сундукомъ и съ большимъ трудомъ вынесли его и также разломали. Давъ намъ одну пачку, всѣ прочія деньги забралъ себѣ.

Прощаясь съ нами, онъ сказалъ, что поѣдетъ или въ Москву, или Петербургъ". На другой день по всѣмъ дорогамъ были посланы люди въ погоню, но всѣ возвратились, не открывъ никакихъ слѣдовъ похитителя. Поплакавъ и погоревавъ, написали представленіе въ коммисію духовныхъ училищъ. Что будетъ съ нами, не знаемъ; но знаемъ, что при нынѣшнемъ строгомъ Государѣ не избѣгнемъ наказанія. Когда пишу тебѣ сіе, рука трясется. Дай Богъ, чтобы сіе трясеніе не было предвѣстникомъ. Вотъ что, мой милый, значитъ быть членомъ правленія! Если бы я былъ частнымъ человѣкомъ, я былъ-бы покоенъ. Когда придетъ дѣло, я немедленно увѣдомлю тебя, если только не лишатъ меня свободы. Полагаясь на заступленіе нашего архипастыря, надѣемся, что въ наказаніи не поступятъ съ нами, какъ съ преступниками; но надежда не одного обманула. Я скорбѣлъ, другъ, о твоемъ нещастіи, поскорби и ты о моемъ...

О. ректоръ нашъ благополучно къ намъ прибылъ. Обходится съ нами такъ хорошо, что не можемъ имъ не хвалиться. Упомянутое нещастіе сильно на него подѣйствовало.

Сожалѣю, что ты иногда бываешь не веселъ, но помощи въ семъ случаѣ подать тебѣ не могу, ибо я и самъ тѣмъ-же стражду. Изъ Грузіи получена вѣсть непріятная. Г. Ѳ. *Хлѣбниковъ*, изъ любви къ отечеству съ геройскимъ духомъ оставившій родину, знакомыхъ и милыхъ сердцу, по недовѣдомымъ судьбамъ лишенъ громкихъ титлъ ректора и кандидата и отосланъ въ гражданское вѣдомство для пріисканія рода жизни. Причиною такого ужаснаго паденія, *гласитъ* бумага, была буйная непокорность начальству. *Стеценковъ* здравствуетъ и твердо стоитъ на высотѣ своего величія. О Протопоповѣ разнесся слухъ, что умеръ. Пожалѣйте о добромъ товарищѣ нашемъ А. М. *Леляевскомъ*; онъ бѣдный оглохъ и не можетъ далѣе продолжать службы. Куда ему дѣться? Ни къ чему не способенъ. Прочіе товарищи здоровы и кланяются тебѣ. Прощай! Больная рука отказывается больше писать. Василію Григорьевичу мое почтеніе. Когда будешь писать ко мнѣ, скажи, гдѣ Василій Григорьевичъ служитъ и въ какомъ чинѣ? Этого желаютъ всѣ товарищи. Iustin, vice-inspector.

Въ Кіевѣ назначенъ военнымъ губернаторомъ *Желтухинъ* и скоро пріѣдетъ. Лакерда купецъ скончался. Отпущена сумма на постройку семинаріи кіевской въ Петро-Павловскомъ монастырѣ. Греки переведены къ катерининской церкви. Бѣда теперь монахинямъ; семинаристы будутъ искушать ихъ больше діавола...

10.

Любезный другъ,

Александръ Ивановичъ!

Путешествіе ваше отъ Дубоссаръ до Кишинева ничѣмъ не хуже путешествій такъ называемыхъ романическихъ. Мы въ семъ случаѣ не можемъ похвалиться. Съ нами не послѣдовало никакихъ приключеній. Отъ столпа, свидѣтеля нашихъ прощаній[1]), до г. Балты проѣхали мы на почтовыхъ, а отселѣ до Кіева на долгихъ. Въ городѣ Умани мы пробыли два дни. О. протоіерей, тамошній смотритель, принялъ насъ съ отмѣнною ласковостію; не смотря на тучность свою, онъ съ охотою рѣшился среди зноя солнечнаго проводить насъ въ пресловутую *Софіевку*; по его прошенію показаны намъ были всѣ чудеса природы и искуства. Ты, другъ, помнится, самъ былъ въ Софіевкѣ, а потому не нужнымъ почитаю описывать ее. Я монахъ, но, слава Богу, не совершенно еще лишился чувства эстетическаго, а потому, осматривая Софіевку, такое чувствовалъ удовольствіе, которое заставляло меня забывать, что я отказывался отъ міра. Въ саду чрезвычайное было собраніе. Мое странное одѣяніе обращало на меня всеобщее вниманіе, а сіе самое чрезвычайно для меня было конфузно. На тѣ существа, которыя въ модномъ мірѣ, особенно въ льстивыхъ сочиненьицахъ піитическихъ, называются разными прелестными именами, я не осмѣливался смотрѣть изъ опасенія... показаться не скромнымъ. Въ саду много дорогихъ статуй. Взглянувъ на одну изъ нихъ, я невольнымъ образомъ покраснѣлъ. Другіе съ вниманіемъ разсматривали сіи статуи. Особенно удивительнымъ мнѣ показалось, что даже дѣвицы, и притомъ, какъ казалось, не изъ низшаго класса, пристально и долго приносили въ жертву богинѣ—тиранкѣ сердецъ человѣческихъ свое вниманіе. Статуи, представляющія задумчивыхъ философовъ, возбудили во мнѣ мысль, что люди всѣ вообще болѣе или менѣе рождаются способными къ радостямъ и удовольствіямъ жизни, и что суровость нрава, хладнокровность ко всему, соединенная съ нѣкотораго рода ненавистію къ роду человѣческому, зависитъ отъ постороннихъ и случайныхъ обстоятельствъ. Богъ есть источникъ

[1]) *Іустинъ* ѣздилъ лѣтомъ этого года въ Кишиневъ, въ качествѣ *ревизора* кишиневской д. семинаріи, и лично видѣлся съ Бѣлюговымъ. Бѣлюговъ провожалъ его за *Дубоссары*.

радости и все творитъ для радости. Сами люди, по безумію своему, лишаютъ себя радости. Удовольствіе, которое я ощущалъ при разсмотрѣніи Софіевки, было не продолжительно. Вспомнивъ, что я *Angelus in corpore*, или проще *unus*, я паки покрылся мракомъ задумчивости. Непрестанно представляется мнѣ *claustrium cum omnibus suis voluptatibus* [1]), и это мучитъ меня.

Милый мой другъ! ты говорилъ, что, по ученію Шада, скоро сдѣлаешься полнымъ человѣкомъ. 8-е число прошлаго сентября назначалось тобою для совершенія сего непостижимаго таинства природы. Сердце мнѣ говоритъ—и я ему вѣрю—сердце мое говоритъ, что другъ мой обладаетъ уже существомъ милымъ, добрымъ, скромнымъ, умнымъ и—блаженствуетъ. О, естьли бы я былъ въ состояніи перенестись въ Кишиневъ! Я бросился бы въ твои объятія, борода не попрепятствовала-бы мнѣ облобызать тебя, я излилъ бы предъ милою четою чувства моей любви и усердія. Но... человѣкъ безъ крыльевъ!... За то имѣетъ воображеніе. Я въ воображеніи раздѣляю съ вами время. Вы не видите моего образа, это хорошо; ибо иначе я во многихъ случаяхъ служилъ бы вамъ препятствіемъ...

10-го сентября совершилось у насъ бракосочетаніе товарища нашего баккалавра *Шокотова*, того именно, который помѣшанъ былъ на монашествѣ. Въ подругу себѣ онъ избралъ Марину Михайлову, дочь соборнаго священника Кучеровскаго [2])...

Платки получили, но не чрезъ Паславскаго, а чрезъ одного купца. Благодаримъ васъ за ваши хлопоты.

Василій Яковлевичъ [3]) кланяется вамъ. Поклонитесь отъ меня и отъ Василія Яковлевича любезнѣйшему Василію Григорьевичу и всѣмъ кишиневскимъ. Прощай! Иду въ церковь помолиться о вашемъ здоровьи и благополучіи. Душевно преданный тебѣ I.

Октября 2 дня
1827 года.

---

[1]) Т. е. монашеская келія со всѣми ея удовольствіями.

[2]) Этотъ *Шокотовъ* впослѣдствіи таки поступилъ въ монашество подъ именемъ *Антонія*. Умеръ въ 1872 г. архіепископомъ кишиневскимъ; два товарища академическіе Шокотовъ и Бѣлюговъ на старости сошлись въ Кишиневѣ, и оба здѣсь умерли.

[3]) Орловъ.

11.

Любезнѣйшій другъ!

Александръ Ивановичъ!

По опредѣленію судебъ досталось тебѣ обладать Вѣрою. Съ вѣрою нѣкогда люди чудеса творили, все дѣлали, что хотѣли; я надѣюсь, что и ты будешь великимъ чудотворцемъ—такъ! точно будешь—попытайся; можетъ быть способность къ чудотворенію въ тебѣ созрѣла. Именемъ всемочной Вѣры повели вѣтромъ на невещественныхъ своихъ хребтахъ перенести меня въ Бессарабію, дабы я могъ зрѣть лицемъ къ лицу два существа, столь милыя моему сердцу. Повели, говорю; но, горе! видно прошли вѣки чудотвореній; видно не видать мнѣ чувственными очами милой твоей подруги. Ахъ, человѣкъ—царь міра! какъ ты ничтоженъ! Радуюсь, что разнѣжившаяся твоя десница опять пришла въ состояніе дѣйствовать перомъ. А я думалъ, что ты, пустившись плавать по океану удовольствій, навсегда забудешь того, который, боясь причудъ влажной стихіи, рѣшился, хотя вопреки влеченію собственнаго сердца, остаться на твердой землѣ. Отъ души радуюсь, что ты избралъ себѣ такую подругу, которая вполнѣ тебѣ нравится. Съ такимъ другомъ нельзя не быть блаженнымъ. Блаженствуй же, милый! А я буду молить небо, да явитъ надъ тобою чудо свое, да не попуститъ горести никогда возмутить радости твоего сердца.

Другъ мой! Для чего ты не писалъ мнѣ, какъ Вѣра называется по отечеству? Ты въ бытность мою въ Кишиневѣ называлъ ее по имени и по отечеству. Но память мнѣ измѣнила.

Отецъ Евгеній, тотъ самый, который училъ насъ премудрости исторической [1]), чудеса творитъ въ орловской семинаріи, или лучше—сотворилъ уже. Вотъ въ чемъ дѣло. 23 сентября о. Евгеній, инспекторъ семинаріи, является къ начальнику жандармовъ, къ гражданскому губернатору, къ архіерею и требуетъ, чтобы они явились въ семинарское правленіе для выслушанія отъ него важнаго дѣла. На другой день пріѣзжаютъ въ семинарію архіерей, полицмейстеръ и частный приставъ. Когда сіи лица вмѣстѣ съ членами семинар. правленія собрались въ правленіе, Евгеній

---

[1]) Т. е. бывшій баккалавръ исторіи въ кіевской д. академіи, іером. *Евгеній Соловьевъ*.

подалъ *объявленіе*, въ которомъ, отказываясь до времени отъ всѣхъ должностей, проситъ доставить ему средство объясниться частію предъ коммисіею духовныхъ училищъ, частію предъ самимъ Императоромъ въ важныхъ предметахъ, одному ему извѣстныхъ. Академ. правленіе о такомъ странномъ поступкѣ Евгенія представило коммисіи. Отвѣта доселѣ нѣтъ.

Бѣдные наши студенты, окончившіе курсъ, доселѣ мучатся ожиданіемъ рѣшенія своей участи. Мучительно столь долгое время жить въ праздности! Щастливы мы, что избавились сихъ мытарствъ. Съ участью студентовъ соединена и наша участь. Его высокопреосвященство былъ у насъ ревизоромъ; чаемъ, по его представленію, что нибудь получить.

О себѣ новаго сказать тебѣ ничего не могу. Читаю книги, хожу въ классъ, въ библіотеку, къ студентамъ, въ свободное время предаюсь печальнымъ мыслямъ: вотъ въ чемъ протекаетъ одинокая моя жизнь.

Мы наслаждаемся прекрасною зимою, въ полномъ смыслѣ прекрасною; у васъ вѣроятно нѣтъ зимы?

Прощай! Devotissimus tibi I.

Ноября 20 дня 1827 г.

Приложеніе къ 11-му письму.

Милостивая моя государыня!

Вѣра...

Съ душевнымъ удовольствіемъ читалъ я ваши строки. Радостно для меня было слышать привѣтствіе, исполненное искреннихъ чувствъ благорасположенности отъ такого лица, которое лично мнѣ неизвѣстно. Жалѣю, что я, будучи въ Кишиневѣ, не имѣлъ удовольствія быть самовидцемъ совершенствъ, украшающихъ вашу душу и тѣло. Правда, Александръ Ивановичъ живо мнѣ васъ изобразилъ, но списокъ все хуже оригинала.

Чувства вашей ко мнѣ благорасположенности налагаютъ на меня пріятную обязанность желать, чтобы щастіе, осѣняющее васъ нынѣ своими крылами, никогда отъ васъ не отлетало, но избрало въ вашемъ домѣ постоянное себѣ обиталище.

Вашъ покорный слуга I. I.

P. S. Извините, что я не знаю вашего отечества. Александръ Ивановичъ сему причиною—на него гнѣвайтесь.

Кіевъ, ноября 20 дня, 1827 г.

Дополненіе „Разговора Великороссіи съ Малороссіей“.

Въ февральской книжкѣ „Кіевской Старины“ помѣщенъ былъ „Разговоръ Великороссіи съ Малороссіей“ по тремъ спискамъ, которые, однако же, не заключали въ себѣ всего текста „Разговора“. Не было выходнаго листка и конца „Разговора“, равно какъ и въ срединѣ его не доставало нѣсколькихъ листковъ. На основаніи содержанія „Разговора“, мы отнесли его къ первымъ годамъ царствованія Екатерины II и авторомъ его считали человѣка образованнаго, можетъ быть, принадлежавшаго къ войсковой старшинѣ. Теперь мы имѣемъ возможность частію подтвердить наши выводы, частію дополнить и исправить ихъ. По напечатаніи помянутаго „Разговора“, мы получили два полные списка его, изъ коихъ одинъ сдѣланъ въ Медведовѣ (?) 13 ноября 1788 г. и сообщенъ намъ г-жею Литвиновою, а другой—письма нынѣшняго вѣка, принадлежащій А. М. Лазаревскому. Въ спискѣ г. Лазаревскаго, болѣе исправномъ, сохранился весь текстъ „Разговора“, съ выходнымъ листомъ и окончаніемъ и безъ пропусковъ въ срединѣ. На первомъ листкѣ этаго списка значится слѣдующее: „сочинилъ въ честь, славу и защищеніе всей Малороссіи генеральной войсковой канцеляріи пере.. Семенъ Дѣвовичъ. 1762 года. Въ Глуховѣ“. Вѣроятно, Дѣвовичъ или Дивовичъ былъ переводчикомъ генеральной войсковой канцеляріи, и, во всякомъ случаѣ, былъ человѣкъ образованный. Составленіе „Разговора“ однимъ изъ чиновниковъ генеральной войсковой канцеляріи придаетъ этому произведенію еще большее значеніе, какъ выразителю мнѣній и взглядовъ интеллигентныхъ и начальныхъ людей Малороссіи того времени. Приведемъ недостававшіе отрывки „Разговора“ по списку А. М. Лазаревскаго, удерживая правописаніе списка г-жи Литвиновой, какъ болѣе древнее. Первый отрывокъ составляетъ одно изъ существенныхъ мѣстъ „Разговора“ и касается жгучаго когда-то вопроса о соот-

вѣтствіи между новозаведенными на иностранный манеръ чинами великороссійскими и старыми чинами малороссійскими. Это живая и крайне интересная историческая картина не только нравовъ и понятій того времени, но и взаимныхъ отношеній двухъ половинъ Россіи, подлежавшихъ сліянію въ одно цѣлое.

Доказывая, что Малороссія подчинилась не Великороссіи, а одному общему ихъ государю, и что малороссійскіе чины равны съ соотвѣтствующими великороссійскими, не смотря на разность названій ихъ (Кіев. Старина, февраль, 1882 г., стр. 343—4), Малороссія продолжаетъ:

Обойми умомъ всѣ государства пространно,
Во всякомъ почти найдешь различіе въ чинахъ,
Кое въ однихъ состоитъ названій іменахъ;
А найпаче во всей Азіи то бываетъ,
Котора свои имѣетъ, нашихъ не знаетъ;
Однакожъ сравниваются между собой всѣ тѣ.
Что жъ мѣшаетъ взглядомъ тебя имѣть тоежъ и мнѣ?
Посему бы ты визиря капитаномъ почла,
Потому что Турція сіе имя дала;
Кіага сѣлъ бы у тебя ниже сержанта,
Пашу промѣняла бы за комедіанта (*вар.* коменданта),
Муфтая почла бъ дячкомъ, а сотника соцкимъ,
Писаря моихъ полковъ сверстала бъ съ своимъ.
Нѣтъ, нѣтъ, дружокъ! не изволь (такъ) думать про меня!
Я почтена отъ Государя, не отъ тебя.
Онъ меня въ покровительство принялъ какъ свое,
То все оставилъ при мнѣ, что только есть мое;
Привилегій польской короны не отмѣнилъ
И чины мнѣ прежде тамъ данные подтвердилъ.
А чтобъ лучше вѣдать ты могла мои службы,
Приводя обѣихъ насъ въ неразрывны дружбы,
Россійскіи Государи чины прибавляли
И свои къ прежнимъ моимъ за вѣрность давали,
Въ чемъ, думаю, и спорить не станешь ты со мной,
Ибо многихъ такихъ во мнѣ видишь предъ тобой.
Чтожъ? Скажешь: для тово дали россійской чинъ,
Что его не имѣлъ преже зъ моихъ ни одинъ?

Куда какая ненависть несправедлива,
Стоитъ осьмого греческихъ мудрецовъ дива!
Чтó всякъ царь и король хранилъ и еще хранитъ,
Въ томъ дерзкая компанія твоя (одна) шумитъ.
Ибо, бывая въ оной, мятежъ производишь,
За однѣ токмо мѣста всѣхъ къ ссорѣ приводишь.
Каптенармусъ будучи, не (у)вступишь обознымъ,
Толкнешь старшинъ тѣхъ полковыхъ по мѣстамъ
розвымъ,
Ефрейторомъ посядешь судью полкового,
Радъ спорить съ нимъ, хотя отъ нево отстоишь много.
А когда уже въ аудиторской рангъ попадіошь,
То и къ генеральнымъ старшинамъ драться начніошь.
Самы святыя мѣста терпятъ твою норму:
Ты, вобравшись въ церковь, прешься въ первую
форму [1]),
Не смотришь, кто бъ тамъ (же) изъ моихъ не стоялъ.
Для маіора ввесь мой малороссійскій свѣтъ (*вар.*
чинъ) малъ.
Спѣшишь на проломъ къ священнику по антідоръ,
Толкаешь, кричишь: дайте чиновнику просторъ!
Боишься, чтобъ кто зъ моихъ тебя не упредилъ.
Но большъ бойся, чтобъ священника зъ ногъ не
свалилъ.
А мои старшины учтивость наблюдаютъ,
Сію неумѣренность смѣхомъ провождаютъ.
Случилось мнѣ самому въ церквѣ видѣть разъ,
Какъ одинъ капитанъ побѣжалъ (тамъ), подбилъ глазъ;
Ибо зацѣпився палъ и носъ окровавивъ,
Такимъ образомъ и антідоръ брать оставивъ,
Вдарился скоро зъ церкви съ глазомъ подбитымъ,
Хотѣлъ всѣхъ упредить, отскочилъ съ носомъ раз-
битымъ.

---

[1]) Формами назывались особыя мѣста для стоянія въ церкви. Это родъ стоячихъ деревяныхъ ящиковъ, открытыхъ спереди, съ опускающеюся по срединѣ для сидѣнія доскою.

Безглазымъ и безносымъ долго того звали,
И за то, что бѣдной пострадалъ, всѣ вступали;
Ибо послѣ того, какъ (было) въ церковь придетъ,
Оставивъ всѣ ему формы, всякъ изъ оныхъ выдетъ.
А по антідоръ (однакъ) боялся ужъ ходити,
Бунчуковымъ товаришамъ вздумалъ въ семъ вступити.
Но и тутъ паки постигло несчастіе его;
Ибо ввалившись въ форму свыше збору всего,
Зацепился (только) за гвоздь шпажнымъ притупеемъ,
Совался, бился ногами, наклонясь съ тупеемъ,
Не могъ оторваться; такъ горячести знакъ давъ,
Потащилъ за собою вонъ формы цѣлой составъ.
Алчно смотрѣли люде на шедшаго съ кругомъ:
„Таку тяжесть,—говорили,—должно везть цугомъ“.
О всѣхъ твоихъ презрѣніяхъ я (бъ) не (по)тужила,
Если-бъ правда къ тѣмъ вела, не нахальна сила.
Ты (сама) собой меня всегда обыждаешь,
Государямъ неизвѣстно,—какъ поступаешь.
И большіе генералы твои меня чтутъ,
Сравнивая своихъ съ моими мѣсто даютъ.
Знаешь-ли, что было предъ симъ за 13-ть лѣтъ,
Какъ государствовала кротка Елісаветъ?
Съ кѣмъ сравнивали (а) малороссійскихъ депутатъ?
Не съ генералами-ль велѣно было сверстать?
Въ которомъ числѣ былъ тамъ депутатъ началный
Ханенко, бывшій мой хоружій генералный [1]).
Смотри, что (и) иностранной народъ французы,
Съ монархиней нашей імѣющій союзы,
Публикуютъ про генералныхъ старшинъ моихъ.
Они съ ними равняютъ генераловъ твоихъ,
Генералного жъ писаря такъ представляютъ,
Что великимъ канцлеромъ моимъ называютъ.
(Но) по крайней мѣрѣ бригадирами (ихъ) почтемъ.

---

[1]) 1749 г. въ С.-Петербургѣ. *Примѣч. автора.*

И тутъ видишь, что не безъ знатныхъ ранговъ слывемъ.
Еще-ль чины мои тебѣ кажутся странны,
Вотъ имѣешь отъ меня видъ сходства пространный.
Вспомни бояръ и между прочими же стрѣльцовъ!
Вспомни бояръ между пробывшихъ думныхъ дьяковъ!
Всѣ тѣ и по нынѣ въ пространствѣ твоемъ живутъ,
То жъ, какъ прежде, достоинство и должность несутъ,
Но названны вънові нарѣчіемъ только другимъ,
Переименованы именемъ ужъ инымъ,
Такъ что канцлерами начали называться,
Дворянами и лейбъ-гвардіею считаться.
Петръ первый, обошедъ разныя земли, царства,
При учрежденіи своего государства
Много въ государствѣ съ пользою узаконилъ,
А при томъ и часть чиновъ въ іменахъ отмѣнилъ.
Да и прежде (того) видны такіе жъ примѣры,
Что инако звались, а были въ ровной мѣрѣ.
Зачѣмъ много говорить? Сама видишь, знаешь,—
Ассесора съ маіоромъ не одно ль считаешь?
Хотя сей въ воинскихъ, а тотъ въ гражданскихъ дѣлахъ,
Однакъ не равны ль тѣ между собою въ чинахъ?
Много больше про меня думай взглядомъ оныхъ;
Ибо я остаюсь въ прежнихъ чинахъ коронныхъ,
Кои въ іменахъ (съ твоими) весьма разнятся,
А въ сравненіи не могутъ собой остаться.
Великорос. Ну, полно уже меня приводить въ азарты!
Не будь вспылчива, иное принимай въ жарты!
Я только спросила о поддачѣ мнѣ твоей,
Зачемъ отнимаешь оную отъ меня всей;
А ты ужь и много обличать меня стала.
Брось пороки считать, что во мнѣ примѣчала!
Признаю, что не я собой тебѣ властитель,
Но самодержецъ нашъ есть общій повелитель.
Не спорю ужь, что онъ тебя принялъ съ чинами:
Вижу, что и своихъ часто сравнивалъ съ вами.

Но скажи съ миромъ, о чемъ выше (за) *во*просъ гласилъ,
Выигриваешь войну будьто безъ моихъ силъ?
Малорос. Да и конечно такъ! въ прежнія тѣ времена,
Не надлежа еще сюда, билась я одна,
Многихъ непріятелей поражала больно.
Вспомни прежню мою рѣчь, признаешь довольно.
Но не думай, будьто все представлено мною!
Много тамъ пропущала, говоря съ тобою,
И знатнѣйшій только казала воинскій бой,
Славнѣйшую являла храбрость свою и строй.
Итакъ видишь и сама мою справедливость,
Какова и безъ тебя была моя живость.
Не пособляла ты мнѣ въ воинско то время,
Какъ скидала (*вар.* свергала) я съ себя все лядское бремя
И за озлобленія съ оними сражалась
Храбро, славно и удачно сопротивлялась.
Не была ты и тогда, какъ къ туркамъ ходила,
Коихъ одна я не разъ славно побѣдила.
Безъ тебя я и на молдавцовъ наступала,
Безъ тебя я ихъ сильной рукой прогоняла (*вар.* поражала).
Сознай сама, была ль и на тѣхъ войнахъ при мнѣ,
Какъ многихъ татаръ (побѣдой) въ плѣнъ брала (къ) себѣ?
Еще ль съ такой (*вар.* тихой) хитростію больш станешь озлоблять?
Еще ль не пора тебѣ храброй меня признать?
Когда жъ Россійскому я поддалась ужъ царству,
То какъ обѣ одному служимъ государству,
Такъ не можно сказать, чтобъ одна всегда билась
И чтобъ на многихъ мѣстахъ одна я сразилась.
Но какъ ты, такъ и я вмѣстѣ соединялись,
Каждая изъ насъ своими полками бивались;
А къ инымъ мѣстамъ посылана я и одна,
Текли гдѣ съ кровью: лѣто, осень, зима, весна,—
Видѣли много четыре тѣ года части,

Въ какія гнала я непріятелей страсти.
Не отнимаю симъ отъ тебя воинскихъ хвалъ,
Сорванъ тобой не одинъ непріятельскій валъ.
И что къ твоимъ принадлежитъ силамъ, то твое,
А что къ моей воинской славѣ, то тожъ мое.
И такъ съ времени моей ужъ сюда поддачи
Покажу особливо и свои удачи.
Какъ согласился король польскій съ ханомъ кримскимъ
Огнемъ и мечемъ воевать съ царемъ россійскимъ
За то, что я поддала повѣкъ (*вар.* вѣчно) ему себя,
То гетманъ (тотъ мой) Хмелницкій, сего не терпя,
Его царскому Величеству тотъчасъ донесъ;
Зачѣмъ Государь, упреждая умыслъ ихъ весь,
Отправился самъ въ Литву подъ Смоленскъ съ полками,
Куда Золотаренко посланъ съ козаками (1654 г.),
А Хмелницкій подъ Хвастовомъ находился тогда;
И какъ приспѣли многи полки мои туда,
То Золотаренко, наказный оный гетманъ,
Около Гомля и Быхова произвелъ брань,
Гдѣ ляховъ и татаръ многихъ порубалъ, прогналъ,
И какъ тѣ, такъ и другіе города досталъ.
При ономъ же Золотаренку и Смоленскъ взятъ,
Котораго козаки стараясь доставать,
Казали ревность, смѣлость при глазахъ монаршихъ,
До одного выбили всѣхъ тамошнихъ старшихъ,
За что довольнымъ жалованьемъ награждены,
Похваленны, почтенны и обогащены.
Тогда жъ съ Золотаренкомъ ходилъ Государь царь
Воевать дальше въ Литву поляковъ и татаръ,
Гдѣ какъ подъ Березиной (*вар.* Березою), подъ Шкловомъ, рѣкою
Съ княземъ Радзивиломъ стали биться войною,
То тотъчасъ оной Радзівилъ совсѣмъ побѣжденъ,
Такъ что едва ль самъ не остался жизни лишенъ.
Взято тогда большъ двухсотъ литовскихъ городовъ,
А изъ моихъ мало потеряно козаковъ (1654 г.).
Въ то жъ время Вітебскъ до основанія изсѣкли,

Вільну разоривъ, тисячи (у) ляховъ посѣкли.
Между Ставищами жъ и Охматовомъ чрезъ годъ (1655 г.)
Что произвелъ надъ ляхами козацкой народъ,
Какъ ляхи съ татарами въ полѣ съединились
И въ обозъ козацкій тамъ ужъ было ввалились,
То козаки, напавши на ляховъ и татаръ,
Оглоблями изъ саней такій дали ударъ,
Что мерзлыми (*вар.* мертвими) тѣлами, коихъ убивали,
Ввесь обозъ свой какъ будьто валомъ окидали.
Рѣдкое то чудо было з бѣдою ляхамъ,
Что и оглобли козацки страшили врагамъ,
Коихъ презрѣвъ, какъ не разъ войною успѣли,
Ружьіомъ съ ними драться уже (больше) не схотѣли,
А въ насмѣшку вздумали бабьимъ бить мастерствомъ;
Когда бъ случилось при нихъ, мели (*вар.* гнали) бъ и помеломъ.
Тогда большъ пятнадцати тисячъ людей (*вар.* оныхъ) пало,
И въ полонъ взято ляховъ и татаръ не мало.
На другой потомъ день, какъ та сѣчь окончалась,
Страшная баталія опять начиналась,
И продолжалась даже до самой темной ночи,
Не стало ужь большъ лядской и татарской мочи;
Ибо столько жъ иль съ залишкомъ пало и въ этотъ день,
Осталось всего войска въ нихъ только на пядень.
Зъ тѣхъ поръ Хмелніцкій самъ ушь на войну не ходилъ,
Но какъ король шведскій помочи его просилъ,
То однихъ козаковъ своихъ къ нему послалъ онъ,
Къ коимъ приданъ былъ кіевскій полковникъ Антонъ.
Тотъ Антонъ Адамовичъ, когда туда пришолъ,
Отправилъ съ нимъ и свое войско шведскій король,
Съ которымъ, когда козаки совокупились,
Въ самую средину Польши (смѣло) пробились
И оба столичные города поляковъ
Успѣшной войной взяли, Варшаву и Краковъ,
Побрали тамъ многіе шляхетски богатства,
Сенаторски уборы, костеловъ изрядства;
Добрались и до королевскихъ коронъ, порфиръ,

Какъ будьто нарочито собранныхъ имъ на пиръ.
Храбрость Хмелницкого не описана собой,
Съ успѣхомъ імѣвшаго частой воинской бой:
Съ многими людьми (*вар.* народами) онъ въ сраженія вступалъ,
И съ которыми ни вступалъ, всѣхъ тѣхъ побѣждалъ.
Самы альпійскіе непроходимы горы,
Какъ Геркулесъ древній, прошолъ бы съ войскомъ (*вар.* собой) вскори [1]).

Интересныя подробности о мѣстничествѣ великорусскихъ офицеровъ и чиновниковъ съ малорусскими чинами въ этомъ отрывкѣ списаны авторомъ съ натуры и подтверждаются свидѣтельствами мѣстныхъ старожиловъ; объ участіи же козаковъ въ литовскомъ походѣ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ авторъ писалъ на основаніи извѣстнаго уже намъ „Краткаго описанія Малороссіи", составленнаго въ 30-хъ годахъ прошлаго вѣка.

Другой отрывокъ, заключительный въ „Разговорѣ", ничѣмъ не замѣчателенъ, и мы приведемъ его здѣсь лишь для полноты представленія о разсматриваемомъ произведеніи Диновича. Послѣ упоминанія о заслугахъ Разумовскихъ императрицамъ Елизаветѣ и Екатеринѣ II, Малороссія продолжаетъ:

Еще ль со мною въ спорные разговоры вступишь?
Еще ль отъ ненависти ко мнѣ не отступишь?
Вотъ тебя привела къ самымъ твоимъ временамъ,
Представила я правду самымъ твоимъ глазамъ,—
Ни пис(к)нуть уже тебѣ нѣльзя противъ меня.
Буди жъ еще (по)*за*споришь, большъ обличу тебя,
Найду еще въ тебѣ я премногихъ подобныхъ,
Сочту и еще твоихъ государству злобныхъ.

Великорос. Ахъ, ахъ! нѣтъ, нѣтъ! помилуй, уними о семъ рѣчь!
Пожалуй, пожалуй, все уже изволь пресѣчь!
Довольно, нынѣ твою правду принимаю,
Вѣрю всему, почитаю, храброй сознаю.

---

[1]) «О которыхъ горахъ Корнелій Непотъ въ своей книгѣ упоминаетъ, что никто не могъ оныхъ проходить съ войскомъ прежде Геркулеса и потомъ Ганнибала, имъ упоминаемаго,—о чемъ однако Полибій споритъ». *Примѣч. автора.*

Отсель и чины твои равнять съ мѣрой стану
И отъ дружбы съ тобою вѣчно не отстану.
Мы будемъ въ неразрывномъ впредь согласіи жить
И обѣ въ едномъ государствѣ вѣрно служить.
Посяпоры понимала темно о тебѣ;
Благодарствую, что протолковала ты мнѣ.

За исключеніемъ приведенныхъ двухъ открывковъ, въ новонайденныхъ спискахъ „Разговора“ есть мѣстами значительные варіанты, дополняющіе или возстановляющіе смыслъ прежде изданнаго текста „Разговора“. Мы укажемъ болѣе существенное изъ нихъ.

СТРАН.	СТРОКА:	НАПЕЧАТАНО:	ВЪ НОВЫХЪ СПИСКАХЪ ЧИТАЕТСЯ:
328	6	означенны	означено
329	20	при комъ	прокомъ
334	10	стался	стлался
337	21	тамъ	той
338	25	и	къ
340	27	, храбрость	храбрыхъ
341	1	ваша... вамъ	наша... намъ
—	3	в страхъ	въ прямь

Послѣ пятой строки слѣдуетъ вставить:

Венера пособляла, Паллада гнала вонъ

—	9	кривавій	кровный
—	11	давъ оной	данной
—	12	своихъ	всѣ
—	18	отсталъ	отпалъ
342	9	главній	славній
343	5	надо мной	надъ холмомъ

Послѣ 6 строки нужно вставить:

Кто тѣ почему нибудь во владѣніи держитъ.

—	12	шля	веля
—	16	тѣхъ	о тѣхъ
344	8	столко	только
—	15	первѣйшій	привыкшій
345	5	Эту строку нужно читать такъ:	

Вселюбезній отче нашъ,—отче нашъ любезній!

СТРАН.	СТРОКА:	НАПЕЧАТАНО:	ВЪ НОВЫХЪ СПИСКАХЪ ЧИТАЕТСЯ:
345	6	Чего-ль	Сего-ль
—	26	всѣ вмѣсто	въ сіе мѣсто
346	5	хлипмющими	хлиплющими
—	15	со страдою	съ отрадой
—	34	мироломцы	вѣроломцы
347	5	будуть	будемъ
—	13	храбры,	, храбры
—	20	зъ густотою	съ густотою (*вар.* и съ фузомъ)
—	21	глазамъ	глазахъ
—	27	мнѣ	нынѣ
—	31	в слихъ спивали	всхлыпивали

348 13 Эту строку нужно читать такъ:

И за жизни еще", и проч.

349	11	можетъ быть,	можетъ быть, что̀

20 и 21 строки должны быть переставлены одна на мѣсто другой.

350	16	поступали	наступили
351	15	попалали	попалили
352	9 и 10	получала... брала	получали... брали
—	18	татары и с Россіи	татаринъ Россію
453	5	силъ	селъ
—	27	страсть была	страховита
—	30	мой же Патѣй	оной же Палѣй
354	7	нимецка	нимецка и польска
—	9	над	подъ
—	27	знаменами	съ знаменами
356	22	неровной	не робко
—	28	тамже	также

30 Эту строку нужно читать такъ:

Великодушіе ихъ до побѣды вело

357	16	учинился	тщился
358	13	и тѣла	ихъ тѣла
359	7	козаки бодрость и вѣрность	казали бодрость и ревность

360 Послѣ 9 строки читать:

Но одинъ предалъ непріятелю себя.

СТРАН.	СТРОКА:	НАПЕЧАТАНО:	ВЪ НОВЫХЪ СПИСКАХЪ ЧИТАЕТСЯ:
—	11	что онъ былъ	что онъ мой былъ
—	14	жаждой	нуждой

Послѣ 17 строки читать:

И тое страннѣйшее дѣло и дивнѣе всѣмъ,

Что ты зъ предковъ и родилась при царѣ своемъ,

Послѣ 26 строки читать:

Напомню, что многіе бояры казнены (въ 1689 г.)

27 строка читается такъ:

Кои противъ царей въ измѣнѣ изобличены,

Послѣ 37 строки читать:

И воинское дѣйство оттолѣ отставилъ,

361	2	Да и Шереметевъ	Да и Василій Шереметевъ
—	5	проплакалъ	проклиналъ
—	15	сколко	жалко
—	20	ляхамъ тѣмъ	ляхи татарамъ тѣмъ
362	13	Отъ кого	Отколь
363	13	Шеинъ	Гейнъ (*вар.* Гессенъ)
364	1	Сочиненъ	Сочтенъ
—	4	тежъ	прежъ
—	5	фелтмаршала въ годки	фелтмаршала Миниха въ годы
—	9	еще канцлеромъ	вице-канцлеромъ
—	11	с тѣми развѣ	Темиразевъ
—	17	И зъ	И за
365	4	Недавно	Недивно,
—	7	Славной в себѣ	славно и о себѣ.

Документы братства при церкви св. Николая въ г. Замостьѣ.

Число старѣйшихъ южно-русскихъ братствъ увеличивается еще однимъ,—послѣ братствъ львовскаго, виленскаго, луцкаго, кіевскаго и минскаго должно стать братство замостьское. Начало его относится къ концу XVI в., но не только оно не имѣетъ своей исторіи, а и самое имя его въ первый разъ становится намъ извѣстнымъ. Оно притомъ и не можетъ уже имѣть своей исторіи, потому-ли, что не создало ее, или потому, что не сохранились письменные памятники, свидѣтельствующіе о его дѣятельности. Осталось лишь нѣсколько документовъ, удостовѣряющихъ его существованіе, организацію и характеръ дѣятельности. Приведеніе ихъ въ извѣстность не лишено будетъ значенія въ общей исторіи братствъ.

Важность учрежденія, извѣстнаго въ нашей исторіи подъ именемъ братствъ, доселѣ все еще не достаточно выяснена и понята, хотя предметъ этотъ имѣетъ довольно значительную литературу. Со временемъ мы надѣемся коснуться его въ нарочитыхъ изслѣдованіяхъ какъ въ общей его исторіи, такъ и, въ частности, исторіи нѣкоторыхъ болѣе извѣстныхъ братствъ. Теперь представимъ лишь нѣсколько свѣдѣній о братствахъ вообще для уясненія предлагаемыхъ документовъ замостьскаго братства.

Южнорусскія наши братства представляютъ собою правильно и прочно организованныя общества въ средѣ приходскихъ общинъ, то заключавшія въ себѣ лучшую и болѣе состоятельную часть прихода, то обнимавшія собою весь составъ прихода, то выступавшія далеко за предѣлы онаго. На попеченіи и добровольной обязанности братства лежали содержаніе и украшеніе мѣстной приходской церкви, поддержаніе въ ней порядка, благочинія и торжественности богослуженія, вознагражденіе священника за совершеніе богослуженія и вообще вспомоществованіе ему въ его со-

держанія, заведеніе и содержаніе школы для обученія дѣтей, устройство и содержаніе госпиталя для призрѣнія вдовъ и сиротъ, престарѣлыхъ и увѣчныхъ и вообще бѣдныхъ, безъпроцентная ссуда и помощь въ случаяхъ обѣдненія, болѣзни и смерти, охрана интересовъ церкви и прихода предъ властями духовными и свѣтскими и наконецъ нравственно - общественный судъ въ кругѣ дѣйствій братства и поведенія братчиковъ. Всѣ вообще братства пользовались полною самостоятельностію своего управленія и ни мало не зависѣли въ своихъ дѣйствіяхъ отъ мѣстнаго священника, напротивъ онъ во многомъ зависѣлъ отъ нихъ; братства же старѣйшія, какъ львовское, виленское и кіевское достигали независимости и отъ мѣстныхъ епископовъ и пользовались правомъ ставропигіи, т. е. подсудности одному лишь патріарху. Эти братства, въ составѣ которыхъ были знатнѣйшія дворянскія фамиліи, не ограничивали своихъ заботъ извѣстнымъ мѣстомъ, но помышляли о нуждахъ всей церкви и всего южно-русскаго народа; они содержали высшія школы и типографіи, издавали богослужебныя, полемическія и другія книги, выискивали или готовили лучшихъ проповѣдниковъ и учителей, вели борьбу съ угнетателями вѣры и народности, являлись представителями и защитниками правъ церкви и народа на сеймахъ, наблюдали даже за направленіемъ и вообще образомъ дѣйствій іерарховъ южно-русскихъ, привлекая ихъ къ суду патріаршему. Братства покрывали собою всю южнорусскую территорію отъ Днѣпра до Карпатъ и, судя по сохранившимся и доселѣ, не рѣдко въ видѣ однихъ лишь древнихъ братскихъ обычаевъ, остаткамъ этого учрежденія на всемъ пространствѣ южной Россіи, особливо въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ до нашихъ дней удерживалась унія,—едва-ли была деревня, мѣстечко или городъ, гдѣ-бы не было братства и соединенныхъ съ нимъ тѣхъ или иныхъ учрежденій... Каждое изъ нихъ въ частности сплачивало членовъ приходской общины въ одно крѣпкое цѣлое, во имя интересовъ вѣры и любви, и давало ей ростъ и силу, а всѣ вмѣстѣ, при единствѣ ихъ характера и цѣлей, связывали и все разбитое и преслѣдуемое населеніе въ одно живое тѣло, одушевленное высшими стремленіями къ саморазвитію и самоохраненію.—Братства были старшія и младшія, т. е. изъ людей семейныхъ и не женатыхъ, и не только изъ мужчинъ, но и женщинъ—*жиночія* и *дивочія*, вообще *сестричныя*.

Вопросъ о происхожденіи братствъ едва ли теперь можетъ подлежать спору. Лѣтъ двадцать назадъ, въ нашемъ „Очеркѣ ис-

торіи братствъ“, мы высказали мнѣніе, что это не заносное, но коренное русское учрежденіе, возникшее изъ потребностей и склада древней нашей общины, что оно не пожаловано намъ польскими королями вмѣстѣ съ магдебургскимъ правомъ и цехами, равно не пришло къ намъ съ Востока съ благословенными грамотами патріаршими. Остаемся и теперь при томъ же мнѣніи, видя подтвержденіе онаго въ каждомъ новомъ изслѣдованіи, въ каждомъ вновь открываемомъ памятникѣ минувшей жизни братствъ. Не цехи дали намъ братства, но духъ братскій пріурочилъ цехи къ потребностямъ нашей тогдашней жизни. Съ другой стороны восточные патріархи только освятили своимъ благословеніемъ самостоятельно возникшее у насъ учрежденіе, въ общихъ чертахъ сходное съ тѣмъ, которое они видѣли у себя. Подобныя учрежденія существовали во всѣхъ славянскихъ земляхъ, и это показываетъ только, что и наши братства были продуктомъ особаго уклада нашей древней общины; но нигдѣ они не пріобрѣли столь правильной организаціи, не получили такого широкаго развитія, не пустили такихъ глубокихъ корней въ народно-общественной жизни, какъ у насъ. Конституціонная почва Рѣчи Посполитой, по особымъ обстоятельствамъ приведшая ее къ погибели, но полная всякихъ „привилегій и вольностей“, дала мѣсто и этому учрежденію и помогла ему достигнуть такого широкаго примѣненія и столь блистательнаго развитія. Не королевскія однако привилегіи, какъ и не грамоты патріаршія или архіерейскія, создавали братства; братства существовали прежде ихъ и помимо ихъ, а они только давали имъ санкцію, тогда столь необходимую.

Съ измѣненіемъ условій и строя политической и общественной жизни края, съ измѣненіемъ господствовавшаго прежде духа этой жизни, самое учрежденіе должно было пасть, оставивъ по себѣ лишь едва примѣтные слѣды своего долгаго и славнаго существованія. Съ 60-хъ годовъ у насъ по мѣстамъ стали возстановлять братства. Скоро ихъ существованіе признано законодательною властію, которая начертала кругъ ихъ дѣятельности, порядокъ открытія и подчиненность. Но, понятно, законъ не могъ вызвать къ жизни то, для чего жизнь мало или вовсе не давала пищи. Появившіяся одновременно и особо регламентированныя церковно-приходскія попечительства оказались мертворожденными и нигдѣ не привились, какъ можно было ожидать по замыслу. И въ судьбѣ ихъ повторилось то, что сказали мы сейчасъ о судьбѣ братствъ. Суть дѣла здѣсь въ нашей привычкѣ отдѣлять интересы

религіозные отъ интересовъ общественныхъ, въ сложившемся у насъ представленіи, что одинъ и тотъ-же живой организмъ въ одномъ отношеніи можетъ дѣйствовать такъ, въ другомъ иначе. Съ этой точки зрѣнія и въ исторической наукѣ мы придали древнимъ братствамъ названіе церковныхъ, но придали вопреки исторіи. Братства не мыслимы были безъ церкви, но не они существовали для церкви, а церковь для нихъ, и не они зависѣли отъ нея, а наоборотъ. Братства одинаково служили интересамъ религіознымъ, какъ и многимъ общественнымъ; но жизнь общины имѣла тогда болѣе цѣльный характеръ и большую правоспособность; интересы религіозные не отдѣлялись отъ общественныхъ и еще менѣе игнорировались, какъ теперь; напротивъ религіозный элементъ проникалъ весь строй жизни и общины и каждаго въ частности ея члена, отъ того и дѣйствія братствъ намъ кажутся лишь набожно - христіанскими, а самыя братства учрежденіями церковными. Но не въ этомъ и не въ оскудѣніи духа благочестія, какъ-бы захотѣлъ кто думать, лежитъ причина того, что братства и аналогичныя съ ними приходскія попечительства не имѣютъ жизненности, а въ разобщенности жизненныхъ функцій общины, въ отсутствіи у ней самостоятельности въ какомъ угодно отношеніи. Чтобы судить однако о значеніи и прежней жизни братства, достаточно представить себѣ, какъ дорого мы дали бы, что бы у насъ добровольно, безъ всякаго призыва, внушенія, руководства, инициіативы, сами по себѣ въ каждой городской и сельской общинѣ явились такія общества, которыя содержали и украшали-бы церкви, поддерживали и обезпечивали церковные причты, заводили и содержали школы, устрояли богадѣльни, лазареты и странопріимные дома, призрѣвали нищихъ, устраивали вспомогательныя кассы, и пр., и проч.

Нѣкоторое понятіе объ организаціи и дѣятельности братствъ дадутъ помѣщаемые въ слѣдъ за симъ документы замостьскаго братства. Ихъ четыре: 1) грамота Гедеона Балабана, епископа львовскаго, на учрежденіе старшаго братства при церкви св. Николая въ г. Замостьѣ, 1606 г, 2) его-же грамота на учрежденіе тамъ-же младшаго братства, 3) дополнительные къ уставу братства пункты, данные митрополитомъ кіевскимъ Сильвестромъ Коссовымъ и 4) постановленіе обоихъ этихъ братствъ о взаимныхъ ихъ отношеніяхъ. Владѣльцемъ г. Замостья Ѳомою Замойскимъ утвержденъ первый изъ этихъ документовъ, а не третій, какъ сказано въ началѣ этой книги въ статьѣ: „Забытыя иноческія обители“. Послѣдніе два относятся къ 1647--48 г.

1.

Грамота Гедеона Балабана, епископа львовскаго, на учрежденіе замостьскаго братства при церкви св. Николая.

ВО ИМЯ ОТЦА и СЫНА и СВЯТАГО ДУХА. АМИНЬ.

Благоволеніемъ Бога Отца, и благодатию Господа нашего Іисуса Христа, и дѣйствомъ святого Духа. Смирение наше отъ благодати дара и власти всесвятого и животворящаго Духа, отъ сътворытеля Бога, въ Тройци хвалимаго: благодатию Божию Гедионъ Болобанъ, епископъ галицкій, лвовскій и Каменца-Подольского, и ексарха великого ѳрону константинополского. — По Христову повеленію и Духа святого строенію, послѣдующе апостолскому и святыхъ отець преданню, повелѣвающе, посѣщающе Христову съборную и апостолскую церковъ за его королевскои милости, Жикгимонта третего, короля полского и великого княжати литовского, русского, пруского и прочая. Въ лѣто отъ създания міру ҂зрдї, а по Рождествѣ Господа нашего Іисуса Христа ҂аҳѕ, мѣсяца марта л҃ дня. В то время пришедши передъ насъ и передъ наше право духовное, славетный панъ Ѳеодоръ Волосовичь, мещанинъ замойскій, ктиторъ храма святого ереарха Христова Николая, хотячы братство устроити съединившеся любовию духовною, закона Христова заповѣдемъ послѣдующе, благоугодно Богу во Тройци единому и Пречистои Его Матере, въ честь и въ хвалу Его святому угоднику ереарху Николѣ. Того ради мы, смиренный Гедионъ, епископъ по дару святого Духа, пастырскимъ строениемъ повелѣваемъ и благословляемъ ихъ на сие братство духовное, утверждающе ихъ евангельски жити, съставляюще любовъ по закону Христовы церкве творыти судъ истиненъ и милостию въ потребахъ братямъ недостаточествующимъ, а злыхъ казнити. Сие богоугодное законное братство вышше писаное и ниже реченныя обычая повинни такъ держати: съшедшеся на день уреченный въ домъ выбранный, любовию и тихостию другъ друга честию болша себѣ творяща, а маются сходити за обсыланямъ знамене братского въ двѣ недѣлѣ, или въ чотыры, или якъ потреба и якъ прилучится. Повиненъ кождый братъ полгроша дати до скринки братскои, а вступного грошей

шесть, кто перший разъ вступуетъ въ братство. А хто бы хотѣлъ вступити въ сие братство, или шляхтичъ, или мещанинъ, или предмещанинъ или с посполитыхъ людей вшелякого стану, якъ тутошній, такъ сторонний, маетъ дати грошей шесть вступного. А который бы мешканя мѣлъ далеко отъ сего братства, то в рокъ по шести грошей маетъ давати до скринки братской. А братя спольне кождого року маютъ выбирати з межи себе старшихъ чотыри браты, поручаючи имъ все старшинство братства того; скрынька братская маетъ быти у старшого брата, а ключъ у младшого, личбу маютъ чинити старши братя предъ всѣми в рокъ отдаючи уряды свои. А впистки ровны собѣ маютъ быти, а кого бы братя выбрали на старшинство и онъ бы ся збороня̀лъ безъ причины слушнои, виненъ дати три безмѣны воску. А братя старшіе маютъ пилне перестерѣгати повинности своей. Казнь всѣмъ посполитая маетъ быти на дзвонници сѣдѣти. А еслибы братъ брата словомъ наганбилъ, маетъ быти каранъ сидѣнямъ, а вины камень воску маетъ дати и брата перепросити, неотходячи, и все братство перепросити. Слова непотребные, корчемные хтобы молвилъ въ братствѣ, вины на томъ фунтъ воску. А маютъ одинъ до другого съ послушаніемъ мовити. Которой бы братъ вѣдалъ брата выступного, не маетъ его таити, але маетъ его оповѣсти въ братствѣ, жебы былъ каранъ. А кто бы таилъ злости, при виномъ каранъ быти маетъ, якъ братя найдутъ, или двома, или безмѣномъ воску, или полъкаменемъ, или каменемъ, противно выступку. А если бы который з межи старшихъ братовъ, якимъ колвекъ обычаемъ, знашолся быти выступнымъ, за что молодшихъ карутъ, маетъ быти старшій двояко и трояко каранъ, болшего бо томления достоенъ чести ради, а который бы братъ былъ каранъ сидѣнямъ или виною, маетъ по карности заразъ перепросити того, кому былъ провинилъ, ведлугъ росказаня Господа нашего Іисуса Христа: да не зайдетъ солнце во гнѣвѣ вашемъ. А хто бы не отдалъ вины братскои, поруку не отходячи маетъ поставити два браты до другои схаждки. А судитися маютъ радячымъ восполокъ, якъ старшихъ, такъ молодшихъ, и якъ молодшии призволятъ всѣ, такъ старшии маютъ сказовати. А который бы братъ мѣлъ якую справу, а не могъ бы свое и речы справовати, волно ему взяти двохъ братовъ на пораду и на помочь; справа вшелякая братская не маетъ быти выношена далей отъ порога дому братского, а на

кого бы ея досвѣдчено, двояко маетъ каранъ быти—сѣдѣнямъ и безмѣномъ воску, а кто бы гордѣлъ братскимъ судомъ, якъ преслушникъ церкве судится, а если ся того не каетъ до четвертои недѣлѣ, да отъ церкви отлучится, и священникъ маетъ его въ церкви предъ всѣми обличити и отъ церкве отлучити, да посрамится. И аще нѣкій братъ именуемъ будетъ блудникъ, или лихоимецъ, или идолослужитель, или пяница, или драпежникъ, с таковыми не толко посполитовати, але с ними ни ясти, ни пити. А если з допущеня Божого будетъ на брата яковый упадокъ или немочь, а не мѣлъ бы достатку, маютъ его братя вспомогати братскими пѣнязми и въ немочи призирати. А которымъ бы братя помогали въ напастехъ, въ бедахъ, въ недостаткахъ, позычаючи имъ пѣнязи, не маютъ отъ нихъ лихвити. А позычати маютъ не на захованя смотрячи, и не тымъ, которые хотятъ быти богатшые, але тымъ, которые болшие недостатки терпятъ з допущеня Божого. А который бы братъ христіанский преставился съ того свѣта, маютъ его всѣ братя отпровадити къ гробу, к тоей церкві, которой былъ парафѣи, и свѣча братская маетъ быти в церкви. Маютъ тыжъ быти свѣчѣ братские къ отпроваженю мертвого къ гробу. А кгды будетъ братство знаменемъ братскимъ обсылано, во двѣ недѣли, или якъ потреба прилучится, или на погребъ, не схочетъ ли прити который братъ за трудностями своими пилными, маетъ оповѣсти передъ старшимъ братомъ. А если бы было досвѣдчено, ижъ не былъ затрудненъ, маетъ быти каранъ фунтомъ воску. Ктому тыжъ кождый братъ маетъ вписати въ помянникъ церковный имя отца своего, и матере своея, и близкихъ пріятелей своихъ представшихся. А священникъ церкве тое маетъ читати помянникъ братскій по утрни и по вечерни въ дни поминалныя, и во великій постъ, по уставу церковному, а на каждый рокъ маютъ быти двѣ литоргие, за все братство, заздоровная и помянная, и убогихъ по силѣ надѣлити, а священнику своему маютъ братя изъ скринки на рокъ копу грошей давати за поминаня преставльшихся, на Рожество Христово золотый, а золотый на Воскресение Господне. Сего ради мы, смиренный Гедионъ епископъ, бачившы згоду и любовъ ихъ, благословляемъ ихъ и моцю Божию повелѣваемъ имъ хранити сия предания неразорне, верне. А кто бы мѣлъ пометати сие братство, на томъ нехай будетъ клятва святыхъ отець т҃ и и҃і. Благословение

же Божие и благодать святого Духа буди на всѣхъ вѣрующихъ заповѣдемъ Его и творящихъ волю Его, и благословение святыхъ отець вселенскихъ седми соборовъ, и благословение Гедиона, епископа галицкого, львовского и каменецкого, и екзархи константинопольскаго престола, о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, Ему же слава въ вѣки вѣкомъ. Аминь.

Писанъ и данъ

Гедионъ епископъ власною рукою.

Грамота писана на большомъ пергаменномъ листѣ; внизу слѣды шнура, на которомъ была привѣшена въ пушкѣ печать, но самой печати не достаетъ. На оборотѣ грамоты по срединѣ находится помѣта позднѣйшаго времени: Partis 3-tiae, № 3-tio, а въ началѣ слѣд. замѣтка:

Року ҂аχї. Мы братство замосцское всѣ обецъ квѣтовали пана Ференца Волосовича брата нашего съ церковныхъ гроший, що былъ далъ на церковь спрошоныхъ гроший, такожъ и дарованыхъ сумы осми сотъ зол(отыхъ) шестдесятъ и пять зол(отыхъ), грошей сѣмъ, при бытности пана Мурата и пана Анечо, и при пану Крынку, Трушу, Яцку Затарскимъ, Стефану Анастасевичу, Лукашу, и при пану Артему Некрашевичу и Стефану Жугаевичу.

2.

Благословенная грамота тогожде Гедеона Балабана, епископа львовскаго, младшему замостьскому братству.

Текстъ этой грамоты мы не приводимъ, такъ какъ она отъ слова до слова сходна съ предъидущею, за исключеніемъ слѣд. словъ:

Въ лѣто... по Рожествѣ Господа нашего Іисуса Христа ҂аχѕ мѣсяца декабрия д дня. В то время пришедши передъ насъ и передъ наше право духовное славетное братство *младенческое* замойское, хотячи и проч.

Списокъ этой грамоты также на большомъ пергаменномъ листѣ, но это не подлинникъ, а копія, и къ ней привѣшена печать самого братства, въ пушкѣ, съ изображеніемъ на одной сторонѣ Покрова Божія Матери, а на другой святителя Николая, и съ подписью вокругъ: *Сія пушка привилею братьства молодшого церкви замосцькой. 1656.*

3.

Дополнительные пункты устава замостьскаго старшаго братства при церкви св. Николая.

1 (11). „Повинни (священники братскіе) на рокъ 4 акафисти до Пресвятой Богородици въ кождой чверти року отправляти, так тежъ и парастаси за преставлшихся, ведлугъ часу и ухвали братской, а священнику отъ акафисту, так тежъ и отъ парастасу, по грошей 12 повинни давати, и коливо повинни справляти. Знову 12 служебъ Божіихъ до року повинни отправляти на каждой мѣсяць по двѣ, заздоровну и за упокой, також ведлугъ часу и ухвали братерской, въ котрый день, сщеннику отъ тыхъ служебъ Божихъ повинни давати по грошей шесть, на которыхъ набоженствахъ повинни всѣ братіа быти безъ жадниxъ вымовокъ, а котрый бы братъ не мѣлъ быти, не мѣючи жаднои великой забави, на таковoго вины и неотпустно фунтъ воску. 2 (12). Если бы который зъ брати вписныхъ мѣлъ на иншое мешканіе перенестися, теды маетъ *публице* (publice) при зебраню всѣхъ братій ознаймити, иж то *non temere* чинитъ, и просити маетъ, яко его за притомного мѣли, такъ и въ небытности абы о немъ памятали, а той братъ повиненъ завше любъ на сторонѣ досить ве вшисткомъ чинити и милости братерской бы намнѣй не уступати, и що рокъ презъ листъ о собѣ ознаймити, а гды до трехъ лѣтъ о собѣ не ознаймитъ, маетъ быти зъ реестру вымазаний, такъ жывыхъ, якъ и умарлыхъ, чого пилно маютъ постерѣгати братіа старшіи; а гды бы не моглъ до того прійти, бывши котрый в далекихъ краінахъ, албо въ иншыхъ земляхъ, таковому выбачить маютъ. 3 (13) Каждый братъ, любо притомный, любо не притомный, при смерти, останокъ выроку жывота своего, повиненъ на тестаментѣ положити своемъ, абы по смерти его дана была вѣдомость братству, и що колвекъ будетъ субстанціи, абы легацію учинилъ на убогіе и хоріе того зебраня. 4 (14). Которій колвекъ вписуется въ реестръ братерскій, маетъ присягу учинити, абы до конца жывота своего мѣлъ во всемъ чинити досить и святую православную вѣру въ соборной апостольской церкви сохранити“.

Пункты эти извлечены изъ подтвердительной братству грамоты митрополита кіевскаго Сильвестра Коссова, во всемъ остальномъ буквально повторяющей грамоту

Гедеона Балабапа; но начала митрополичьей грамоты нѣтъ, а потому неизвѣстна ея *дата* и поводъ къ ея написанію. Въ концѣ грамоты печать и подпись:

Сильвестръ Коссовъ, митрополитъ кіевскій, галицкій и всея Россіи, екзарха константинопольскій.

4.

Постановленіе того же братства объ отношеніяхъ его къ братству младшему покровскому.

Лѣта Господня 1661, мѣсяца апрѣля 15-го дня, по старому календарю.

Принявъ во вниманіе панове братство старшее св. Николая и признавъ дѣломъ законнымъ и пристойнымъ, чтобы, ко славѣ Господа Бога и украшенію церкви святой, (продолжалась) эта слава и украшеніе, которое начато ревностнымъ стараніемъ пановъ братій братства младшаго, и вслѣдствіе просьбы ихъ къ намъ, какъ старшимъ братіямъ, чтобы мы позволили имъ ввести всякій порядокъ и усердное стараніе относительно украшенія церкви святой, и дабы они не ослабѣвали въ служеніи своемъ избранному ими образу покрова Пресв. Дѣвы, которое описано въ ихъ правилахъ, но во всякомъ случаѣ были усерднѣйшими,—мы, какъ братія старшіе, совѣщавшись всѣ, съ согласія нашего старшаго братскаго позволяемъ и имъ, какъ братству младшему, даемъ пункты или надлежащій порядокъ, назначая имъ, для всякаго порядку, двухъ братій нашихъ старшаго братства, каждый годъ особыхъ, безъ которыхъ не должно быть ни какое постановленіе и совѣщаніе, равно какъ безъ нихъ не должна пріобрѣтаться никакая вещь и не должно производиться ни одно денежное дѣло, но всегда съ совѣта и вѣдома оныхъ двухъ пановъ ассессоровъ, а сіи паны ассессоры должны всегда съ ними присутствовать на созываемыхъ духовникомъ сходкахъ и тамъ совѣщаться съ ними о добромъ церковномъ порядкѣ и управлять ими, а непокорныхъ карать по ихъ правиламъ. Панове братство старшее напоминаютъ и просятъ пановъ братій младшихъ прежде всего о томъ, чтобы не было никакого собранія и совѣщанія въ корчемныхъ домахъ, сплетень и непристойныхъ пересудъ какъ о своихъ братіяхъ младшихъ, такъ и о старшихъ, которые этотъ пунктъ заключаютъ такъ: если бы кто

услышалъ пересуживающаго непристойно, а этотъ не доказалъ бы того, что̀ говорилъ, вины на таковаго камень воску и сидѣнье въ теченіи трехъ дней въ публичной *кунѣ*. Другой пунктъ подаютъ панове братство старшее и просятъ, чтобы каждый братъ младшаго братства, вступивши уже въ супружество, оставался еще въ младшемъ братствѣ годъ и шесть недѣль. А старшіе братья подаютъ это младшей братіи не по своему мнѣнію и совѣту, а вслѣдствіе собственнаго распоряженія, воли и постановленія преосвященнаго его милости отца митрополита кіевскаго, господина и пастыря нашего. А по истеченіи года и шести недѣль, паны братство младшее или старшіе ихъ обязаны будутъ отдать вступившаго въ супружество братству старшему, или поручить его, какъ брата, а онъ долженъ будетъ поблагодарить братству младшему или старшимъ его, чтобы младшіе сами собой съ младшими же совѣтовались о добромъ порядкѣ церкви святой, и что бы то братство собственно было младшее, чего и мы желаемъ. Ключъ отъ кассы денежной долженъ быть одинъ у пановъ ассессоровъ или котораголибо изъ нихъ, а другой—у младшихъ или старшаго ихъ. Избранный въ шафары, составивши, съ вѣдома пановъ ассессоровъ, реестръ серебра и всего относящагося къ образу, обязанъ будетъ вписать вновь поступающее, засвидѣтельствовать и показать на сходкѣ передъ всей братіей и въ присутствіи пановъ ассессоровъ, а вписавши въ реестръ, хранить въ добромъ *порядкѣ*.

И пусть то будетъ къ славѣ Божіей и украшенію церкви святой, а имъ во спасеніе души, на что и эти пункты, чтобы паны младшіе братья, или старшіе ихъ руками подписали для лучшей и вѣрнѣйшей силы этого постановленія. Состоялось въ Замостьѣ вышеписаннаго года и дня, на чемъ тогда и подписывались:

Давидъ Максимовичь, на той часъ братъ старшій

Даніилъ Куриловичь, на той часъ братъ старшій

Игнатій Симонъ Рассиковичь, братъ старшій

Леонтій Лагодзинскій, братъ старшій.

Подлинникъ писанъ на простой бумагѣ въ малую четвертку по польски; подписи также по польски.

Библіографія.

Архивъ князя Воронцова. Книга двадцать пятая. М. 1882 г.

Въ послѣдней 25-й книгѣ архива князя Воронцова помѣщено нѣсколько дукументовъ, относящихся къ исторіи Малороссіи конца XVIII в. Первый представляетъ любопытный споръ Разумовскаго съ молодымъ великороссійскимъ чиновникомъ Олсуфьевымъ о предѣлахъ гетманской власти. Членъ коллегіи и церемонійместеръ Олсуфьевъ дѣлалъ свои замѣчанія на оригинальныхъ листахъ, посылаемыхъ гетманомъ черезъ коллегію самой Императрицѣ; гетманъ въ свою очередь давалъ на эти замѣчанія свои объясненія или вѣрнѣе возраженія. Великороссійскій чиновникъ старается уличить малороссійскаго гетмана въ стремленіи къ обособленію, къ независимости отъ центральнаго правительства; онъ обращаетъ вниманіе Императрицы на то обстоятельство, что полковникъ миргородскій Остроградскій „въ противность имянныхъ указовъ, не Ея Императорскимъ Величествомъ, но гетманомъ самопроизвольно въ тотъ чинъ произведенъ“; указывая на дѣло грека Юрьева, онъ замѣчаетъ, что „отбывательства и уклоненія отъ должнопослушнаго исполненія по высочайшему имянному указу ни для какихъ представленій гетману дозволять не должно. Ибо точно симъ примѣромъ онъ еще тѣмъ болѣе независимость свою и мнимое отъ апелляцій на его рѣшенія исключеніе утверждать (слѣдовательно, въ чемъ захочетъ, указамъ не повиноваться) поводъ получитъ“.

Гетманъ, возражая Олсуфьеву, заявляетъ, что онъ дѣйствовалъ въ этихъ случаяхъ на основаніи законныхъ правъ, повидимому Олсуфьеву неизвѣстныхъ. „Ежели бы Ея Императорскому Величеству всѣ обстоятельства, права, законы и установленія, которыя сама Ея Величество соизволила высочайшею

своею рукою конфирмовать нынѣшнему гетману, были донесены (которыя уповательно по проискамъ Олсуфьева пропущены при докладахъ), то нигдѣ опредѣленія не найдется, чтобъ полковниковъ и старшинъ, которые вольными голосами всего народа выбираются временемъ изъ самыхъ нижнихъ чиновъ, конфирмовать высочайшимъ монаршимъ и своеручнымъ утвержденіемъ: ибо ежели бы ихъ чины уравнены были съ чинами великороссійскими, тогда въ волѣ Ея Императорскаго Величества останется, до какого чина, смотря по рангамъ, гетману дозволено будетъ опредѣлять". Въ своемъ послѣднемъ возраженіи Разумовскій проситъ Императрицу защитить его отъ несправедливыхъ нападокъ Олсуфьева... „Нынѣ отъ нестерпимости моей, припадая къ стопамъ Ея Императорскаго Величества, всеподданѣйше прошу отъ помянутаго церемоніймейстера Олсуфьева меня, всеподданѣйшаго раба, оборонить и дабы повелѣно было всѣ голосы и помѣты своеручныя его Олсуфьева, клонящіеся къ вѣчному моему безславію, изъ архивы коллежской взять къ Ея Императорскому Величеству и, разсмотря, всемилостивѣйше уничтожить". Весьма характеренъ, по нашему мнѣнію, фактъ, что гетманъ Малороссіи, пользовавшійся личнымъ расположеніемъ Императрицы, братъ любимца Императрицы Алексѣя Разумовскаго, долженъ былъ просить защиты отъ чиновника коллегіи въ дѣлѣ, гдѣ онъ былъ, какъ кажется, совершенно правъ. Этотъ самый Олсуфьевъ впослѣдствіи сдѣлался довѣреннѣйшимъ лицомъ Екатерины II, вмѣстѣ съ Тепловымъ, по малороссійскимъ дѣламъ. Ему было поручено составить записку для будущаго малороссійскаго генералъ-губернатора, какъ это видно изъ письма къ нему императрицы, помѣщеннаго въ Рус. Арх. 1863 г., 433.

Другой документъ—„Мнѣніе его сіятельства графа Алексѣя Петровича Бестужева-Рюмина о классахъ малороссійскимъ чинамъ, съ изъясненіями на каждый пунктъ того мнѣнія отъ гетмана графа Разумовскаго"; относится онъ къ 1764 г. Бестужевъ-Рюминъ стоитъ противъ пожалованія малороссійскимъ чинамъ классовъ на подобіе великороссійскихъ: иначе придется, говоритъ онъ, даровать такіе ранги и другимъ нерегулярнымъ войскамъ, наприм., Донскому; при выборѣ въ должности вольными голосами (какъ это теперь существуетъ у малороссіянъ), многіе достигнутъ важныхъ чиновъ незаслуженно и получатъ такимъ образомъ преимущество надъ великороссіянами. Разумовскій старается опровергать соображенія гр. Бестужева-Рюмина и соглашается

съ нимъ только въ нѣкоторыхъ второстепенныхъ пунктахъ. Мы съ своей стороны замѣтимъ, что просьба Разумовскаго объ уравненіи ранговъ и чиновъ не шла въ разрѣзъ со взглядами центральнаго правительства на общегосударственные интересы; въ томъ-же 1764 году послѣдовалъ указъ объ уничтоженіи гетманства и затѣмъ объ уравненіи классовъ.

Наконецъ, третій документъ—„Записка о Малой Россіи", приложенная къ предъидущему мнѣнію гр. Бестужева-Рюмина. Записка эта начинается краткимъ историческимъ очеркомъ о происхожденіи народа малороссійскаго и затѣмъ переходитъ къ существенному своему пункту—критикѣ порядковъ, господствовавшихъ въ то время (1764 г.) въ Малороссіи; сюжеты, затронутые тамъ, крайне любопытны (о непорядкахъ, которые происходятъ отъ чиновниковъ Малой Росіи, о умаленіи козаковъ и посполитыхъ войсковыхъ, о ревизіи, о расхищеніи посполитыхъ дворовъ, о правахъ малороссійскихъ, о неудобствѣ, что козаки съ посполитыми перемѣшаны въ деревняхъ, о вольномъ переходѣ); не менѣе интересны приводимые тамъ факты и соображенія. *Но записка тѣмъ не менѣе не имѣетъ никакого самостоятельнаго значенія: она представляетъ простое переложеніе извѣстной записки Теплова*, исключая только историческое введеніе, котораго нѣтъ у Теплова. Во введеніи Бестужевъ-Рюминъ указываетъ даже литературу вопроса по исторіи Малороссіи (Histoire des diètes de Pologne, 2) Relation des cosaqnes, 3) Therenot. Recueil des voygages, 4) Dictionnaire de Moreri, также лѣтописи малороссійскія и статьи Хмельницкаго и прочихъ гетмановъ; а особливо Histoire de la guerre des cosaqnes contre la Pologne, par Pierre Chevalier); но представленный имъ самимъ очеркъ полонъ самыхъ грубыхъ ошибокъ и ложныхъ заключеній. По его словамъ, литовскій князь Гедиминъ Кіевъ покорилъ въ 1240 году послѣ битвы надъ Ирпенью; начало запорожскаго козачества онъ относитъ къ 1340 году и т. д.

Самая записка повторяетъ часто слово въ слово, иногда въ переложеніи, записку Теплова[1]). Приведемъ наудачу для образца нѣсколько мѣстъ изъ записки Бестужева-Рюмина и Теплова.

---

[1]) О непорядкахъ, которые происходятъ нынѣ отъ злоупотребленія правъ и обыкновеній, грамотами подтвержденныхъ Малороссіи (Записки о южной Руси, Кулиша, ч. II, стр. 175—196).

Вотъ начало одной и другой записки:

Записка Бестужева-Рюмина.

Долговременное сего народа отъ самодержавія Всероссійскаго отдѣленіе, а потомъ привычка къ польскому праву, которое королями Казимиромъ, Сигизмундомъ первымъ и Стефаномъ Батори, для лучшаго притязанія въ единство своей области, въ нихъ вкоренено, вкоренило въ Малороссійской народъ особливыя мысли о своихъ вольностяхъ и обыкновеніяхъ.

А вотъ—конецъ:

Сіи суть только генерально показанные непорядки въ Малороссійскомъ народѣ; но ежели бы нужда востребовала все сіе яснѣе показать, то надлежитъ только заглянуть въ теченіе ихъ судовыхъ дѣлъ, тогда множайшіе еще показаться могутъ. Много о томъ, какъ видно, помышлялъ блаженныя и вѣчныя памяти Государь Императоръ Петръ Великій; но понеже край малороссійской до познанія его въ самое жесточайшее военное время пришелъ, а поправленіе его требовало не мало времени, то хотя изъ многихъ учрежденій и видны были ко всему начатки премудраго государя, до времени не доставало то привести въ порядокъ, что исподо-

Записка Теплова.

Долговременное сего народа отъ самодержавія Всероссійскаго отдѣленіе, а притомъ приобыкновеніе (sic) къ польскимъ правамъ, которыя королями Казимиромъ, Сигизмундомъ I и Стефаномъ Баторіемъ, для лучшаго приведенія въ единство своей области, въ нихъ вкоренены, вкоренили въ сей малороссійскій народъ и особливыя вольности и обыкновенія.

Сіи суть токмо генерально показанные непорядки в малороссійскомъ народѣ; но ежели бы нужда востребовала все сіе яснѣе показать, то надлежитъ только заглянуть въ теченіе ихъ судовыхъ дѣлъ, въ произведеніе государевыхъ повелѣній и во внутреннюю ихъ собственную экономію; тогда множайшіе еще показаться могутъ. Много о томъ, какъ видно, помышлялъ блаженныя и вѣчно достойныя памяти Государь Императоръ Петръ Великій, но понеже край Малороссійскій до познанія его въ самое жесточайшее время пришелъ, а поправленіе его требовало немалаго времени, то хотя изъ многихъ учрежденій и видны были ко всему сему

воль дѣлать надлежало, а между тѣмъ смерть сего великаго монарха застигла.	начатки премудраго Государя, до времени не доставало то привести въ порядокъ, что̀ исподоволь дѣлать надлежало, а между тѣмъ смерть сего великаго Монарха застигла, и больше никто о томъ не мыслилъ.

И такъ, записка Бестужева-Рюмина представляетъ чуть ли не простую копію съ записки Теплова. Записку Теплова г. Кулишъ относитъ къ царствованію императрицы Елисаветы Петровны, но основаній въ пользу своего мнѣнія не приводитъ никакихъ. С. М. Соловьевъ въ 33 примѣчаніи къ 26 тому „Исторіи Россіи" относитъ ее ко времени уничтоженія гетманства. Мы склоняемся болѣе къ мнѣнію С. М. Соловьева, тѣмъ болѣе, что тогда уясняется нѣсколько вопросъ и о запискѣ Бестужева-Рюмина. Несомнѣнно, что Тепловъ игралъ двойную игру въ малороссійскихъ дѣлахъ: наставникъ и ближайшій совѣтникъ гетмана Разумовскаго, онъ, какъ никто другой, способствовалъ уничтоженію гетманщины. Нужно полагать, что записка Теплова была написана для Екатерины II съ цѣлью оправдать уничтоженіе гетманства, но пока еще не получила огласки; быть можетъ также, что Тепловъ до поры до времени считалъ неудобнымъ дать свою фамилію подъ своею запискою, а потому то Бестужевъ-Рюминъ приписалъ ее себѣ.

Что касается до записки Теплова, то взгляды на нее, какъ извѣстно, расходятся. Г. Кулишъ видитъ въ ней картину малороссійскихъ порядковъ конца прошлаго вѣка, нарисованную кистью патріота. Максимовичъ, напротивъ, видитъ въ ней тенденціозную каррикатуру человѣка, злобно относившагося къ Малороссіи. Это вопросъ очень любопытный, но затрогивать его здѣсь въ библіографической замѣткѣ мы не имѣемъ возможности; скажемъ только, что Тепловъ, какъ намъ кажется, былъ болѣе правъ, чѣмъ доказываетъ Максимовичъ.

Дм. Багалѣй.

Библіологическій словарь и черновые къ нему матеріалы П. М. Строева. Приведены въ порядокъ и изданы подъ редакціею академика А. Ѳ. Бычкова. С.-Петербургъ, 1882 г.

Книга составлена на основаніи матеріаловъ, собранныхъ покойнымъ академикомъ П. М. Строевымъ для исторіи славяно-рос-

сійской литературы и хранившихся въ академіи наукъ, въ пяти портфеляхъ. Они содержатъ частію совершенно обработанныя статьи, въ видѣ библіологическаго словаря отъ буквы А до буквы Е, отъ № 1 до № 87 включительно, частію статьи, оставшіяся еще въ сыромъ видѣ, отъ № 88 до № 314, и сверхъ того „Смѣсь", названную такъ самимъ собирателемъ. Всѣ эти матеріалы, за небольшими исключеніями, являются однимъ изъ результатовъ снаряженной академіею наукъ археографической по Россіи экспедиціи, принесшей такую существенную пользу отечественной исторіи.

Библіологическій словарь и матеріалы расположены въ азбучномъ порядкѣ именъ и фамилій писателей и переводчиковъ. Въ первомъ при каждомъ лицѣ сначала сообщаются нѣкоторыя біографическія о немъ данныя, а затѣмъ исчисляются его сочиненія и переводы, иногда съ подробнымъ изложеніемъ ихъ содержанія, а иногда и съ присовокупленіемъ ихъ критической оцѣнки, и почти всегда съ указаніемъ лучшихъ списковъ и мѣстъ ихъ храненія. Въ „матеріалахъ" же только указаны рукописи, въ которыхъ П. М. Строевъ во время своего археографическаго путешествія и при другихъ библіографическихъ работахъ находилъ то или другое сочиненіе извѣстнаго автора, и весьма рѣдко приведены библіографическія и другія данныя.

Къ составленію словаря, или точнѣе сказать—къ обработкѣ собраннаго матеріала, П. М. Строевъ приступилъ 9 сентября 1835 года; 6 ноября того-же года онъ еще занимался этимъ трудомъ, но затѣмъ онъ его оставилъ. Если бы П. М. Строевъ окончилъ и напечаталъ свой трудъ своевременно, то онъ, безъ всякаго сомнѣнія, занялъ бы почетное мѣсто среди пособій для изученія нашей древней литературы и внесъ-бы въ нее много новыхъ данныхъ; но теперь, когда послѣ 1835 года, въ теченіе 40 лѣтъ, явилось нѣсколько важныхъ изслѣдованій по исторіи русской литературы, на основаніи вновь открытыхъ данныхъ,—изданы каталоги нѣкоторыхъ рукописныхъ собраній и напечатанъ обзоръ русской духовной литературы архіепископа Филарета,—начало библіологическаго словаря П. М. Строева и собранные имъ матеріалы утратили во многомъ свое значеніе, хотя тѣмъ не менѣе они заключаютъ въ себѣ по мѣстамъ любопытныя подробности, обнародованіе которыхъ не безполезно.

Въ виду послѣдняго обстоятельства и сознавая, что печатать теперь вполнѣ словарь П. М. Строева и матеріалы къ нему значило-бы повторять иногда всѣмъ и давно извѣстное, академикъ А.

Ѳ. Бычковъ сличилъ ихъ съ „Словаремъ“ митрополита Евгенія, съ „Обзоромъ“ архіепископа Филарета и съ тѣми дополненіями, которыя были вызваны появленіемъ въ свѣтъ послѣдняго труда, съ цѣлію выдѣлить тѣ данныя, которыя представляютъ интересъ въ какомъ-бы то ни было отношеніи. Впрочемъ, чтобы дать полное понятіе о составѣ Словаря и матеріаловъ для исторіи славяно-россійской литературы, академикъ Бычковъ перечислилъ всѣ статьи, въ нихъ входящія, сохранивъ данный имъ П. М. Строевымъ азбучный порядокъ расположенія. Изъ этихъ статей однѣ напечатаны цѣликомъ (таковыя означены звѣздочкою), другія-же, содержащія данныя, частію уже обнародованныя, частію-же представляющія интересъ только по разнымъ своимъ подробностямъ,— сокращенно; наконецъ при статьяхъ, не заключающихъ ничего новаго, оставлены лишь имя и фамилія лица и сдѣланы ссылки на вышеупомянутыя сочиненія, въ которыхъ можно найти все, въ этихъ статьяхъ находящееся. Подобныя-же ссылки сдѣланы и при другихъ статьяхъ, когда или исключено изъ нихъ уже извѣстное, или когда свѣдѣнія, въ нихъ помѣщенныя, пополняются данными, находящимися въ приведенныхъ сочиненіяхъ; отсутствіе-же ссылокъ при статьяхъ служитъ указаніемъ, что этихъ статей нѣтъ ни въ „Словарѣ“ митрополита Евгенія, ни въ „Обзорѣ“ архіепископа Филарета.

Насъ интересуютъ преимущественно статьи, имѣющія какой-либо мѣстный южнорусскій интересъ. Въ библіологическомъ „Словарѣ“ и матеріалахъ къ нему отмѣчены звѣздочкой или напечатаны безъ ссылокъ на „Словарь“ Евгенія и „Обзоръ“ Филарета, слѣдовательно представляютъ наибольшій интересъ, статьи мѣстнаго южнорусскаго характера подъ слѣдующими заглавіями: Аѳанасій Пузына, епископъ луцкій и острожскій; Аѳанасій Филиповичъ, игуменъ брестъ-литовскій; Аѳанасій Кальнофойскій, монахъ кіево-печерской лавры; Брежевскій Амвросій, шляхтичъ литовскій; Будный Симонъ, одинъ изъ издателей катехизиса въ духѣ лютеранскомъ и на нарѣчіи литовско-русскомъ; Бѣлободскій Янъ, ученый бѣлоруссъ; Варлаамъ Ясинскій, митрополитъ кіевскій; Виталій, іеродіаконъ виленскаго Духова монастыря; Гавріилъ Домецкій; Гедеонъ Одорскій, архимандритъ крупицкаго батуринскаго монастыря; Гозв[illegible]скій Ѳеодоръ, греческій и польскій переводчикъ въ Москвѣ; Григорій Димитріевичъ, священникъ шаргородскій, XVII в.; Дилецкій Николай, изъ Вильны; Досиѳей, архимандритъ печерскій, странствовавшій во св. гору аѳонскую; Елисей Плетенецкій, ар-

химандритъ кіево-печерскій; Игнатій инокъ, переводчикъ Баронія; Иларіонъ, митрополитъ кіевскій; Ипатій Поцѣй, епископъ владиміро-волынскій; Исаія Балабанъ, архимандритъ уневскій и дерманскій; Іосифъ Кирилловичъ, іеромонахъ кіево-печерскій; Кипріанъ святогорецъ, монахъ кіево-печерскаго монастыря; Константинъ Борковскій, архимандритъ Данилова монастыря; Корвинъ-Красовскій Василій; Кохановскій, іеромонахъ; Симеонъ Полоцкій; Скибинскій Григорій Алексѣевичъ, докторъ философіи; Ѳеодоръ Михайловъ Бѣльскій, діаконъ; Ѳеоѳанъ, монахъ чудова монастыря, и друг., также нѣсколько житій, повѣстей о чудотворныхъ иконахъ, каноновъ, лѣтописей, патерикъ печерскій, переводы сочиненій, сдѣланные неизвѣстными лицами, повѣсти и сказанія, слова и поученія, сочиненія неизвѣстныхъ авторовъ, и проч.

Нѣкоторыя изъ этихъ статей сообщаютъ совершенно новыя свѣдѣнія, доселѣ неизвѣстныя въ нашей литературѣ. За то нѣтъ въ „Библіологическомъ Словарѣ“ свѣдѣній о такихъ писателяхъ или произведеніяхъ древней письменности и литературы, о которыхъ стало извѣстно послѣ трудовъ митрополита Евгенія и архіепископа Филарета и вызванныхъ ими дополненій. Но составленіе полнаго „Библіологическаго Словаря“, на основаніи всѣхъ доступныхъ въ настоящее время источниковъ, и не входило въ задачи академика Бычкова.

Н. П.

Ernst Bonnel. Beiträge zur Alterthumskunde Russlands von den ältesten Zeiten bis um das Jahr 400 nach. Chr. hauptsächlish aus der Berichten der griechischen und latenischen Schriffsteller. Erster Band. St. Petersburg, 1882.

(Эрнестъ Боннель. Дополненія къ археологіи Россіи, съ древнѣйшихъ временъ до 400 года по Р. Х., составленныя преимущественно по извѣстіямъ греческихъ и римскихъ писателей. Томъ I, Петербургъ, 1882 г.)

Объемистый томъ, изданный г. Боннелемъ подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ, посвященъ весь изслѣдованію древнѣйшихъ извѣстій о южной Россіи, сообщаемыхъ Геродотомъ. Авторъ, обладая большою эрудиціею, извлекъ изъ греческой литературы всѣ свѣдѣнія, крупныя и мелкія, относящіяся къ Скиѳіи и Скиѳамъ, и

воспользовался ими для поясненія и комментировки свѣдѣній Геродота; затѣмъ онъ пересмотрѣлъ всю новѣйшую литературу, относящуюся къ избранному имъ сюжету и разсмотрѣлъ всѣ высказанныя понынѣ гипотезы, относящіяся къ даннымъ, сообщаемымъ греческимъ отцемъ исторіи о географіи, этнографіи и исторіи скиѳовъ. Особенно интересна послѣдняя глава, представляющая опытъ изслѣдованія о языкѣ скиѳовъ, предпринятаго на основаніи сличенія скиѳскихъ именъ (числомъ до 60), уцѣлѣвшихъ какъ у Геродота, такъ и у другихъ греческихъ писателей, а равно на надписяхъ, найденныхъ въ Ольбіи, Тирасѣ и другихъ греко-понтійскихъ городахъ.

На основаніи какъ филологическихъ сближеній, такъ и разсмотрѣнія быта, обычаевъ, религіозныхъ вѣрованій и историческихъ извѣстій о скиѳахъ, г. Боннель приходитъ къ убѣжденію, весьма точно обставленному научными доводами, что скиѳы (точнѣе господствовавшее въ Скиѳіи племя) принадлежали къ иранской вѣтви арійскаго племени. Вотъ вкратцѣ важнѣйшіе выводы автора, сообщаемые имъ въ заключеніи его сочиненія: „Скиѳы и Савроматы составляли народъ иранскаго племени, который за нѣсколько столѣтій до Р. Х. былъ вытѣсненъ изъ Азіи другимъ иранскимъ народомъ (вѣроятно массагетами) за Волгу и постепенно, въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій, овладѣлъ всею страною, лежавшею между Дономъ и устьемъ Дуная. Народъ этотъ сохранился въ самомъ чистомъ видѣ въ группѣ такъ называемыхъ царскихъ или свободныхъ скиѳовъ, которые во время Геродота обитали между Герросомъ[1]) и Дономъ, а также занимали Крымъ, за исключеніемъ гористой его части. Савроматы составляли правдоподобно помѣсь, происшедшую отъ браковъ скиѳовъ съ женщинами покоренныхъ ими киммеріянъ, обитавшихъ къ востоку отъ азовскаго моря. Такой смѣшанный народъ населялъ, повидимому уже въ пятомъ столѣтіи, страну, лежащую на востокъ отъ азовскаго моря между Дономъ и Босфоромъ Киммерійскимъ (Керченскимъ проливомъ). Точно также и къ западу отъ Герроса скиѳы смѣшались съ

---

[1]) Авторъ не находитъ возможнымъ точно опредѣлить, какую рѣку Геродотъ разумѣлъ подъ именемъ Герроса; разсмотрѣвъ всѣ высказанныя въ этомъ отношеніи гипотезы, онъ предполагаетъ, что рѣка Волчья (притокъ Самары) соединялась въ то время съ Калміусомъ и образовывала значительную рѣку, которую Геродотъ и обозначилъ именемъ Герроса. (Стр. 71, 106).

туземнымъ киммерійскимъ народонаселеніемъ. Киммеріяне, занимавшіе страну до прихода скиѳовъ, вышли въ болѣе раннее время изъ передней Азіи, вытѣсненные вѣроятно изъ первоначальной родины борьбою семитскихъ народовъ между собою или можетъ быть нашествіемъ египтянъ; они, до выхода изъ Азіи, находились въ весьма продолжительныхъ сношеніяхъ съ этими народами и заимствовали у нихъ многія черты культуры, чѣмъ и объясняются слѣды семитскаго вліянія, которые можно подмѣтить среди скиѳовъ. Киммеріяне были соплеменники скиѳовъ; они были предками племенъ: кельтическаго и лето-славянскаго; правдоподобно та честь киммеріянъ, которая оставила страну и поселилась за предѣлами Скиѳіи послѣ пришествія скиѳовъ, была извѣстна въ послѣдствіи подъ именемъ: невровъ, агаѳиновъ и тавровъ. Собственные скиѳы и савроматы (или, по крайней мѣрѣ, часть послѣднихъ) были предками германцевъ (именно отъ собственныхъ скиѳовъ произошли готѳы). Остальная часть населенія Геродотовой Скиѳіи, хотя и обозначается общимъ именемъ скиѳовъ и савроматовъ, но имя это имѣетъ только политическое значеніе, большинство же народонаселенія состояло изъ оставшихся въ странѣ киммеріянъ и должно быть причислено къ вѣтвямъ кельтической и лето-славянской. Относительно народа, населявшаго страну еще до пришествія киммеріянъ (финны или баски?), ничего пока положительнаго установить не возможно; но предположеніе о существованіи этого первобытнаго населенія возможно“ (стр. 501—503).

Приведенные выводы г. Боннеля можно раздѣлить на двѣ группы положеній, не обладающихъ въ равной мѣрѣ историческою достовѣрностью и не одинаково обставленныя какъ научнымъ матеріаломъ, такъ и критическими пріемами. Всѣ тѣ положенія автора, которыя основаны на изученіи классическихъ писателей и имѣютъ цѣлью объяснить извѣстія Геродота объ этнографіи и исторіи Скиѳіи, несомнѣнно составляютъ цѣнный вкладъ въ науку и по добросовѣстности изученія, ясности изложенія и трезвости взгляда заслуживаютъ полную благодарность всѣхъ интересующихся данными о древнѣйшей исторіи южной Россіи. Другая группа положеній автора, въ которыхъ онъ пытается связать народы геродотовой Скиѳіи съ историческою этнографіею и позднѣйшею исторіею европейскихъ народовъ, не обладаетъ качествами первой группы. Въ попыткахъ автора мы постоянно встрѣчаемъ если не предвзятую мысль, то по меньшей мѣрѣ стремленіе уста-

новить гипотезу на такомъ количествѣ данныхъ научныхъ, которыя вовсе не достаточны для того, чтобы придать ей характеръ сколько нибудь достовѣрный. Для примѣра разсмотримъ положенія автора, на основаніи которыхъ онъ съ большою увѣренностью высказываетъ мнѣніе о томъ, что скиѳы (царскіе) были предками германцевъ. Сличивъ сказаніе Геродота о скиѳахъ съ извѣстіями Страбона, Цезаря и Тацита о бытѣ германцевъ, авторъ высказываетъ слѣдующія положенія: „оба народа уподобляются другъ другу по слѣдующимъ признакамъ: оба поклонялись божеству какъ существу духовному, не допуская ни изображеній боговъ, ни храмовъ. Богамъ приносили въ жертву людей (военноплѣнныхъ), домашнихъ животныхъ, особенно лошадей, но никогда для жертвоприношенія не употребляли свиней. Угадывали волю боговъ посредствомъ гаданія, при чемъ цыфра 3 имѣла особенное значеніе. Не было господствующаго жреческаго сословія, но царь исполнялъ функціи верховнаго жреца и въ религіозныхъ дѣлахъ пользовался исполнительною властью. Во время Страбона и Цезаря германцы были кочевниками въ такой же мѣрѣ, какъ скиѳы во время Геродота. Оба народа питались по преимуществу молокомъ и мясомъ своихъ стадъ, также дичью и рыбою, не занимались земледѣліемъ, хотя уважали это занятіе, они любили предаваться хищническимъ набѣгамъ, охотѣ и войнѣ потому, что жилища ихъ граничили съ пустынями (?). Населеніе, занимавшееся земледѣліемъ въ странахъ какъ скиѳовъ, такъ и германцевъ, было населеніе коренное кельтическое, литовское или славянское, покоренное воинственными пришельцами-кочевниками. Какъ у скиѳовъ такъ и у германцевъ господствовало единоженство. У скиѳовъ, какъ и у германцевъ, мущины и женщины носили одинаковую одежду. Черепа убитыхъ враговъ сохранялись и служили вмѣсто чаши. Договоры закрѣпляли присягою, приносимою на оружіи. Ссоры рѣшались часто публичнымъ поединкомъ. Полагали, что жизнь продолжается за гробомъ, потому покойникамъ клали въ могилу оружіе, лошадей, часть драгоцѣнностей, иногда женъ, рабовъ и слугъ. Пять служителей, окружавшихъ скиѳскихъ царей (чашникъ, поваръ, конюшій, камердинеръ и герольдъ) представляютъ первообразъ придворныхъ чиновъ позднѣйшихъ германскихъ королей (?). Короли какъ у германцевъ, такъ и у скиѳовъ, могли быть избираемы и устраняемы народнымъ собраніемъ. Многіе изъ числа приведенныхъ обычаевъ до того характеристичны, что нельзя не признать тождества обоихъ народовъ и потому не можетъ быть сомнѣнія

въ томъ, что скиѳы и савроматы были болѣе или менѣе прямыми предками германцевъ". (Стр. 388—389).

Разсмотрѣвъ эти неоспоримыя, по мнѣнію автора, черты тождества обоихъ народовъ, мы не только не можемъ признать ихъ вполнѣ доказательными, но даже не находимъ въ нихъ основанія для самой осторожной гипотезы въ пользу положенія автора. Всѣ перечисленныя имъ этнографическія черты быта на врядъ-ли могутъ быть признаны характеристическими; онѣ или указываютъ лишь на извѣстную степень культуры, черезъ которую проходили всѣ народы (кочевой бытъ, культъ мертвыхъ, пристрастіе къ войнѣ и грабежу и т. п.), или составляютъ нѣсколько наивныя сближенія явленій слишкомъ отдаленныхъ и разнородныхъ (какъ замѣчаніе о царскихъ служителяхъ). Такія черты быта, какъ пристрастіе къ войнѣ и охотѣ, отсутствіе храмовъ и жрецовъ, принесеніе присяги на оружіи, употребленіе череповъ вмѣсто чашъ, гаданіе, поединки и т. д. могутъ быть указаны въ исторической этнографіи многихъ племенъ: славянъ, литовцевъ, тюрковъ и т. д.

Въ заключеніе можемъ высказать еще одно сожалѣніе по поводу сочиненія г. Боннеля: онъ почти совершенно отстранилъ матеріалъ собственно - археологическій и не обратилъ вниманія на богатыя раскопки, совершенныя на территоріи новороссійскаго края Императорскою Археологическою Коммисіею, чѣмъ лишилъ себя весьма важнаго и, при настоящемъ состояніи науки, обязательнаго матеріала для дополненія и поясненія Геродотовыхъ извѣстій о Скиѳіи. **В. А.**

Историческіе матеріалы изъ архива кіевскаго губернскаго правленія, выпускъ 2-ой. Издалъ редакторъ неоффиціальной части Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостей, А. А. Кіевъ, 1882 г.

Въ январской книжкѣ Кіевской Старины сообщено было объ изданіи историческихъ матеріаловъ, хранящихся въ архивѣ кіевскаго губернскаго правленія, предпринятомъ редакціею Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостей. Почтенная редакція продолжаетъ вести задуманное дѣло и очевидно чѣмъ далѣе подвигается разработка архива, тѣмъ болѣе интересный и цѣльный матеріалъ она находитъ возможнымъ извлечь и сгруппировать въ своемъ изданіи.

Передъ нами второй выпускъ „Историческихъ матеріаловъ“, который, отличаясь тою-же добросовѣстностью редакціи, далеко превосходитъ 1-й выпускъ полнотою и взаимною связью предлагаемаго матеріала. Въ выпускѣ этомъ помѣщено 18 дѣлъ. Половина ихъ относится къ разнымъ событіямъ, представляющимъ болѣе или менѣе важный историческій интересъ; между ними особенно обращаетъ на себя вниманіе дѣло о поземельной собственности самарскаго пустынно-николаевскаго монастыря. Какъ извѣстно, монастырь этотъ основанъ былъ въ началѣ XVII ст. на земляхъ запорожскихъ (въ 2-хъ верстахъ отъ нынѣшняго города Новомосковска, екатеринославской губ.). Послѣ упраздненія запорожской общины, монастырь продолжалъ существовать еще нѣкоторое время въ качествѣ монастыря приписнаго къ кіево-межигорскому, приходомъ котораго считалось нѣкогда все Запорожье. Дѣло, помѣщенное въ „Историческихъ матеріалахъ“, заключаетъ документы (1778—1781 г.), относящіеся къ ходатайству межигорскаго монастыря объ оставленіи въ его пользованіи земель и угодій, пожертвованныхъ въ пользу самарскаго монастыря запорожцами, а также опись этихъ земель и угодій. Довольно интересно также уголовное, политическаго характера, дѣло (1753 г.), возникшее по тому поводу, что случайно, при обыскѣ дома одного изъ кіевскихъ мѣщанъ (Холявки), найдены были копіи указовъ „подъ извѣстнымъ титуломъ“ (т. е. писанные отъ имени Іоанна Антоновича), которые по смыслу Высочайшаго указа приказано было раньше отослать, „куда слѣдуетъ“. За неисполненіе этого указа и за упоминаніе „имени извѣстныхъ персонъ“ въ спискѣ, при которомъ препровождались „куда слѣдуетъ“ отысканные документы, кіевскій магистратъ заслужилъ „довольный репримандъ“, а канцеляристы его попали подъ судъ. Другая половина дѣлъ, помѣщенныхъ въ „Историческихъ матеріалахъ“, составляетъ группу документовъ, связанныхъ между собою содержаніемъ; это матеріалы для исторіи крестьянъ, крѣпостнаго права и крестьянскаго землевладѣнія въ кіевскомъ намѣстничествѣ въ послѣдней четверти прошлаго столѣтія. Здѣсь помѣщены свѣдѣнія о побѣгахъ крестьянъ отъ помѣщиковъ, о закрѣпощеніи послѣдними козаковъ, объ отчужденіи крестьянскихъ земель и, между прочимъ, два весьма драмматическіе факта о сопротивленіи козаковъ, при отчисленіи ихъ въ крѣпостные. Особенно рѣзко обозначается сопротивленіе это въ дѣлѣ „о возмущеніи въ селѣ Турбаяхъ“ (нынѣ Трубаи, хорольскаго уѣзда) 1789 года. Здѣсь

народное раздраженіе, вызванное припискою козаковъ въ крѣпостные, разразилось весьма рѣзкою вспышкою, жертвою которой пали помѣщики Степанъ и Иванъ Базилевскіе и подверглись оскорбленіямъ и насиліямъ члены суда, выѣхавшіе въ Турбаи для установленія правъ Базилевскихъ.

Вообще 2-й выпускъ историческихъ матеріаловъ представляетъ цѣнный вкладъ въ сокровищницу мѣстной археографіи, и мы искренно желаемъ, чтобы редакція Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостей продолжала начатое ею полезное предпріятіе. Мы встрѣтимъ съ тѣмъ большимъ интересомъ слѣдующіе выпуски „Историческихъ матеріаловъ", что, какъ мы слышали, редакція успѣла уже собрать столь значительный запасъ документовъ, что въ дальнѣйшихъ выпускахъ она намѣрена въ каждой книжкѣ группировать матеріалы, имѣющіе другъ съ другомъ связь по содержанію, такъ, что каждая книжка будетъ представлять наборъ источниковъ по какому-либо отдѣльному сюжету изъ исторической жизни края.

А.

Извѣстя и замѣтки

(историческія, этнографическія и историко-литературныя).

ПАСѢКА ГЕТМАНА Б. ХМЕЛЬНИЦКАГО [1]).

Въ февралѣ 1705 года инокиня кіевопечерскаго дѣвичьяго вознесенскаго монастыря, нѣкая Ѳеодосія Кондратьева Хмельницкая, вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Ѳеодоромъ, очевидно послѣднимъ отпрыскомъ знаменитой гетманской фамиліи Хмельницкихъ, продала честнымъ отцамъ выдубицкаго михайловскаго монастыря за сто талерей монеты доброй свою отчизну и дѣдизну—пасѣку съ садами въ лѣсу *Лебединъ*, о которомъ поется въ гайдамацкихъ пѣсняхъ и который находился въ западной части нынѣшняго чигиринскаго уѣзда и окружалъ село Лебединъ. Въ частности положеніе пасѣки, проданной инокинею Хмельницкою, по актамъ опредѣлено такъ: „въ лѣсѣ Лебединѣ, на потоцѣ водномъ, текучимъ въ поле на долину, прозваніемъ Липянку, къ речкамъ Товмачу и Висѣ сходъ имѣючимъ". Тогдашній игуменъ выдубицкаго монастыря Варлаамъ Страховскій позаботился закрѣпить новое земельное пріобрѣтеніе и въ маѣ 1707 года выхлопоталъ у гетмана Ив. Мазепы универсалъ, которымъ утверждалось право монастыря на владѣніе лебединскою пасѣкою и „владзою гетманскою", накрѣпко приказывалось, „абы нихто з старшихъ и меншихъ войсковыхъ и посполитыхъ людей не смѣлъ и не важился в диспонованю тое пасѣки монастыреви выдубицкому жаднимъ способомъ найменшои чинити перешкоды,

---

[1]) Свѣдѣнія о ней заимствованы изъ рукописнаго сборника документовъ кіево-выдубицкаго манастыря.

кривды, долегливости, утяженя и спустошеня". Но tempora mutantur: пять лѣтъ спустя, правобережная Украина, по прутскому договору, отошла въ польское владѣніе, и отъ могучаго „рейментарскаго" универсала, какъ юридическаго акта, для честныхъ отцевъ выдубицкаго монастыря осталось лишь одно пріятное воспоминаніе. Теперь спокойное „диспонованье" ихъ лебединскою пасѣкою было поставлено въ зависимость отъ благорасположенія польскаго магната Яна-Каетана Яблоновскаго, старосты чигиринскаго, и еще болѣе отъ его ближайшаго подчиненнаго, смѣлянскаго губернатора Войтеха Буяльскаго, въ волости котораго находился лебединскій лѣсъ. Чернцы выдубицкіе скоро успѣли войти въ пріятельство съ п. Буяльскимъ, вели съ нимъ дружескую корреспонденцію, время отъ времени посылали ему „презенты", въ видѣ „юхты" (кожи) и другихъ натуральныхъ приношеній, брали на себя коммисіонныя порученія по размѣну для него польскихъ золотыхъ на русскіе рубли и проч. и подъ его пріятельскою защитой мирно хозяйничали въ лебединской пасѣкѣ, содержа въ ней на „послушаніи" нѣсколько человѣкъ изъ братіи. Но подъ конецъ 30-хъ годовъ XVIII в. лебединскіе жители Яцько, Иванъ, Грицько и Макаръ Засенки предъявили претензію на лебединскую пасѣку, принадлежавшую будто-бы ихъ дѣду Василю Засю. Въ подтвержденіе своихъ правъ они представили какіе-то документы и сослались на свидѣтельство мѣстныхъ старожиловъ. Дѣло поступило на судъ смѣлянскаго губернатора, который хотя и водилъ пріятельство съ игуменомъ и братіей выдубицкаго монастыря, но опасался явно пожертвовать интересами Засенковъ, подданныхъ своего патрона, старосты чигиринскаго, и потому приступилъ къ обстоятельному разслѣдованію спорнаго дѣла. Сохранились многочисленныя показанія старыхъ людей, раскрывающія небезъинтересную исторію лебединской пасѣки. Еще до Хмельницкаго пасѣкою этою владѣлъ польскій шляхтичъ, по прозванію Пшунка. Въ его время жилъ въ Лебединѣ козакъ Кайданъ, который за какія-то „значныя преступленія противу закона Божія и статутовъ" подпалъ старостинскому суду „и явилъ себя достойнымъ смерти висѣльничей". Когда его вели уже на мѣсто казни, онъ встрѣтилъ знакомаго ему раньше пана Пшунку и сталъ съ плачемъ просить послѣдняго спасти его отъ позорной смерти, обѣщаясь за то быть рабомъ ему до конца своей жизни.

Ласковый панъ сжалился надъ несчастнымъ козакомъ Кайданомъ и открыто взялъ его подъ свое покровительство, а вслѣдъ за тѣмъ, при помощи личныхъ связей съ старостой и надлежащихъ *донативъ* (подарковъ) судовымъ урядникамъ, совсѣмъ освободилъ его отъ суда и наказанія. Въ актовыхъ книгахъ старинныхъ южнорусскихъ судовъ XVI и XVII столѣній не рѣдко встрѣчаются записи, по коимъ лица мѣщанскаго, боярскаго и другихъ подобныхъ сословій обязывались пожизненно быть крѣпостными людьми какого-нибудь шляхтича, вызволившаго ихъ отъ смертной казни по приговору суда за уголовныя преступленія. Такую же запись вѣроятно выдалъ пану Пшункѣ и провинившійся козакъ Кайданъ и сталъ его вѣчнымъ рабомъ. Великодушный Пшунка потребовалъ отъ своего новаго подданнаго небольшой работы: онъ сдѣлалъ его пасѣчникомъ въ своей лебединской пасѣкѣ. Скоро послѣ того вспыхнуло возстаніе Хмельницкаго. Панъ Пшунка бѣжалъ въ Польшу, а его пасѣку въ лебединскомъ лѣсу взялъ себѣ самъ гетманъ Богданъ Хмельницкій. Пасѣчникъ Кайданъ не послѣдовалъ за своимъ паномъ, а остался смотрѣть за пчелами новаго хозяина. Все это показали лебединскіе старожилы, въ числѣ которыхъ оказался одинъ очень старый пасѣчникъ Яковець, не разъ бывшій атаманомъ въ Лебединѣ и знавшійся въ молодости съ еще болѣе старыми людьми, свидѣтелями эпохи Хмельницкаго. „И тое (прибавилъ Яковець въ своемъ показаніи) я чувъ запевне одъ старого пасичника Ивана Близнюка, що того-жъ часу и времене войско турецкое, якъ шло с-подъ Чигирина, въ пасіці Пшунчиной пчолы гетманскии Хмельницкого выбили; и отъ того часу не було пчолъ гетмана Хмелницкого в пасіці Пшунчиной“.

А послѣ тревожной эпохи временъ Дорошенка, сохранившейся въ народной памяти подъ именемъ „великои руины“, съ лѣвобережной Украины, именно изъ с. Власовки, „бовкуномъ перевезся“ въ Лебединъ сынъ гетманскаго пасѣчника Кайдана, Василь Засъ, „и, вшедши въ Пшунчину пасѣку, ставъ называтись господаремъ до половины пасѣки, а про другу половину сказавъ, що тая половина—гетманишина, а якои гетманихи—того не упомню. Потомъ не скоро черицѣ киевскіи пріихали съ купчими письмами, то я чувъ отъ свого тестя Кривенького, що Кривенькій казавъ Засевѣ при мнѣ: „отъ тебѣ, брате Василю, уже не мѣсце въ пасѣцѣ, коли

найшлися господарѣ". И чувъ я отъ Кривенького жъ, що и отаманъ Горбинка тое жъ сказавъ Засевѣ: „брате Засю, уже тобѣ не мѣсце въ той пасѣцѣ, шукай собѣ где инде мѣсця". А чернець киевскій говоривъ Засевѣ: „коли тобѣ жаль пасѣки, дай въ манастыръ сто золотыхъ, и твоя будетъ пасѣка". Тое жъ и отаманъ и люде говорили Засевѣ, жебы купивъ у черноцовъ пасѣку; але Зась, порадившись зъ своею женою, не схотѣвъ куповать пасѣки, а скоро чернцѣ съ пчолою ввезлися въ Пшунчину пасѣку, того жъ часу Зась совсѣмъ вывюзся въ Почекаеву пасѣку".

Всѣ подобныя показанія лебединскихъ старожиловъ достаточно подтверждали наслѣдственныя права Засенковъ на дѣдовскую часть лебединской пасѣки и потому смѣлянскій губернаторъ въ 1739 г. присудилъ выдѣлить имъ половину спорной пасѣки. Высланные имъ лебединскіе жители, во главѣ съ атаманомъ, провели межу и положили по тогдашнему обычаю „клейна", т. е. межевыя знаки: „первое клейно—крестъ на грушѣ противъ погреба; другое клейно на берестовомъ пнѣ—такожде крестъ; третое клейно надъ ставкомъ на яблонѣ, а на томъ боцѣ ставка дубъ росохватый великій, а съ приходу такожде дубъ съ клейномъ крестовымъ". Но отцы выдубицкіе не хотѣли подчиниться этому рѣшенію и настаивали на своемъ правѣ безраздѣльнаго владѣнія пасѣкою. Смѣлянскій губернаторъ, въ письмѣ къ архимандриту, униженно оправдывался, что онъ рѣшилъ дѣло по сущей справедливости, указывая, что въ монастырскихъ документахъ не опредѣлены границы спорной пасѣки и что эти документы не были никогда подтверждены чигиринскимъ старостою; въ крайнемъ случаѣ онъ совѣтовалъ архимандриту апеллировать къ его принципалу, старостѣ Яблоновскому, и въ видахъ болѣе вѣрнаго успѣха дружески наставлялъ, что „daleko by rzecz fundamentalnieysza była, gdyby za te pasiekę certum quantum importare do skarbu j. m. mego dobrodzieja" [1]). Послѣдовали-ли честные выдубицкіе отцы этому совѣту, изъ дѣла не видно.

О. Левицкій.

---

[1]) Т. е. «было-бы гораздо надежнѣе внести за эту пасѣку извѣстную сумму въ кассу его милости, моего добродія» (ст. Яблоновскаго).

КЪ ИСТОРІИ ЗАПОРОЖЬЯ.

Въ іюньской книжкѣ „Кіевской Старины", на стр. 548, помѣщена небольшая замѣтка подъ заглавіемъ: „Гдѣ именно жили запорожцы во время подчиненія своего крымскому хану". Авторъ замѣтки, г. Левченко полагаетъ, что они жили въ это время или на болотистомъ островкѣ, называемомъ „Кошовая", или-же на другихъ днѣпровскихъ островахъ, но *не въ алешковскомъ уѣздѣ*, т. е. на таврическомъ берегу Днѣпра. Мы просимъ г. Левченко прочитать со вниманіемъ стр. 21—54 2-й части книги нашей подъ заглавіемъ: *Исторія Новой Сѣчи* или *послѣдняго Коша запорожскаго*, изданной въ Одессѣ въ 1846 году, и онъ найдетъ подробный отвѣтъ на свой вопросъ: гдѣ жили запорожцы во время своего злополучнаго скитанія подъ крымскимъ покровительствомъ? А именно—послѣ бѣгства Мазепы, съ старшиною малороссійскою и частью запорожской, съ шведскимъ королемъ Карломъ въ Бессарабію, мятежный кошевой Костя Гордѣенко перешелъ изъ разоренной полковникомъ Галаганомъ „Старой Сѣчи" на Чертомлыкѣ [1]) на крымскія степи за Днѣпромъ и тамъ поставилъ свой кошъ на р. Каменкѣ, близь нынѣшней почтовой станціи Мѣловой. Тамъ умеръ онъ,—эта несчастная жертва Мазепиной крамолы, и тамъ до сихъ поръ сохранилась его могила съ надгробнымъ каменнымъ крестомъ. Спустя нѣкоторое время, русскія войска ихъ оттуда выгнали, и козаки, скитаясь по разнымъ ногайскимъ кочевьямъ, въ томъ числѣ и въ одесскомъ нынѣшнемъ уѣздѣ, близь лимановъ, только по заключеніи мира съ Турціею могли успокоиться и основать Сѣчь въ Алешкахъ въ 1712 г., гдѣ и оставались подъ тяжкимъ татарскимъ надзоромъ до 1730 г., т. е. до возвращенія подъ родныя русскія знамена, съ дозволенія императрицы Анны Іоанновны. Между 1730 и 1732 годами они основали себѣ Кошъ, уже *послѣдній*, на р. Подпольной, близъ древняго козачьяго пепелища, назвавъ его „Новою Сѣчью" [2]).

---

[1]) Нынѣ с. *Капуловка*, екатеринославской губерніи и уѣзда, принадлежащее къ удѣльному вѣдомству.

[2]) Нынѣ с. Покровское, принадлежащее удѣльному вѣдомству екатер. губ. и уѣзда.

Но на островѣ Кошевомъ у Херсона, ничтожномъ по пространству и постоянному въ XVIII столѣтіи его затопленію, они обитать не могли; это доказывается еще тѣмъ, что тамъ было устроено генераломъ Александромъ Румянцевымъ, отцемъ Задунайскаго, укрѣпленіе, названное *Александръ-Шанцомъ*. Это крѣпость нынѣшняго Херсона и бывшаго въ немъ адмиралтейства. Слѣдовательно военное начальство не допустило бы селиться на правомъ берегу Днѣпра мятежникамъ, которыхъ еще многіе годы преслѣдовало наше правительство.

Пользуясь случаемъ поговорить о запорожцахъ, мы предлагаемъ здѣсь еще одинъ документъ изъ столь скуднаго архива алешковской Сѣчи. Это ярлыкъ основателя ея Капланъ-Гирея I хана крымскаго, узнавшаго, что запорожцы оставили этотъ Кошъ и перешли за Днѣпръ на свои древнія пепелища. При этомъ ярлыкѣ былъ посланъ козакамъ и тотъ „листъ" Орлика, который мы напечатали въ апрѣльской книжкѣ „Кіевской Старины". Переводъ ярлыка сдѣланъ былъ, вѣроятно, однимъ изъ тѣхъ бѣглыхъ поляковъ, какими въ XVIII столѣтіи наполнены были лагери и дворы богатыхъ вельможъ западной Европы, Турціи и Крыма:

„Переводъ листу наяснѣйшаго хана его милости".

„Кошовому атаману, старшинѣ и всему войску запорожскому низовому поздоровленіе.

Листъ вашъ прислалисте до брата моего Оръ-Бея [1]), черезъ который освядчилисте ему, же (что) зичите (желаете) себѣ повернуться подъ крыля нашой стороны и же отмѣняется намѣреніе, которое взялисте были предъ себе- отыйти до Москвы. Что игди (когда) помянутый солтанъ намъ ознаймилъ (сообщилъ) и листъ, который вы до его писалисте, намъ для вѣдома прислалъ, вельце съ того утѣшилемся. Богъ всемогущій знаетъ наше сердце и намѣреніе и якъ вси беи, мурзы и цѣлое панство крымское старается о вашей цѣлости и желаетъ вамъ всякого добра. Памятайте, что вы ѣли у насъ хлѣбъ и соль и жилисте у насъ добре. Ежели вы зичите (желаете) себѣ повернуться назадъ, будемъ вамъ рады и пріимемъ васъ ласкаве, якъ гостей, и обѣщаемъ

---

[1]) Оръ-Бей—начальникъ перекопскаго замка, обыкновенно князь или султанъ изъ царствующаго дома Гиреевъ.

вамъ заховати тую самую приязнь, якую до васъ мѣлисьмо и будете защищаться такъ добре нашею обороною и нашимъ страннолюбіемъ, яко и передъ тымъ, и мы вамъ позволимъ все тое, що передъ симъ мѣлисте. Гдѣ зась (же) мѣете осѣсти, даемъ вамъ вольность обрати (избрать) себѣ такое мѣсто, гдѣ сами хочете. Однакоже ражу (совѣтую) вамъ для вашего добра и пожитку и для нашего уподобанья стати кошемъ на томъ мѣстѣ, на которомъ осѣдлисте были прежде, удавшися (переходя) подъ нашу оборону [1]).

„По указу Порты Оттоманской, панъ Орликъ, гетманъ вашъ, который зоставалъ (находился) до тыхчасъ въ Солонику, пришелъ теперь до насъ для злученія ся (соединенія) съ нами. Пишетъ до васъ листъ свой, якій мы вамъ посылаемъ при семъ нашемъ листѣ. Яко и онъ мыслить тожь самое, що мы и вы, и который старается о вашемъ добрѣ и пожитку публичномъ, такъ потреба, же бысте вѣрили тому всему, що вамъ въ листѣ своемъ выражаетъ. Для того найбарзей (болѣе всего), же онъ есть вашъ голова и вашъ вождь и же вы повинни ити за его радою. Зъ нашой стороны упевняемъ (увѣряемъ) васъ, же мы примемъ васъ ласкове и же вы не будете мѣть жадной кривды и насилія ни отъ насъ, ни отъ панства крымскаго, ежели повернетесь на мѣсце, которое я вамъ назначаю. Остатокъ скажетъ вамъ устне отдавца сего нашего листу гетманъ Дубоссарскій [2]), якій листъ для большей вамъ вѣры власною (собственною) рукою подписуемъ, и печатью нашею отвержаемъ".

Капланъ Гирей-Ханъ [3]).

А. Скальковскій.

КЪ ИСТОРІИ ВѢРОВАНІЯ О ПРОДАЖѢ ДУШИ ЧОРТУ.

Въ числѣ имѣющихся у насъ дѣлъ генеральнаго малороссійскаго войсковаго суда, относящихся до вѣдовства и колдовства, на-

---

[1]) Т. е. въ Алешкахъ, на стражѣ противъ устроеннаго нашимъ правительствомъ Александръ-Шанцъ (послѣ крѣпости въ Херсонѣ).

[2]) Дубоссары (херс. губ.) и Балта были владѣнія (чифлики) хановъ крымскихъ и управлялись атаманами, армянами.

[3]) Этотъ Капланъ-Гирей I былъ три раза на престолѣ крымскомъ въ 1707, 1713 и 1730 г.

ходится одно интересное во многихъ отношеніяхъ дѣло о продажѣ души чорту. Возникло оно въ г. Глуховѣ, въ генеральной войсковой канцеляріи, въ сентябрѣ 1749 года, и озаглавливается такъ: *Дѣло о колоднику Ивану Роботѣ, отступившему отъ Бога и предавшему себя демону.*

Состоитъ это дѣло, кромѣ не достающей промеморіи или отношенія генеральной войсковой канцеляріи въ духовную митрополіи кіевской консисторію, писанной въ сентябрѣ того-же года, изъ слѣдующихъ документовъ: 1) отвѣтной на нее промеморіи кіевской консисторіи 22 ноября 1749 года, 2) возвращаемой при ней подлинной росписки Ивана Роботы, которою онъ записалъ душу и тѣло свое демону, 3) указа генеральной войсковой канцеляріи въ войсковый генеральный судъ отъ 28 марта 1750 года, 4) прошенія въ этотъ судъ Ивана Роботы о скорѣйшемъ разсмотрѣніи его дѣла отъ 25 мая того-же года, 5) показанія его въ томъ-же судѣ 5 іюня 1750 г., 6) полуистлѣвшаго рѣшенія войсковаго генеральнаго суда объ Иванѣ Роботѣ, 7) двухъ рапортовъ въ этотъ судъ полтавской полковой канцеляріи объ исполненіи его рѣшенія, 1750 года августа 14 дня и 1751 г. сентября 15 дня и 8) подписки отца подсудимаго Ѳедора Роботы въ принятіи имъ сына изъ полковой тюрьмы 1751 г. сентября 15 дня.

Было-бы утомительно для читателей перечитывать всѣ эти документы, съ небольшими варіаціями передающіе не сложное дѣло о богоотступникѣ Иванѣ Роботѣ. Мы передадимъ сущность и ходъ этого дѣла, приводя лишь найболѣе характерныя мѣста документовъ.

Въ г. Глуховѣ, въ глуховской войсковой канцеляріи служилъ канцеляристомъ Иванъ Робота. Былъ онъ сынъ значковаго товарища Ѳедора Роботы, а учился предъ тѣмъ въ кіевской академіи до реторики и латинскому языку обученъ былъ. Какого состоянія былъ его отецъ и какъ учился сынъ въ академіи, изъ дѣла не видно; но можно по существу дѣла заключить, что ни отецъ его не обладалъ состояніемъ, ни самъ сынъ не просвѣтился, какъ должно, въ тогдашнемъ святилищѣ наукъ. Уже три года служилъ онъ здѣсь и имѣлъ отъ роду 22 года. Положеніе канцеляристовъ всегда и вездѣ самое печальное: въ собственномъ смыслѣ они питаются отъ крупицъ, падающихъ отъ трапезы ихъ господъ, начальниковъ. Таково было положеніе и Ивана Роботы. Нужда одолѣвала его, по-

мощи ни откуда. Въ то темное по понятіямъ время въ кругу людей и выше его господствовало повѣрье, что тамъ, гдѣ уже никто не поможетъ, пособитъ бѣсъ. Одного хотѣлъ Робота — *„споможенія“*, прибавки, такъ сказать, къ жалованью, которой тщетно подъчасъ алчутъ и нынѣшніе канцеляристы. Но вспоможеніе отъ демоновъ можно получить не иначе, какъ записавъ имъ душу. Для большей, видно, крѣпости рѣшился бѣдный канцеляристъ, конечно, послѣ тяжкаго раздумья, записать демону не только душу свою, но и тѣло. Но и росписка должна быть не простая: ее надо было писать своею кровію, а кровь добыть изъ собственнаго мизынца. Входя въ душу темнаго человѣка того времени, можно представить себѣ весь ужасъ его положенія, его мукъ, страданій и борьбы съ самимъ собою, пока онъ покончитъ съ такимъ ужаснымъ дѣломъ. А тутъ надо нести росписку въ поле, куда-либо на перекрестокъ, въ темную при томъ ночь... туда, гдѣ нѣтъ людей, гдѣ черти сбираются, „на вкулачки бьются“. Все это, видно, продѣлалъ канцеляристъ, искавшій „споможенія“.

3-го сентября козакъ сотни глуховской Θедоръ Рудковскій представилъ въ генеральную войсковую канцелярію доношеніе, а при томъ доношеніи и карту, которую хожалый Давидъ Винда съ товарищи нашли за городомъ. Въ картѣ значилось отъ слова до слова такъ: *темнозрачному адскихъ пропастей началнику и služителемъ его демономъ вручаю душу і тѣло мое, ежели по моему требованію чинити мнѣ споможеніе будутъ...*

Кровою своею подписался Иванъ Робота.

Виновный былъ на лице тутъ-же въ войсковой канцеляріи. Его потребовали къ допросу. Онъ „потаился“,—письмо, говоритъ, и подпись не моей руки; но тутъ было много бумагъ, его рукою писанныхъ. Шесть „повѣтчиковъ“ сличали почеркъ росписки съ письмомъ Роботы,—„письмо явилось быть сходно“. Роботѣ пригрозили „жестокимъ боемъ“, и онъ повинился. Тогда его заковали въ кандалы и подъ карауломъ отправили при особой промеморіи въ кіевскую консисторію „для учиненія съ нимъ по указамъ и правиламъ св. отецъ“. Суевѣрный невѣжа становится преступникомъ, простое недомысліе трактуется, какъ сознательное отреченіе отъ Бога, и это послѣднее судится по указамъ и по правиламъ св. отецъ. Промеморію подписали Иванъ Челищевъ и Яковъ Якубовичь, какъ

члены главнаго управленія страны, старшій канцеляристъ Василій Туманскій и канцеляристъ Стефанъ Юзефовичь.

Въ консисторіи Робота отрекся отъ своего показанія, заявивъ, что оно вынуждено было у него страхомъ „боя". Консисторія со всѣмъ дѣломъ возвратила его въ ту-же войсковую канцелярію, для „учиненія о его разномъ показаніи надлежащаго по указамъ разсмотрѣнія". Оба учрежденія держались строго въ предѣлахъ своей компетенціи: войсковая канцелярія путемъ увѣщаній и угрозъ исторгла было у своего подчиненнаго признаніе его вины, но назначить по этому наказаніе не считала себя въ правѣ; въ свою очередь консисторія, не видя добровольнаго признанія, ни стороннихъ уликъ, не рѣшалась входить въ дальнѣйшее разслѣдованіе и полагать какое либо рѣшеніе. Въ виду уклончиваго отвѣта консисторіи, войсковая канцелярія рѣшилась оставить ее въ покоѣ и передала дѣло о „колоднику Ивану Роботѣ" въ войсковой генералный судъ. Тутъ сдѣланъ былъ ему передопросъ. Робота ни въ чемъ не измѣнилъ своего объясненія, даннаго въ консисторіи: онъ стоялъ на томъ, что сознаніе его въ войсковой канцеляріи было вынужденное, что далъ онъ его, „боясь бою", что на самомъ дѣлѣ „карты до темнозрачнаго адскихъ пропастей началника и служителей его демоновъ никогда никакъ онъ, какъ не писалъ, такъ и кровию своею на той карткѣ демонамъ не подписывался"; теперь онъ даже утверждалъ, что „та картка, по свидѣтельствованіи ея обрѣтающимися въ генеральной войсковой канцеляріи канцеляристами, совершенно къ писму его не сходна и кто ее писалъ и чрезъ то подлогомъ написання и подписомъ руки его кровию его изобидѣлъ,—не вѣдаетъ". Тѣмъ не менѣе войсковой судъ, не обращаясь уже къ компетенціи суда духовнаго, собственною властію 3-го августа постановилъ: „колодника Ивана Роботу... въ находячійся въ полтавскомъ полку мужескій нефорощанскій монастиръ при писменомъ видѣ отправить съ требованіемъ, дабы тамо его опредѣля какому искусному старцу, велено было содержать подъ добрымъ присмотромъ, съ надлежащимъ духовнымъ истязаніемъ, воздержуя отъ всякихъ непотребныхъ поступковъ чрезъ полній круговій годъ не опускно,... по прошествіи таковаго полнаго года, буди оному Роботѣ, по духовному жъ разсужденію, болѣе въ той обители къ исправленію своего житія быть не доводитимется, то оного Роботу съ той оби-

тели въ полковую полтавскую канцелярію было прислано, а въ полковой канцеляріи, за присилкою означенного Роботы, сыскавъ отца его, полку полтавского значкового товарища Өедора Роботу, отдать оного ему съ подпискою, что онъ объявленнаго сына своего имѣетъ содержать впредъ подъ надлежащимъ родительскимъ страхомъ".

Осужденный Робота 11-го августа былъ доставленъ по назначенію и „за скудость въ томъ монастырѣ монаховъ искусних старцевъ" принятъ въ келію къ самому архимандриту и начальнику монастыря Гавріилу Яновскому, который донесъ о томъ какъ полковой канцеляріи, такъ и кіевскому митрополиту.

Спустя годъ съ небольшимъ, именно 24 авг. 1751 г., игуменъ нефорощанскаго монастыря доставилъ Ивана Роботу въ канцелярію полтавскаго полка съ заявленіемъ, что онъ выжилъ, по рѣшенію войсковаго суда, въ монастырѣ цѣлый круговой годъ и что „*по духовному разсужденію*, болѣе ему тамъ содержану быти не доводится". „Сысканъ" былъ отецъ его Өедоръ Робота и „ему сынъ его Иванъ отданъ съ подпискою, что имѣетъ онъ его впредъ содержать подъ надлежащимъ родительскимъ страхомъ. Сент. 16 дня 1751 г."

Такъ закончилось это курьезное дѣло о „колоднику Иванѣ Роботѣ", *спудеѣ* высшаго училища, чиновникѣ высшаго учрежденія. Молодой, едва начавшій служебную свою карьеру человѣкъ, какъ ее всѣ тогда начинали, обвиняется въ самомъ тяжкомъ и позорномъ по тогдашнимъ понятіямъ преступленіи — преданію себя „въ помощъ демонамъ", а это преступленіе ни что иное, какъ поголовное суевѣріе и невѣжество того времени. Хотя не подлежитъ сомнѣнію, что самые законы, по которымъ судился Робота, и самые его судьи и начальники не стояли въ понятіяхъ выше его, но потому онъ и судится и осуждается. Дѣйствительно-ли онъ, подъ двойнымъ гнетомъ нужды и суевѣрія, „предалъ себя въ помощь демонамъ, ежели они ему вспоможеніе чинить будутъ" въ скудномъ, конечно, его содержаніи, или кто нибудь поступилъ съ нимъ „подлогомъ написанія" роковой картки, судить теперь трудно, а тогдашніе судьи были, конечно, убѣждены въ правотѣ своего суда, и мы должны тѣмъ болѣе имъ вѣрить, что, сравнительно съ тогдашними законами о вѣдовствѣ и колдовствѣ, они судили милостиво и снисходительно. Тѣмъ не менѣе юноша, предъ которымъ еще не начинала улыбаться фортуна, губитъ свою карьеру, быть можетъ

и самую жизнь. „Чрезъ девять мѣсяцей, писалъ онъ въ судъ войсковой задолго до рѣшенія своей участи, я бедній въ невинности содержуюсь подъ карауломъ, дневнаго препитанія жажденъ, прихожу въ немалое изнеможеніе". Почти годъ тюремнаго заключенія, съ пересылкою изъ инстанціи въ инстанцію, и монастырское заключеніе свыше года рѣшили участь его на всегда. Онъ опозоренъ, обезславленъ, лишенъ карьеры, службы, средствъ пропитанія и, какъ негодный для общества, сдается подъ началъ родительскій для содержанія подъ надлежащимъ страхомъ. Послѣдующая судьба его не извѣстна, но дорисовать ее не трудно. И всему виною одно нелѣпое вѣрованіе, что можно отъ бѣсовъ вспоможеніе получать.

И до сихъ поръ еще среди малороссійскаго народа не вымерло это вѣрованіе, и до сихъ поръ еще многіе простолюдины вѣрятъ въ возможность для человѣка вступать въ непосредственныя отношенія съ чортомъ, убѣждены даже, что есть люди, которые дѣйствительно состоятъ въ такихъ отношеніяхъ и назовутъ вамъ такихъ людей. Существуетъ также вѣрованіе, что къ нѣкоторымъ женщинамъ летаетъ *нечистая сила*, въ образѣ змія, который состоитъ съ ними въ любовныхъ отношеніяхъ. Сильно держится вѣрованіе, что *чортъ*, тому или другому богатому человѣку, *гроши носить*. Все это такія же вѣрованія, какъ и то, изъ котораго возникло дѣло Ивана Роботы. Каждое изъ такихъ вѣрованій составляетъ только частичное проявленіе общераспространенныхъ въ стародавнія времена антропоморфическихъ представленій о злыхъ духахъ, демонахъ, чертяхъ, какъ существахъ такихъ, которыя могутъ вступать съ человѣкомъ въ обыкновенныя житейскія отношенія: любовныя, брачныя, семейныя, дѣловыя, договорныя.

Общераспространенное вѣрованіе, что договоръ съ чертомъ долженъ быть подписанъ кровью, *добытою изъ мезинца*, въ свою очередь указываетъ на глубочайшую древность общаго вѣрованія о возможности для человѣка дѣловыхъ и семейныхъ отношеній съ чортомъ и перенесено на эти отношенія изъ обыкновенныхъ между людьми отношеній. Употребленіе крови играетъ вообще большую роль въ сношеніяхъ, союзахъ и сдѣлкахъ первобытнаго человѣка. Междуплеменные и брачные союзы, договорныя отношенія и про-

стыя сдѣлки многихъ дикихъ и полудикихъ племенъ, нынѣ живущихъ, скрѣпляются и теперь тѣмъ или другимъ видомъ употребленія крови. Есть данныя подтверждающія, что и народы, стоящіе на той или другой степени цивилизаціи, переживали нѣкогда дѣйствительное употребленіе крови въ всевозможныхъ междуплеменныхъ и бытовыхъ сдѣлкахъ и сношеніяхъ.

Вслѣдствіе антропоморфическихъ представленій о чортѣ и о взаимныхъ отношеніяхъ между нимъ и человѣкомъ, употребленіе крови не могло не быть перенесено и въ вѣрованія о договорахъ съ дьяволомъ, и въ практику этихъ вѣрованій. Представленіе объ употребленіи крови въ отношеніяхъ человѣка съ человѣкомъ давно исчезло у цивилизованныхъ народовъ. Но то, что оно сохранилось среди этихъ народовъ въ низшихъ ихъ классахъ въ примѣненіи къ договорамъ съ чортомъ, и указываетъ на то, что оно нѣкогда имѣло соотвѣтствующую ему дѣйствительность среди народа въ обыкновенныхъ договорахъ и сдѣлкахъ.

На роспискѣ, составляющей предметъ нашего дѣла, написано: *Кровію своею подписался Иванъ Робота*. Мы внимательно изслѣдовали, дѣйствительно ли эти слова написаны кровію, и убѣдились, что они написаны тѣми же самыми чернилами, какъ и вся росписка. Мы думаемъ, что выраженіе: *кровію своею подписался*—имѣетъ такое же значеніе, какъ „руку приложилъ“. Это формула нынѣ не соотвѣтствующая дѣйствительности, но указывающая на то, что въ стародавнія времена дѣйствительно совершалось то, что она обозначаетъ нынѣ.

А. Ѳ. Кистяковскій.

ПОСЛѢДНЯЯ САМОЗАЩИТА Г. КІЕВА.

Въ связкѣ дѣлъ кіевскаго городскаго магистрата за 1840—1850 г. мы нашли постановленіе магистрата, состоявшееся 13 декабря 1842 года, о выдачѣ Антону Лакердѣ свидѣтельства о его службѣ и о правѣ его, какъ гражданина и члена магистрата, на Высочайшее благоволеніе за охрану г. Кіева въ 1831 году. Этотъ документъ сообщаетъ о фактѣ, который былъ извѣстенъ до сихъ поръ лишь немногимъ кіевскимъ старожиламъ, по преданію,—именно

о самозащитѣ города въ 1831 г. отъ „злонамѣренныхъ“ людей, подъ коими разумѣлись тогда польскіе мятежники. Обстоятельства дѣла, на сколько они выяснились изъ найденнаго нами документа, состоятъ въ слѣдующемъ: когда польскій мятежъ сталъ быстро разростаться, когда помѣщики кіевской губерніи одинъ за другимъ становились въ ряды инсургентовъ и жертвовали имуществомъ для своего общаго дѣла, „почтеннѣйшее общество кіевскихъ гражданъ“, вмѣстѣ съ членами магистрата и подъ предсѣдательствомъ своего войта Гр. Ив. Киселевскаго [1]), „учинили разсужденіе“ („сбрашася“, „створиша вѣче“, „сдумаша“, „совѣщаша“, какъ выразился-бы лѣтописецъ) о положеніи города. Вспомнили при этомъ кіевляне, что древніе „привилеи“ польскихъ королей и „особыя грамоты великихъ государей“, даютъ имъ право отражать врага собственными силами и вмѣняютъ имъ въ обязанность охрану своего города и уѣзда, и потому „признали нужнымъ“, по бывшему въ 1812 году примѣру, „вооружить изъ среды себя для охраненія города и отраженія злонамѣренныхъ такое количество конныхъ и пѣшихъ, какое начальство предназначитъ“. Постановленіе это состоялось 1 мая 1831 г. и лишь только послѣдовало по нему разрѣшеніе генералъ-губернатора Княжнина отъ 8-го мая, какъ 12-го числа того-же мѣсяца составленъ былъ отрядъ изъ 1000 человѣкъ пѣхоты и 200 конницы. Императоръ Николай I, увѣдомленный губернаторомъ о таковой готовности кіевлянъ, выразилъ чрезъ него свое особое Высочайшее благоволеніе всѣмъ лицамъ, участвовавшимъ въ организаціи и составѣ „гражданской стражи“. По всей вѣроятности отрядъ былъ сформированъ подобно тому, какъ формировался онъ и въ мирное время для церемоній, и только болѣе былъ приспособленъ къ совершавшимся событіямъ. Начальникомъ отряда былъ избранъ ратегеръ магистрата Иванъ Гавриловичъ Мажный, тогда уже шестидесятилѣтній старикъ, командовавшій городской милиціей до уничтоженія ея въ 1834 году и „во время французской компаніи исполнявшій разныя порученности, какъ по назначенію градскаго обще-

---

[1]) Онъ «війтовавъ» въ Кіевѣ съ 1827 по 1834 годъ; въ 1833 г. при рескриптѣ награжденъ орденомъ св. Анны 3-й степени, быть можетъ, за участіе въ сформированіи городской милиціи, если только не въ виду предстоявшаго увольненія отъ обязанностей войта съ введеніемъ новаго городоваго положенія.

ства, такъ и бывшаго тогда гражданскаго губернатора де-Санти, до устройства по тому случаю разныхъ потребностей и къ охраненію города отъ опасности". Съ Мажнымъ, какъ главнымъ начальникомъ отряда, раздѣлялъ власть его ближайшій помощникъ „полковникъ" Иванъ Петровичъ Романовскій, также ратегеръ магистрата, имѣвшій подъ своимъ начальствомъ „адъютанта", обязанности котораго исполнялъ тогда гражданинъ Хотяновскій. Хотя отрядъ сформированъ былъ совсѣмъ по военному, но до военныхъ дѣйствій не доходилъ и вся дѣятельность этой „гражданской стражи" состояла въ объѣздѣ конницей города „внутри и около", да въ занятіи въ немъ пѣхотой карауловъ и постовъ. Съ подавленіемъ мятежа и съ изданіемъ государемъ амнистіи 1-го ноября 1831 года польскимъ революціонерамъ, дѣятельность стражи, конечно, также должна была прекратиться, а 10-го декабря того-же года губернаторъ объявилъ гражданамъ Кіева вторичное Высочайшее благоволеніе за „примѣрное усердіе" и проч. отряда, который, отдаленный отъ непріятеля, ограничивался лишь „строгимъ соблюденіемъ правилъ военной дисциплины". Это невинное упражненіе на видъ только воинственныхъ кіевлянъ породило въ то время *своего рода* бурю, какъ разсказалъ о томъ внукъ бывшаго кіевскаго войта Иванъ Киселевскій въ № 115 „Зари" за текущій годъ. По его разсказу, основанному на семейныхъ преданіяхъ и уцѣлѣвшихъ какихъ-то документахъ (желательно было-бы видѣть ихъ въ печати), кіевляне, сформировавъ отрядъ, „вскорѣ были поражены внезапнымъ изъ Петербурга распоряженіемъ, по которому они устранялись отъ исполненія гарнизонной службы по г. Кіеву. Въ то-же время самъ войтъ былъ вытребованъ черезъ фельдъ-егеря въ столицу. Оказалось, что польскія газеты протрубили, будто войтъ Киселевскій, занявъ своими войсками кіевскую цитадель, водрузилъ на валахъ ея польское знамя и ждетъ прихода поляковъ. Личныя объясненія его оказались совершенно достаточными для того, чтобы убѣдить кого слѣдуетъ въ безъосновательности слуховъ, распространенныхъ польскими газетами.

Невольно приходится сказать: и тогда, какъ и теперь (процессъ 11-ти во Львовѣ) поляки изъ мухи дѣлали слона, но тогда въ удовольствіе себѣ, теперь изъ страха за себя.

И. Каманинъ.

НЕВОЛЬНОЕ ПЕРЕСЕЛЕНІЕ И ТОСКА ПО РОДИНѢ, КАКЪ ПОДОЗРИТЕЛЬНОЕ ЧУВСТВО.

Въ старое доброе время, когда помѣщикъ безвозбранно и безконтрольно распоряжался судьбою унаслѣдованныхъ или купленныхъ имъ крестьянъ, производились надъ ними всякаго рода (единичныя и огульныя) насилія, въ томъ числѣ и невольное ихъ переселеніе изъ одного имѣнія въ другое, хотя бы для этого имъ пришлось идти за три-девять губерній. Въ большей части такихъ переселеній имѣлись въ виду ближайшіе хозяйственные разсчеты помѣщика, благосостояніе же переселяемыхъ всего менѣе принималось въ соображеніе,—они просто трактовались, какъ рабочій скотъ, породу котораго можно улучшать посредствомъ смѣшеній...

Опытъ такого переселенія произведенъ былъ послѣ сороковыхъ уже годовъ помѣщикомъ одной изъ малороссійскихъ губерній И. И. Сердюкомъ, и вотъ что случилось при этомъ.

Состоялъ онъ членомъ корреспондентомъ Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества. Въ бытность свою въ Петербургѣ въ 50-хъ годахъ, Сердюкъ, какъ членъ общества, счелъ нужнымъ представиться его предсѣдателю, которымъ былъ тогда кн. В. В. Долгорукій. По предложенію сего послѣдняго, имъ тогда же была написана и въ Трудахъ общества помѣщена статья, подь заглавіемъ: „Краткій очеркъ хозяйственныхъ занятій мстиславскаго помѣщика И. И. Сердюка“ [1]). Въ статьѣ говорилось между прочимъ: „Я перевелъ изъ Малороссіи въ мстиславскій уѣздъ, могилев. губ., въ с. Кудричи 25 мужчинъ и 25 женщинъ малороссіанъ, въ тѣхъ соображеніяхъ, чтобы племеннымъ смѣшеніемъ довольно сильнаго и довольно нравственнаго элемента привить къ бѣлорусскому краю крѣпкихъ и добронравственныхъ хлѣбопашцевъ. Мнѣ стоило большаго труда и издержекъ обзавести переселенцевъ хозяйствомъ, *ублажить ихъ тоску по отчизнѣ* и сблизить, или, такъ сказать, сроднить различные характеры, уравновѣсить разнородную природу въ хозяйственномъ быту“, и проч.

Когда въ слѣдъ за напечатаніемъ статьи,—разсказывалъ намъ И. И., я прибылъ снова въ Петербургъ и явился къ князю, онъ

---

[1]) См. Труды Имп. в. эк. Общ. за 1850 г. Т. II, № 4, стр. 16 (смѣси).

встрѣтилъ меня слѣдующими словами, произнесенными, противъ обыкновенія, взволнованнымъ голосомъ: „что вы, батюшка, надѣлали?—Государь читалъ и приказалъ подобныхъ статей не печатать“... Послѣ столь неожиданнаго пріема, я не нашелъ удобнымъ просить дальнѣйшаго объясненія отъ князя и отправился къ секретарю общества Бурнашеву. Тотъ объяснилъ мнѣ, что всѣ журналы просматриваются въ III отдѣленіи генераломъ Дубельтомъ и неблагонамѣренныя въ нихъ статьи и мѣста, имъ подчеркнутыя, представляются Государю, что и № Трудовъ съ моею статьею былъ также представленъ и въ ней подчеркнуты были рукою Дубельта слова: *ублажить ихъ тоску по родинѣ*, но что Государь противъ этихъ словъ написалъ: „вздоръ“.

Любопытно было бы знать,—прибавимъ отъ себя,—относился ли рѣзкій отзывъ справедливаго Государя къ самому, такъ сказать, *подчеркнутію* приведенныхъ словъ, или ко всему „Очерку хозяйственныхъ занятій племеннымъ смѣшеніемъ“—точно бы рѣчь шла о разведеніи овецъ, или объ улучшеніи породы рогатаго скота. Въ связи съ словами предсѣдателя общества, сказанными автору статьи, конечно, не безъ основанія, и послѣднее предположеніе весьма вѣроятно.

Какъ бы ни было, но характерная отмѣтка Дубельта отбила надолго ревностному экспериментатору и корреспонденту охоту брать въ руки предательское перо, претворявшее чернила въ отраву.

Ст. Фонъ-Носъ.

РѢДКАЯ ДРЕВНЯЯ НАДПИСЬ.

Въ переяславскомъ вознесенскомъ монастырѣ, въ церкви Рождества Богоматери, есть икона Божіей Матери, издревле почитаемая чудотворною. Различныя чудеса отъ этой иконы описаны въ особой древней рукописи, хранящейся въ той обители. Кто-то изъ братіи читалъ рукопись и, вѣроятно, нашелъ въ ней указаніе на надписи о чудесахъ на самой иконѣ; но на иконѣ риза и надписи закрыты.

14 декабря прошлаго года казначей монастыря, іеромонахъ Парфеній, съ ризничимъ іером. Иринархомъ, въ присутствіи іеро-

діакона Іова и послушника Виктора Троицкаго сняли ризу „для провѣрки описанныхъ въ рукописи чудесъ“ и нашли на иконѣ надпись конца XVII вѣка, значительно попорченную, но которая, по сличеніи съ упомянутою рукописью, даетъ слѣдующій оригинальный текстъ:

“Сей образъ пресвѧтой Бцы есть чꙋдовной, которой исцѣлилъ Невѣстꙋ на имѧ Ѳеодорꙋ, попадю Микꙋлькꙋю, Карпихꙋ Лагꙋтихꙋ; лежала презъ килка лѣтъ безъ ногъ, и тако презъ сонъ оной вказала, мовѧчи: о тебѣ постѣль послана мѧко, да ты плачешъ: а мнѣ тютюсчи біютъ ѹ школѣ, да ѧ не плачꙋ, изъ блощицъ мене познай. Если ты мене очистишъ ѿ гнюсꙋ сегѡ, то бꙋдешъ на ногахъ своихъ ходити; скоро маларꙋ отдала, теды здорова стала, и ѧ Иванъ маларъ дозналъ ласки пресвѧтой Богородици, же и мнѣ ногꙋ правꙋю исцилила, рокꙋ ҂ахпє мѣсѧца декеврїѧ ні҃ днѧ“.

Надпись, очевидно, составлена и начертана тѣмъ самымъ Иваномъ маляромъ, которому Богородица ногу правую исцѣлила. Помимо этого надпись даетъ и другія указанія и, между прочимъ, на обстоятельство, послужившее поводомъ къ объявленію иконы чудотворною. Икона до этого времени находилась въ школѣ, конечно, въ переднемъ углу. Въ углу заводилась паутина, скоплялась всякая нечистота. Стѣны были сосновыя, вѣроятно, и за иконой и вокругъ ея завелись клопы. Были кромѣ того щели и сквозь ихъ посвистывалъ вѣтеръ. Въ школѣ и теперь рѣдко наблюдаютъ за чистотой, а въ тѣ поры и подавно. Школа-ли была въ домѣ священника, или священникъ жилъ въ школѣ, неизвѣстно; но связь между ними на этотъ разъ несомнѣнна. Лежала тутъ съ пораженными какою-то болѣзнію ногами попадья Ѳеодора Карпиха Лагутиха. Ни возрастъ, ни состояніе ея неизвѣстны,—была-ли она жена, теща или мать наличнаго тогда священника, или дальняя родственница, священническая вдова. Быть можетъ, „конопли она мочила“, или въ бродъ черезъ рѣчку переходила, только какимъ-то случаемъ ноги ей отняло. Быть можетъ, какъ безнадежно больная, и положена она была въ школѣ, спокойствія ради, и—лежала тамъ дни и ночи, чая, когда кто къ ней заглянетъ. Лежала и по цѣлымъ часамъ на образъ глядѣла. Что иное и могъ тогда дѣлать безпомощный, безнадежно больной. Видѣла она, какъ обсѣли икону мухи, пауки и

клопы, слышала долетавшій до ушей ея чрезъ щели свистъ вѣтра въ звукахъ: *тю-тю* и—набожная, изстрадавшаяся душа ея не разъ, конечно, болѣла о такомъ неблагоговѣйномъ содержаніи иконы и, быть можетъ, собственную болѣзнь ставила въ связь съ этимъ обстоятельствомъ. И вотъ образно видится ей во снѣ то, что мысленно не разъ она на яву себѣ представляла. Она спѣшитъ передать объ этомъ видѣніи окружающимъ, съ помощію ихъ и призваннаго маляра, очищаетъ и реставрируетъ образъ, и сама чувствуетъ себя съ той поры здоровою. Вдохновенный разсказомъ страдалицы маляръ въ свою очередь чувствуетъ, что мучившая его боль въ правой ногѣ прекратилась и тутъ-же наноситъ на обновленный имъ образъ приведенную выше надпись. Образъ объявляется *чудовнымъ* и, безъ сомнѣнія, съ этой именно поры переносится въ церковь и становится предметомъ всеобщаго почитанія до сего дня.

Таково происхожденіе древней переяславской чудотворной иконы Божія Матери! Попадья Карпиха Лагутиха, да хроменькій Иванъ маляръ своими недугами и страданіями, своею вѣрою и молитвою дали поводъ къ ея прославленію.

Образъ писанъ на холстѣ, а наклеенъ на сосновой доскѣ, какъ свидѣтельствуютъ снимавшіе съ него ризу; они-же удостовѣряютъ, что наклейка производилась не въ то время, когда образъ обновлялся, а послѣ, когда онъ обветшалъ, и что это было причиною того, что нѣкоторыя слова надписи, современной объявленію образа чудовнымъ, повреждены.

НЕОБЫЧНАЯ ЗАСТАВА.

Кто знакомъ съ кругомъ церковнаго богослуженія, тому извѣстно, что въ послѣдніе три дня страстной недѣли и во всю пасхальную недѣлю псалтырь совсѣмъ не читается при богослуженіи. Въ старыя времена этимъ обстоятельствомъ пользовались дьячки, что бы заполучить лишнюю кварту водки на страдную пору непрерывнаго чтенія и пѣнія по нѣскольку часовъ въ день, въ ожиданіи праздничныхъ доходовъ. Извѣстно, что въ старину дьячки южной Россіи не принадлежали къ клиру, не были подвѣдомы консисторіямъ, но избирались самими прихожанами, съ согласія

священника. Словомъ это были люди вольной профессіи, въ своемъ родѣ артисты. Пили они, какъ и ихъ избиратели, и лишняя рюмка не ставилась имъ въ укоръ. Въ это-то время дьячки, говорятъ, пользовались особою привилегіею закладывать въ шинкахъ церковную псалтырь на все то время, пока она не нужна при богослуженіи, а въ Ѳомину субботу, когда на вечернѣ читается обычная первая каѳизма, церковный староста отправлялся къ шинкарю и выкупалъ у него заложенную книгу. Въ дѣтствѣ я самъ зналъ въ лѣвобережной Малороссіи одного стариннаго дьячка, имѣвшаго пристрастіе къ спиртнымъ напиткамъ, который, по прочтеніи положенной въ страстную среду на преждеосвященной обѣднѣ каѳизмы, закрывалъ псалтырь и не клалъ ее на полку клироса, а держалъ у себя подъ мышкой, чтобы не отнялъ староста, и послѣ обѣдни прямо отправлялся съ нею къ *Срулю* и заставлялъ ее за кварту водки. Помню, какъ однажды староста забылъ во время выкупить книгу, и дьячку пришлось наизусть отхватать всю каѳизму.

Подобный этому случай встрѣтился намъ въ гродской луцкой книгѣ подъ 1621 годомъ (по каталогу кіевск. центральнаго архива № 2819, листъ 647), съ тою лишь разницею, что здѣсь церковная книга была заложена въ шинкѣ не дьячкомъ, а викарнымъ священникомъ. Вотъ буквальный переводъ судебнаго рѣшенія по жалобѣ священника владиміръ - волынской михайловской церкви Якова Залускаго о церковной книгѣ, заложенной его викаріемъ жиду-шинкарю за спиртные напитки и перезаложенной послѣднимъ въ другія руки: „Дѣялось во Владимірѣ, въ одномъ жидовскомъ домѣ, въ присутствіи раввина и другихъ старшинъ раввинской общины, 7 января, 1621 года. Предо мною Войтехомъ Милачевскимъ, подвоеводою волынскимъ, во время отправленія судовъ надъ жидами владимірскими, было предъявлено дѣло между велебнымъ о. Яковомъ Залускимъ, священникомъ владимірской церкви св. Михаила, истцемъ, и владимірскимъ жидомъ-шинкаремъ Беніашемъ, отвѣтчикомъ, по слѣдующему поводу: когда поименованный священникъ о. Яковъ Залускій уѣзжалъ гостить къ роднымъ, то все имущество михайловской церкви, какъ-то: утварь, книги и проч. поручилъ подъ надзоръ и охрану своему викарію, Ѳеодору, впредь до своего возвращенія. Но означенный викарій, вмѣсто надзора за цѣлостью церковныхъ вещей, взявши изъ михайловской церкви служебную

книгу, пошелъ съ нею въ шинокъ жида Беніаша и заложилъ ее за спиртные напитки на сумму въ 20 грошей польскихъ. Послѣ того жидъ Беніашъ, чрезъ посредство своей шинкарки, продающей въ его домѣ пиво, медъ и горѣлку, перезаложилъ означенную церковную книгу, за такую-же сумму, протопопу владимірскому Григорію Лозовицкому, и, не смотря на то, что истецъ, о. Яковъ Залускій, по возвращеніи во Владиміръ, готовъ былъ возвратить Беніашу 20 грошей польскихъ, послѣдній отказывается выкупить книгу изъ того мѣста, куда онъ заставилъ ее. По выслушаніи предъявленныхъ сторонами заявленій и возраженій, я подвоевода, принявъ во вниманіе, что названная книга перешла въ чужія руки по винѣ шинкаря Беніаша, постановилъ, чтобы послѣдній сегодня же, до закрытія судебнаго засѣданія, выкупилъ означенную книгу изъ рукъ протопопа и возвратилъ ее истцу о. Якову Залускому, получивъ отъ него 20 грошей; въ случаѣ же неисполненія Беніашемъ настоящаго опредѣленія, онъ долженъ подвергнуться штрафу въ три польскихъ гривны въ пользу суда и противной стороны. Черезъ часъ послѣ того явился ко мнѣ вышепоименованный Яковъ Залускій, священникъ михайловскій, и заявилъ, что книга ему возвращена и онъ болѣе не имѣетъ никакихъ претензій къ жиду Беніашу; поэтому я на вѣчныя времена освобождаю послѣдняго отъ отвѣтственности по настоящему дѣлу“.

О. Л.

КЪ ПОРТРЕТУ САВВЫ ГРИГОРЬЕВИЧА ТУПТАЛО.

Прилагаемый къ настоящей книжкѣ портретъ Саввы Григорьевича Туптало представляетъ на первый взглядъ особу духовнаго чина,—священника, архимандрита или архіерея. Никто, не присмотрѣвшись къ нему внимательно и не будучи знакомъ съ мѣстною исторіею и археологіею, не могъ-бы подумать, что это лице мірское, при томъ военнаго званія, козакъ и старшина козачій въ его обыкновенномъ костюмѣ. Это однако сотникъ кіевскій, а названіе его *Савва Григорьевичъ Туптало.*

Замѣчательно долгая жизнь его захватываетъ собою три столѣтія и проходитъ чрезъ всю почти исторію козачества, если не считать

времени зарожденія и упадка онаго. Начало его жизни принадлежитъ XVI ст., самая жизнь обнимаетъ весь XVII вѣкъ, а конецъ переходитъ въ XVIII столѣтіе. Въ его жизни, если бы она могла быть извѣстна, представилась бы намъ вся исторія козачества. Савва Григорьевичъ Туптало—сподвижникъ Хмельницкаго и отецъ симпатичнѣйшаго и ученѣйшаго святителя земли русской, угодника Божія, св. Димитрія Ростовскаго, и—эти два обстоятельства еще болѣе привлекаютъ къ его личности наше вниманіе. По мѣсту рожденія онъ сынъ въ строгомъ смыслѣ кіевской земли, по мѣсту службы и долгаго жительства онъ нашъ родной кіевлянинъ. Тутъ учился знаменитый впослѣдствіи сынъ его Даніилъ,—свѣтильникъ, свѣтившій и свѣтящій всей Россіи; тутъ были три дочери его; тутъ самъ Савва воевалъ, начальствовалъ и ктиторствовалъ, тутъ и жизнь свою долгую и благочестивую скончалъ.

Къ сожалѣнію, о долгой жизни лица, котораго портретъ мы теперь представляемъ, дошло до насъ весьма мало свѣдѣній, которыя могли бы дать намъ понятіе какъ о немъ самомъ, такъ и о его богатомъ особенностями времени. Родился онъ въ 1599 году въ мѣстечкѣ Макаровѣ (нынѣ кіевской губерніи и уѣзда), въ 50-ти верстахъ на западъ отъ Кіева, нѣкогда резиденція извѣстнаго въ исторіи Польши своими безумными подвигами польскаго бандиты Самуила Лаща.

Первое свѣдѣніе о жизни Саввы Григорьевича Туптала встрѣчаемъ только въ 1650 г., т. е. когда ему прошло уже свыше 50 лѣтъ. Въ это время онъ записанъ въ реестръ войска запорожскаго въ качествѣ рядового козака макаровской сотни кіевскаго полка. Вскорѣ потомъ онъ выбранъ былъ сотникомъ той-же сотни и вслѣдъ затѣмъ перешелъ, также въ званіи сотника, въ кіевскую полковую сотню. Это была самая тяжкая пора для родной земли Туптала и Украйны обоихъ береговъ, пора крайняго напряженія ея силъ въ борьбѣ ея съ Польшею на жизнь и смерть. Несчастный бѣлоцерковскій договоръ, новыя насилія надъ православнымъ украинскимъ населеніемъ со стороны наводнившихъ страну польскихъ войскъ и поднявшихъ голову пановъ, изгнаніе тѣхъ и другихъ изъ края, переяславская рада и подчиненіе Москвѣ, новая война съ Польшею, борьба партій и кровавыя смуты Юрія Хмельницкаго и его продолжателей, разореніе Кіева и передача его Польшѣ, разо-

реніе училища братскаго, не давшее сыну Туптaлы докончить тамъ курсъ наукъ—таковы были событія и обстоятельства, среди которыхъ Туптало долженъ былъ нести свою тяжелую службу. Скромное имя сотника теряется въ вихрѣ этихъ событій, но въ ту пору, когда всякая наличная сила страны приходила въ дѣйствіе, и Туптало съ своею сотнею принималъ въ нихъ живое и дѣятельное участіе и если имя его ничѣмъ не отмѣчено въ исторіи этихъ событій, то, кромѣ всякихъ случайностей, нельзя не видѣть въ этомъ указанія на характеръ всей вообще дѣятельности болѣе чѣмъ зрѣлаго по возрасту семьянина, направлявшейся болѣе къ подвигамъ благочестія, нежели къ подвигамъ военнымъ. Онъ много заботился объ образованіи единственнаго сына своего, а когда смутныя обстоятельства воспрепятствовали окончанію онаго, сына на 17 году—опредѣлилъ его въ кирилловскую обитель, гдѣ онъ былъ монахомъ, проповѣдникомъ и игуменомъ. Три дочери его, извѣстныя намъ съ монашескими именами Памфиліи, Февроніи и Параскевы, основали рядомъ съ кіево-іорданскою церковью николаевскій женскій монастырь, въ которомъ преемственно одна за другою были игуменьями, когда братъ ихъ игуменствовалъ въ сосѣднемъ кирилловскомъ монастырѣ, а отецъ ихъ былъ ктиторомъ этой обители. Это по духу того времени было высшимъ идеаломъ жизни и Савва Туптало и его престарѣлая супруга Марія Михайловна считались самыми счастливѣйшими родителями. Всю вообще вторую половину своей жизни Савва Туптало прожилъ въ Кіевѣ, гдѣ пользовался значительнымъ уваженіемъ и благосостояніемъ. Изъ современнаго документа мы знаемъ, что въ 1686 году онъ занималъ еще должность кіевскаго сотника и пользовался отъ мостовой пошлины, взимавшейся за проѣздъ черезъ рѣку Ирпень у мѣстечка Мостища. Затѣмъ извѣстенъ намъ только годъ смерти престарѣлаго сотника: скончался онъ въ 1703 году, 103 лѣтъ отъ роду, и погребенъ въ троицкой церкви при кіевскомъ кирилловскомъ монастырѣ, ктиторомъ которой онъ состоялъ при жизни. Въ той-же церкви погребена была и жена Саввы Туптала—Марія Михайловна, скончавшаяся также въ Кіевѣ въ 1688 году. По указанію дневныхъ записокъ св. Димитрія Ростовскаго, каменный домъ его родителя находился на Подолѣ, близъ притиско-никольской церкви. Въ 40-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія онъ находился еще во дворѣ купца Курлюкова и имъ былъ разобранъ.

Надъ могилою благочестиваго сотника немедленно послѣ его кончины былъ повѣшенъ на стѣнѣ точный поясной портретъ его на холстѣ, который, вслѣдствіе поврежденія, въ 1760 г. августа 10-го дня, замѣненъ существующею теперь копіею его. Копія эта и особливо копія церкви ростовскаго монастыря нѣсколько отступаютъ отъ подлинника и придаютъ изображенію видъ святаго угодника. Нашъ снимокъ сдѣланъ съ гравюры, принадлежащей А. М. Лазаревскому, хотя нѣсколько поблекшей, но вѣрнѣе передающей существенныя черты оригинала. Въ 1870 г. кіевскій каѳедральный протоіерей П. Г. Лебединцевъ издалъ снимокъ съ портрета Саввы Григорьевича по копіи 1760 года, повторенный съ того-же клише въ 1881 г. барономъ М. И. Эренбургомъ. На предлагаемомъ портретѣ надпись слѣдующая:

„*Савва Туптало, сотникъ кіевскій, жилъ въ нижнемъ Кіевѣ городѣ. Отъ рожденія ста трехъ лѣтъ, въ день Богоявленія Господня, въ третьемъ часу дня преставился, въ 1703 году, и погребенъ въ кіевскомъ кирилловскомъ монастырѣ, въ которомъ и ктиторомъ былъ онъ*“. На ободкѣ, кругомъ портрета надпись: „*Отецъ новоявленнаго чудотворца, митрополита ростовскаго, святителя Христова Димитрія*“.

Подъ портретомъ, изданнымъ пр. Лебединцевымъ и повтореннымъ барономъ Эренбургомъ, надпись въ стихахъ такая:

Благочестивый мужъ Туптало Сава,
Запорожскаго войска честь и слава,
Въ Богоявленскій день отверсту небу,
Восшествія тамо совершилъ потребу,
Въ третій часъ на день третьяго року
Семь сотъ тысящна—з троична кроку,
Въ троичномъ кирильскомъ почи чину,
Душею Тройцы лице да зритъ выну.
Въ вѣку семъ добрѣ жилъ сто и три лѣта;
Обы сторичну взялъ мзду троичиа свѣта.

Портретъ изображаетъ Савву Туптала въ преклонныхъ лѣтахъ, вѣроятно подъ конецъ его жизни; старческое, но высоко осмысленное и энергическое лице сотника, значительно видоизмѣнено и совершенно потеряло характеръ въ копіи, которою пользовался ба-

ронъ Эренбургъ. По обычаю стариковъ своего времени, Савва Туптало изображенъ съ длинною сѣдою бородою и съ длинными бѣлыми волосами, падающими на плечи равномѣрно по обѣимъ сторонамъ головы; въ рукахъ онъ держитъ длинный посохъ съ набалдашникомъ. Прическа и посохъ на первый взглядъ придаютъ фигурѣ сотника характеръ духовнаго лица. Одѣтъ онъ въ шубу съ отложнымъ мѣховымъ воротнитомъ, застегнутую на шеѣ, съ тремя металлическими пуговицами на правой сторонѣ, и тремя петлицами изъ позумента на лѣвой. Изъ подъ шубы виднѣется длинный „кунтушъ изъ адамашка зъ частыми срибрными квитками“, какія мы встрѣчаемъ въ описяхъ движимаго имущества знатныхъ козаковъ того времени; рукава кунтуша и край его полы оторочены толстымъ снуркомъ; на груди онъ застегнутъ рядомъ металлическихъ пуговицъ; поверхъ кунтуша повязанъ поясъ изъ мягкой шелковой матеріи, такъ называемый „турецкій“, концы отъ котораго, шитые узоромъ, свѣшиваются съ правой стороны. Вверху портрета, съ лѣвой стороны его, въ медальонѣ, составленномъ изъ арабесковъ, помѣщенъ гербовный щитъ, на немъ въ красномъ полѣ изображенъ бѣлый треугольникъ, вѣроятно условный знакъ, употреблявшійся Тупталомъ для клеймъ и печати.